Федеральное агентство научных организаций России
Российская академия наук
Уфимский научный центр
Институт истории, языка и литературы
отдел истории и истории культуры Башкортостана

«Новые» имена: историко-литературные и краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв.

Санкт-Петербург
«Своё издательство»
2015

УДК 947: 908 (470.57): 82 (=512.141)
ББК 63.3 (2 Рос. Баш): 83.3 (2 Рос. Баш)

Рецензенты:

П.И. Фёдоров, заведующий информационно-библиографическим отделом библиотеки Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа);
Е.Е. Нечвалода, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Института этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева (Уфа)

«Новые» имена: историко-литературные и краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / составитель М.И. Роднов. СПб.: ООО «Своё издательство», 2015. – 174 с.

ISBN 978-5-4386-0687-1

Впервые в новейшее время публикуются труды краеведов Южного Урала, изданные в середине XIX – начале XX вв. Представлено творчество краеведов, занимавшихся изучением прошлого края, ситуации в экономике региона, собиравших этнографический материал, а также приведены данные о литературно-публицистическом наследии.

Книга предназначена для профессиональных историков, преподавателей гуманитарных дисциплин, историков, филологов, студентов, краеведов, всех интересующихся историей и культурой Южного Урала и сопредельных территорий.

УДК 947: 908 (470.57): 82 (=512.141)
ББК 63.3 (2 Рос. Баш): 83.3 (2 Рос. Баш)

ISBN 978-5-4386-0687-1

© Роднов М.И., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 4

I. Грет В.

ИЗ ХРОНИКИ ОДНОГО ГОРОДА. (ПОВЕСТЬ) [фрагменты, начало] 18

II. Пиглевский Л.В.

№ 1. Дорожные заметки. От Уфы до Мензелинска и по уездам Мензелинскому, Бирскому и отчасти Белебеевскому 29

№ 2. Дорожные заметки и впечатления из Уфы до Белебея, и его уезд 33

III. Колесников М.В.

Этнографические очерки русского населения Уфимской Губернии, в его народном быту, обрядах, обычаях и пр. 45

IV. Черников-Анучин А.В.

Протоиерей Фёдор Иванович Базилевский. 125

V. Гурвич Н.А.

Уфимский попечительный о бедных комитет и Пётр Васильевич Полежаев († 19 марта 1894 г.) (фрагменты) 163

Некрологи Н.А. Гурвичу 171

Введение

В данном сборнике представлены историко-краеведческие и литературные произведения, «забытые» в течение длительного времени, не использовавшиеся в научно-краеведческих трудах, которые показывают сложный процесс постепенного формирования гуманитарного сообщества в Уфимской губернии второй половины XIX – начала XX вв. Биографии этих авторов, их творческие искания ещё ждут своих исследователей. О некоторых пока вообще ничего определённого сказать нельзя, как, например, об открывающем данный сборник В. Грете. Настоящая ли это фамилия или псевдоним, какова его судьба – неизвестно. Даже в словаре С.А. Венгерова приведена лишь самая сжатая информация: «Грет, В., Беллетрист и автор сборн. стих. "Думы и песни" (Екатеринбург. 1896)»[1]. В этом сборнике помещены 19 безыскусных, на мой взгляд, стихотворений и роман в стихах «Львов». Из содержания нельзя ничего узнать о месте проживания и профессии автора. Обращает внимание только сюжет о судьбе помещиков, что в целом можно признать не совсем типичным для выходца с горнозаводского Урала.

Судя по содержанию романа в стихах, речь идёт о периоде до русско-турецкой войны (1877–1878 гг.?). Бывший владелец поместья возвращается после долгого отсутствия:

Знакомые места. Деревьев тёмный ряд.
Львов вышел из возка и смотрит в старый сад.
Всё тот же сад большой: беседки и скамьи;
Всё тоже, только нет родной его семьи.
Вон, у бассейна, львы раскрыли свою пасть;
Замёрзла их струя, готовяся упасть;
За купою берёз, беседка на боку
Гниёт, зарывшись в снег; на ивовом суку
Качели – виден след. Львов по двору идёт;
Густой аллеи путь среди двора ведёт…
И выступил пред ним огромный, старый дом:
Забиты ставни все, жильцов не видно в нём[2].

Здесь публикуются фрагменты из другого сочинения В. Грета, не попавшего в поле внимания С.А. Венгерова, повести «Из хроники одного города», хотя автор рекламировал своё про-

---

[1] *Венгеров С.А.* Источники словаря русских писателей. Т. II. Гогоцкая – Карамзин. СПб., 1910. С. 95. Не упоминается Грет и в словаре псевдонимов (см.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. I. М., 1956; Т. IV. М., 1960).

[2] Думы и песни. Сборник стихотворений В. Грета. Издание автора. Екатеринбург: Типография Ф.К. Хомутова, 1896. С. 29.

изведение[1]. Изданная в Белебее в 1897 г., она почти точно указывает на место действия – сам уездный город Белебей («Город Б…ъ»). «Даже линия железной дороги как то миновала его, вероятно, за ненадобностью, и вокзал был поставлен в 30 верстах от города, при каком то селе». Только один город Уфимской губернии соответствует подобным координатам, рядом с Белебеем имелась станция Аксаково (Белебей-Аксаково). Немудрёный сюжет повествует о любви приехавшего учителя гимназии к молодой девушке из богатой семьи местных помещиков. В двух выбранных фрагментах можно увидеть как описание самого города, так и зарисовку внутреннего убранства помещичьей усадьбы Славиных (не Бунины ли, известная семья местных дворян послужила прототипом В. Грету?). Просмотр же фамилий белебеевских учителей конца XIX в. не даёт никаких «зацепок», никого похожего на Грета нет.

Если редакторство Н.А. Гурвича во второй половине XIX в. сопровождалось почти полным отказом от публикации каких-либо художественных произведений, то в начале XX в. ситуация в местной прессе кардинально поменялась. Литературные «подвалы» стали неотъемлемой частью практически всех изданий. Можно вообще предложить выделять период с 1903 по 1914 гг. – как особый этап в развитии уфимского краеведения – историко-литературный или, точнее, литературно-публицистический, когда собственно исторические публикации стали редкостью[2], вытесненные художественным творчеством. Так, в образованной из неофициальной части «Уфимских губернских ведомостей» в июле 1906 г. газете «Уфимский край» (редактор П.Ф. Гиневский),

---

[1] «В. Грет. "Из хроники одного города". Повесть, цена 60 коп. и "Думы и песни", сборник стихотворений, цена 35 коп., без пересылки. В книжных магазинах: г. Москвы, у Карбасникова, Думнова, Глазунова. Города Уфы: у Блохина и в гор. Екатеринбурге» (Уфимский листок объявлений и извещений. 1897. 29 сентября).

[2] Лишь с 1909–1910 гг. начинается некоторое оживление собственно исторического краеведения, благодаря активной деятельности секции изучения местного края семейно-педагогического общества. Например, 18 декабря 1909 г. в присутствии почти 60 чел. А.Ф. Ница делал доклад «К вопросу об основании Уфы», из дат: 1574 и 1586 гг., он был за вторую. «Во время прений по докладу, Н.П. Хасабовой, на основании одного арабского писателя, сообщены были интересные данные о двух *арских* царствах, существовавших в отдалённые от нас времена: первое – на Уфимке и Белой и другое – на Уфимке, верстах в 80 вверх. Последнее царство называлось Чандар.

М.П. Красильников указал, что докладчик не имел в виду очень важных для истории Уфы опубликованных Черемшанским архивных данных о подворной переписи населения г. Уфы в конце 16 века» (Вестник Уфы. 1909. 23 декабря). Дискуссия показывает уровень информированности.

читателю сразу же предложили поэзию. В условиях революционных потрясений патриотический официоз разместил стихи М. Естифеевой «Песня новорождённому "краю"»:

Не меняй своей дороги,
Убеждений не ломай
Как не тягост[н]ы пороги,
Храбро их переступай!

Иди, твёрдою стопою,
К правде, истине, добру
Не давай чернить хулою
И порочить старину.

Уважай, храни заветы
Этой Русской старины,
Пусть всегда твои ответы
Будут правдою полны.

Не гонись за похвалою
И за модой не спеши
И, в угоду ей хулою
Всё что свято – не клейми.

Черносотенца названьем,
Не смущайся, а гордись,
Христианским упованьем
Перед модой, – не стыдись.

Дай надежду на спасенье
От хулы и клеветы,
Разум дай для ухищренья
Снять психоза тяготы.

Дай в строках тепла и сердца
Душу отогрей ты нам,
Гул хулы и изуверства
Дай забыть твоим чтецам.

Дай им силы, бодрость, света
Твёрдою стопой идти
И, поняв всю грязь навета,
Всем путь истины найти[1].

И буквально в каждом номере «Уфимского края» идут фельетоны, стихи, художественные рассказы «Варнак» М. Евстифеевой (№ 4) или «Летние каникулы» У-ского (№ 8). Та же М. Естифеева (правильное написание фамилии) вплоть до № 37 публи-

[1] Уфимский край. 1906. 1 июля.

кует целый сериал «Кучук Кайнарджи. Разсказы бабушки в зимние сумерки. (Из татарского быта времён Монгольского нашествия)». Любопытно, но в местной литературной жизни принимали участие и приезжие фигуры.

В 1910 г. в Уфе, видимо с театральной труппой, оказался Валентин Петрович Валентинов (1871–1929) – русский либреттист, композитор, дирижёр и антрепренёр (часто подписывался как В.В. Валентинов). В рекламе встречаем, что в летнем театре наследников Видинеева будет «в пятницу, 30 июля первое представление сенсационного обозрения города Уфы. "Уфа ночью". Сочин. В.В. Валентинова, автора знаменитых оперетт-мозаик "Ночь Любви", "В волнах страстей" и др.»[1] Вот как характеризовал его творчество Григорий Маркович Ярон (1893–1963) в мемуарах по истории отечественной оперетты: «Одной из них была русская оперетта "Ночь любви" В. Валентинова[2]. На наших сценах она шла чуть ли не два года подряд ежедневно и продержалась в репертуаре около сорока лет. Это была довольно примитивная попытка создать оперетту на русский сюжет. Её героями были помещик Смятка, его дочь Лиза, влюблённая в приехавшего из-за границы студента Геннадия, лихо берущий взятки капитан-исправник. Они были одеты в удивительно сценичные, прелестные "онегинские" костюмы. Музыка оперетты представляла собой мозаику из популярных оперных и опереточных мотивов, поэтому певцы – и тенор, и баритон, и бас, и сопрано – нашли здесь отличные арии.

Правда, в этой оперетте было немало скабрёзностей. Впоследствии, играя её для советских зрителей, мы тщательно очищали её текст, но, разумеется, "Ночь любви" Валентинова так и осталась образчиком дореволюционного опереточного репертуара»[3].

Пожив некоторое время в нашем городе, Валентинов и сочинил первую уфимскую оперетту. Очевидец повествовал: «Картинное обозрение – "Уфа Ночью", поставленное 30-го июля на летней сцене, представляет из себя весьма посредственную вещь, с водевильным содержанием и со всеми прелестями фар-

---

[1] Уфимский край. 1910. 28 июля.

[2] Популярные произведения Валентинова ставили приезжавшие в Уфу труппы. Так, 18 июля 1912 г. в летнем театре Видинеева шла оперетта «В волнах страстей» (Уфимский вестник. 1912. 18 июля). Это вызывало раздражение местных ценителей высокого искусства. Так, некий Н. Ш. просто обругал Валентинова в своей рецензии в № 158 «Уфимского вестника» за 1916 г., используя выражения «опереточный кулинар» и т. п.

[3] См.: *Ярон Г.* О любимом жанре. М., 1960 (см.: http://sunny-genre. narod. ru / books/olzj/3.html).

са. В этом слабом творении очень много прозрачных намёков на щекотливые положения и несценичных выражений, которые с успехом можно было бы выпустить или сгладить без ущерба делу, не шокируя чувство зрителя. В последнем более всех повинен г. Минин, который не в меру был развязен и щедро разсыпал дешёвые перлы, как из рога изобилия.

Как ни слаба пьеса в литературном и сценичном отношении, она, тем не менее, была очень дружно, живо и весело разыграна даровитыми артистами. Почти весь театр неудержимо смеялся всё время и поощрял игру артистов шумным одобрением и апплодисментами.

Куплеты на злобу дня, разнообразные танцы, кривое зеркало и вообще весь 3-й акт, как самый интересный по содержанию, прошёл с большим оживлением и восторженно оттенён публикой. Честь и слава г. Градову, как прекрасному режиссёру.

Приветствуем вновь прибывшего артиста г. Чужбинова, так удачно изобразившего вчера Гершу Померанца и много смешившего зрителей своим разговором в 3-м действии»[1]. Первый уфимский мюзикл показывали и в последующие дни.

Однако, при изучении художественного наследия в уфимской прессе начала XX в. встаёт вопрос качества литературного произведения, для оценки требуется уже специалист. Поэтому анализ и публикация весьма обширной прозы и поэзии, помещавшейся на страницах уфимских газет, задача не историка, а литературоведа.

Если основные вехи биографии Льва Вонифатьевича Пиглевского, чьи исследования размещены в этом сборнике, более-менее известны, то судьба следующего автора покрыта пока дымкой тумана.

Во второй половине 1880-х гг. на страницах уфимских «ведомостей» появляются многочисленные публикации за подписью М. Колесников. В 1887 г. в статье «Как охотятся в Уфимской губ. на тетеревов на токах» он немного сказал о своей биографии: «бывши сельским учителем»[2]. Он проживал в Белебеевском и Мензелинском уездах, затем перебрался в Уфу (первую из статей сам датировал 28 октября 1885 г., Уфа). В своей главной работе – «Этнографические очерки русского населения Уфимской Губернии», автор отметил следующее: «Моё перо изобразило лишь то, что было добыто лично мною во время долгого проживания в деревне, с которой я чуть ли не сроднился, и поэтому русская народная жизнь как нельзя лучше знакома мне. Этнографиче-

[1] Уфимский край. 1910. 1 августа.
[2] Уфимские губернские ведомости. 1887. 11 апреля.

ские мои очерки взяты мною с натуры в уездах Белебеевском и Мензелинском, а некоторые из них сличены с обычаями Уфимского уезда».

Поиск по справочным изданиям лица с указанными инициалами выявил только одного М. Колесникова – полицейского, не имеющего чина Михаила Васильевича Колесникова. Тот служил приставом 3-го стана (1889 г.)[1], 1-го стана (1891 г.) Белебеевского уезда[2], приставом 2-го стана Уфимского уезда (1897 г.)[3]. Вполне вероятно, что именно становой пристав и представил материалы в газету. А специализировался М. Колесников на изучении этнографии русского населения, в течение трёх лет, с 1888 по 1890 гг. в уфимских «ведомостях» выходит его большая работа «Этнографические очерки русского населения Уфимской Губернии, в его народном быту, обрядах, обычаях и пр.»

В публикациях автора из полиции не было ничего удивительного, в одном месте Колесников приводит пример, скорее всего, из собственной полицейской практики: «Несколько лет тому назад в одной деревне был проделан такой обычай над одним опойцем, преданным земле на христианском кладбище по распоряжению полиции. Его ночью вырыли и затолкали в тину. Дело это, однако, каким то путём сделалось гласным и хотя крестьяне труп тот успели спрятать в могилу, по вскрытии которой он оказался весь в тине, но факт преступления дознанием подтвердили и виновные привлечены к уголовной ответственности».

Действительно, в это время в местном краеведении появился целый ряд авторов из системы МВД и иных структур – Н.Н. Макаровский[4], К.Ф. Комар[5], А.Ф. Комов[6] и др. Во многом этому содействовал редактор «Уфимских губернских ведомостей» Н.А. Гурвич, который в 1880-е гг. пытался найти замену своему бывшему основному сотруднику на историко-краеведческую тематику Р.Г. Игнатьеву и привлекал авторов из

---

[1] Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года / Сост. Н.А. Гурвич. Уфа, 1889. Отдел I. С. 21.

[2] Памятная книжка Уфимской губернии на 1891 год / Сост. П.П. Желателев, Н.А. Гурвич (ред.), Е.Ф. Овечкин, П.Г. Резанцев, А.В. Черников-Анучин, Н.Ф. Шиленков. Уфа, 1891. Отдел IV. С. 14.

[3] Состав правительственных и общественных учреждений Уфимской губернии к 1 января 1898 г. Прибавление к календарю Уфимской губернии на 1897 г. Уфа, 1898. С. 21.

[4] См.: Географическое и статистическое описание пятого стана Уфимского уезда / сост. Н.Н. Макаровский. Уфа, 1887.

[5] *Комар К.Ф.* Ревизия и описание Караякуповской волости Уфимского уезда // Уфимские губернские ведомости. 1880. 29 ноября, 13, 20 декабря.

[6] *Комов А.Ф.* Памятники старины в средине северной половины Бирского уезда // Уфимские губернские ведомости. 1889. 10, 17 июня.

народа – волостных старшин и писарей, сельских священников, учителей, в том числе сотрудников полиции. В течение трёх лет Н.А. Гурвич не только публиковал этнографические наблюдения М.В. Колесникова о русских Уфимского края, но вступался в защиту своего автора.

В сносках к этой работе отразилась критика, обрушившаяся на Колесникова, критика весьма примечательная. Его обвиняли, что он публикует общерусский материал, а не специфику Уфимской губернии. Редактор возражал, подчёркивая единый характер культуры русского народа. Но, с моей точки зрения, здесь есть иная сторона. В публикации М.В. Колесникова отразился народный фольклор эпохи начинавшегося модерна. Русское крестьянство находилось в многообразных социокультурных контактах с городской индустриальной цивилизацией, деревня была насыщена всевозможными песенными сборниками, церковной литературой, происходило непрерывное восприятие технических и иных достижений и товаров. «Незамутнённая» патриархально-девственная общинная деревня в конце XIX в. оставалась во многом в идеалистическом представлении этнографов, народников, литераторов. Полицейский-краевед смотрит на русское крестьянство без сантиментов, трезво показывая все стороны народной жизни, воспринимая архаику как исчезающие следы тёмного прошлого. Работа Колесникова включена в библиографический указатель по русскому фольклору[1], но полностью никогда не публиковалась.

Нельзя также не отметить гражданскую позицию редактора Н.А. Гурвича – члена местного православного миссионерского общества. В условиях господства консервативных настроений 1880-х гг. он упрямо публиковал материал про ведьм, леших и водяных, показывая языческие пережитки.

Сам же М.В. Колесников сотрудничал с газетой в 1890-е гг., выпустив ещё несколько статей – большую работу о черемисах: «Черемисы-язычники в Белебеевском уезде»[2], затем повторно пересказал фрагменты своего материала о русских[3], последние его статьи были посвящены Усть-Катавскому заводу (о пожарном деле и пьянстве)[4]. В начале XX в. М.В. Колесников отошёл от краеведческой деятельности. Он служил уездным исправником в Белебеевском уезде и в 1905 г.[5], лишь изредка отправляя

---

[1] Русский фольклор. Библиографический указатель. 1881–1900 / сост. Т.Г. Иванова, под ред. А.А. Горелова и Н.П. Копаневой. Л., 1990. С. 30.
[2] Уфимские губернские ведомости. 1897. 26, 29, 30 апреля, 1 мая.
[3] Там же. 1898. 30 июля.
[4] Там же. 7 ноября, 8 декабря.
[5] Там же. 1905. 31 декабря.

в газеты краткие сообщения информационного характера. Так, в 1907 г. он сообщал о ситуации с голодом в Белебеевском уезде[1], активное участие принимал в сборе средств для Аксаковского дома в Уфе, наверняка, мобилизуя свой внушительный административный ресурс. К январю 1910 г. белебеевский уездный исправник М.В. Колесников собрал и передал 4500 руб., а ранее 6000 руб. «Аксаковский комитет приносит г. Колесникову сердечную благодарность за его выдающуюся энергию и усердие в этом культурно-просветительном деле»[2]. Затем М.В. Колесников собрал ещё 2000 руб.[3] Служил он исправником по 1911 г.[4], когда, видимо, вышел в отставку с повышением в чине с коллежского секретаря до титулярного советника. В 1912 и 1913 гг. М.В. Колесников упоминается как член Белебеевского уездного отделения епархиального училищного совета[5], но в 1914 г. в справочниках он уже не значится (скончался или уехал).

На 1890-е гг. пришёлся пик литературной активности Александра Васильевича Черникова-Анучина (смотри дальше), а завершает подборку историко-краеведческих сочинений материал самого редактора неофициальной части «Уфимских губернских ведомостей» Николая Александровича Гурвича (1828–1914). Его биография достаточно подробно показана В.В. Латыповой[6], а мною изучена деятельность Н.А. Гурвича на посту редактора уфимских «ведомостей»[7]. Николай Александрович оставил поистине огромное научно-статистическое наследие, без его неутомимой энергии в поиске авторов, подборке материалов, редактировании не увидели бы свет ни труды Р.Г. Игнатьева, ни публикуемые в этом сборнике сочинения М.В. Колесникова, Л.В. Пиглевского, А.В. Черникова-Анучина. Значение Н.А. Гурвича – как первооткрывателя целого списка авторов, как редактора, всегда уделявшего особое внимание публикации историко-краеведческих работ – не просто велико. Вся наша гуманитарная общественность Южного Урала в вечном и неоплатном долгу перед удивительным усердием этого учёного и журналиста.

---

[1] Вестник Уфы. 1907. 28 марта (см. также его письмо: Вестник Уфы. 1909. 28 апреля; др.).

[2] Уфимский край. 1910. 16 января.

[3] Там же. 19 ноября.

[4] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1911 год. Уфа, 1911. С. 74.

[5] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 год. Уфа, 1912. С. 82; То же на 1913 год. Уфа, 1913. С. 98.

[6] *Латыпова В.В.* Н.А. Гурвич – наш земляк // Живая память / Сост. М.Г. Рахимкулов, В.А. Скачилов. Уфа, 1997. С. 232–251.

[7] *Роднов М.И.* Судьба редактора. Историко-документальная повесть. Уфа, 2009.

Из многообразного творческого наследия Н.А. Гурвича в этот сборник включена одна из последних его работ в должности редактора: «Уфимский попечительный о бедных комитет и Пётр Васильевич Полежаев († 19 марта 1894 г.)» Это незаконченный и в общем необычный труд для Н.А. Гурвича. По всей видимости, он планировал сделать обширную статью по истории комитета, членом которого являлся, на основе очерка, подготовленного им же в 1885 г., но не изданного. А первое описание деятельности Уфимского попечительного о бедных комитета было выполнено ещё в 1871 г. В.А. Новиковым[1] (в оригинале издания автор не указан). Гурвич хотел продолжить историю комитета после 1871 г., подчёркивая значение личности П.В. Полежаева. Но судьба сложилась иначе.

Сравнение газетной публикации с изданием 1871 г. показывает, что Н.А. Гурвич добавил предысторию благотворительности в Уфе (до 1816 г.), затем он почти точно, с незначительными грамматическими изменениями, цитирует текст очерка 1871 г.[2], разбавляя его небольшими комментариями, а также сокращая по мере необходимости. С абзаца «Генерал Обручев председательствовал до 1852 года» начинается оригинальный текст, не совпадающий с очерком 1871 г., где далее идут обзор деятельности комитета с 1859 по 1871 гг., отчёт за 1870 г., большие приложения и списки членов общества. Автор (№ 274 за 1896 г.) рассуждает вообще о судьбе общественных организаций. Вероятно, это должно было стать вступлением к показу работы Уфимского попечительного о бедных комитета в новых условиях, когда власть губернаторов заменилась общественной инициативой (тут, скорее всего, и планировался показ личности П.В. Полежаева). Однако, ситуация резко изменилась и о главном герое очерка (Полежаеве) так ничего и не было сказано.

В конце 1896 г. в Уфу прибывает новый губернатор – Н.М. Богданович, у которого отношения с редактором неофициальной части «Уфимских губернских ведомостей» Н.А. Гурвичем откровенно не сложились. Очередного главу региона – достаточно молодого и энергичного Н.М. Богдановича – престарелый редактор явно не устраивал. Наверняка, ему сразу дали понять, что нужно уходить на пенсию, и стали искать замену. И в последних трёх номерах своей статьи Н.А. Гурвич вдруг резко меняет тему и начинает рассуждать о названиях улиц, исторической обоснованности присвоения новых имён, уфимской старине. Удивляет

---

[1] Очерк основания и 50 летней деятельности уфимского попечительного о бедных комитета. Императорского Человеколюбивого Общества. СПб., 1871. 46 с.

[2] См.: Там же. С. 1–6, 37–38 (примечания в конце брошюры), 7–16.

необычно резкий тон в работе Н.А. Гурвича, всегда дипломатичного и толерантного. А после номера от 15 января 1897 г. обещанного продолжения не последовало. Вообще в том году краеведческий материал почти полностью исчезает со страниц «Уфимских губернских ведомостей». Можно допустить, что губернатор Н.М. Богданович дал указание акцентировать внимание на животрепещущих проблемах современности, не увлекаться всякой архаикой. В сентябре 1897 г. редактора Н.А. Гурвича, бессменно возглавлявшего газету на протяжении 32 лет отправляют в отставку и, видимо, не без определённого скандала, вызвавшего общественный резонанс[1].

Публикуемую в этом сборнике работу Н.А. Гурвича об Уфимском попечительном о бедных комитете нужно сравнивать с брошюрой 1871 г., из которой им взята только часть информации, а также необходимо анализировать редакторский взгляд Н.А. Гурвича, который оценивал исторический путь этой одной из первых общественных организаций в Уфе. И особый интерес имеют новые сведения, добавленные Н.А. Гурвичем. В данном сборнике приводятся только начало и конец статьи, материалы отсутствующие в брошюре о попечительном комитете.

И в дальнейшем Николай Александрович высказывал своё мнение по поводу переименования улиц в Уфе, вызванного двумя факторами: установлением единых наименований на всём их протяжении, включая пересечение Верхне-Торговой площади, а также начавшейся замены «практичных», но неблагозвучных названий на более литературные[2]. Этот вопрос рассматривался на заседании Уфимской думы 30 ноября 1899 г. (городской голова А.А. Малеев выступал за упорядочение уфимской топонимики). К заседанию Н.А. Гурвич предлагал заменить название улицы Голубиной на Старо-Аксаковскую (бывшая Каретная уже была переименована в Аксаковскую, хотя писатель жил на Голубиной) или же присвоить ей имя Пушкинской. А Колмацкую улицу наречь Кузнецкой, так как её (совр. Чернышевская) основали московские кузнецы при строительстве уфимского детинца. Хотя Городская управа поддержала инициативу Н.А. Гурвича, по предложению ряда гласных (депутатов) Калмацкую решено на

---

[1] См.: *Роднов М.И.* Судьба редактора. С. 77–80.

[2] По мере развития Уфы и застройки прежде пустовавших участков появлялись новые названия улиц. Например, 13 июля 1907 г. городская дума утвердила названия Миллионная, Мининская, Радонежская, Енисейская, Владивостокская, но не утвердила предложенные имена Яичная, Каменноломная, Ипподромная. Про последнюю журналист шутил, что её в народе будут звать Погромная. Дума поручила управе придумать новые, благозвучные названия (Вестник Уфы. 1907. 18 июля).

всём её протяжении наименовать Уфимской, так как она возникла при основании города, а Голубиную и её продолжение улицу Почтовую отныне именовать Пушкинской в честь юбилея со дня рождения поэта, как раз отмечавшегося в 1899 г.[1]

Затем Н.А. Гурвич публикует статью «Как отыскать в Уфе дом по адресу?» Он отмечает: «Широко раздольно, правильно и симметрично пролегают улицы по городу Уфе; все они длинные, сквозные с конца в конец города, так что по петербургской номенклатуре могут назваться *проспектами*; все они, или параллельны между собою, или пересекаются между собою под прямыми углами, – нигде нет ни глухих переулков, где, того и гляди, в забор упрёшься, чем грешат не только провинциальные города, но и даже матушка Белокаменная, – одним словом – ширь и гладь и Божья благодать. Здесь заплутаться может только, или мертвецки пьяный, или слепой». Однако, всё-таки можно долго плутать по Уфе, так как нет номеров у домов.

«Дело в том, что в Уфе, как было ещё при основании города, дома обозначаются фамилией владельца, которая значится на дощечке над воротами. И вот inde ira – вот где беда: – во 1-ых, владельцы часто меняются; во 2-ых, на некоторых улицах есть по несколько домов одного и того-же владельца, или однофамильцев; в 3-х, вы не знаете с какого конца начать свои поиски, и, в 4-х, самые дощечки на домах очень часто не разборчивы, или очень высоко прибиты для невооружённого глаза, одним словом, – тьма затруднений» – замечал Н.А. Гурвич.

Постановление Уфимской городской думы от 10 мая 1897 г. об обязательной нумерации домов[2] было отменено 7 ноября 1898 г. Губернским по земским и городским делам присутствием так как не был решён ряд конкретных вопросов. Н.А. Гурвич не забыл высказаться по поводу только что переименованных улиц. Он для пробы сел на извозчика и велел ехать на Голубиную. Но извозчик, «оборотясь ко мне с улыбкою, сказал: "Эх, барин, нешто не знаете, что нет теперь Голубиной улицы, а есть Пушкинская, да и впрямь сказать, ведь народ зря называл Голубиною; я

---

[1] Уфимские губернские ведомости. 1900. 26 января.

[2] Лишь в 1904 г. Уфимская городская дума издала обязательное постановление для владельцев недвижимых имуществ «иметь нумер» дома, что сразу же начали исполнять (Уфимские губ. ведомости. 1904. 20 мая). По мере роста города нумерация проводилась на окраинах. Так, «на новых постройках, в местности, прилегающей к Северной Слободе и Шоссейной дороге, гор. управой и полицией производится нумерация домов, т. е. к домам прибиваются жестяные пласти[н]ки с выкрашенными на них цифрами». С домовладельцев брали по 20–30 коп., в зависимости от длины усадьбы по улице (Вестник Уфы. 1908. 5 апреля).

вот сколько лет езжу по этой улице и никогда и нигде голубей и в помину нет; да ещё к примеру сказать: вот барин, ведь торговая площадь кишмя-кишит голубями; а небось не зовут же её Голубиною".

Умные речи приятно слушать и от извозчика» – заканчивал статью Н.А. Гурвич[1].

Однако, были и иные оценки. Через *три* года некий Nemo в статье «Телемухофон» затронул вопрос о новых и старых названиях уфимских улиц, в которых жители продолжали путаться. «Сами не можем запомнить новых названий улиц и переулков. Хорошо ещё на некоторых улицах оставлены старые вывески, напр. на Каретной между Мало-Казанской и Почтовой, т. е. Пушкинской.

– А скажите, почему именно Почтовая названа Пушкинской. Разве Пушкин бывал в Уфе?

– Нет. Есть домовладелец на этой улице, тёска Александру Сергеевичу, вот и Пушкинская улица».

Автор подсмеивался над городскими властями. Например, улица «Уфимская» – ясно, почему так названа. «Пересекающая её должна называться "грязе-Уфимская"; следующая "ухабо-Уфимская"» и т. д.[2]

Ушедший с поста редактора «Уфимских губернских ведомостей» в начале сентября 1897 г. Николай Александрович Гурвич продолжил сотрудничать со своей бывшей газетой, после того как в марте 1899 г. сменивший его Н.А. Озеров покинул Уфу, а во главе «ведомостей» стал давний знакомый К.С. Еварестов. В 1900 г., кроме вышеупомянутых статей о названиях уфимских улиц, Н.А. Гурвич сообщал о вскрытии Белой в № 80, о статистике (№ 100, 149–151). После некоторого перерыва, в 1905 г. в «Уфимских губернских ведомостях» Н.А. Гурвич говорит о музее (№ 161), а в 1906 г. продолжил начатое в предыдущем году (см. № 214, 230 и 239) печатание работы «Материалы для истории благотворительности в Уфе в старину и истории Уфимского Попечительного о бедных комитета»[3], которая представляет почти точный повтор его более ранней работы.

В 1907 г. выходит очень интересная статья Н.А. Гурвича «Род Скобелевых в Уфимской губернии»[4], затем он снова поднимает вопрос о переименовании улиц Аксаковской и Пушкинской

---

[1] Уфимские губернские ведомости. 1900. 24 марта.

[2] Уфимские ведомости. 1903. 20 апреля.

[3] Уфимские губернские ведомости. 1906. 6, 8, 10, 11, 12, 13 14, 15, 18 января, 18, 21, 22 (здесь ещё маленькая заметка Гурвича о вскрытии Белой), 24, 25, 29 марта.

[4] Уфимский край. 1907. 19 августа.

в статьях «О спорах»[1] и «О споре»[2]. В 1908 г. в официозе «Уфимском крае» (с либеральной прессой он не сотрудничал) Гурвич выпускает работу «К 50-летию кончины Сергея Тимофеевича Аксакова»[3], где опять будирует проблему переименования улиц. Потом выходит заметка «Вскрытие реки Белой»[4]. Во многом по рассказам Н.А. Гурвича приехавшая в Уфу слушатель Московского археологического института В. Гольмстен подготовила статью о музее «Замирающее дело»[5]. К 1910 г. здоровье Николая Александровича стало ухудшаться, он отказывается от общественных должностей[6]. В 1911 г. выходит большая статья о музее за подписью «Н. Г.[7]» А 21 сентября после продолжительной болезни скончалась Варвара Ивановна Гурвич, панихиды в 11 утра и 7 вечера в квартире по адресу Аксаковская, 31, дом Рачинской, вынос «в понедельник 26 сентября в женский монастырь». Затем Н.А. Гурвич «с детьми» благодарил друзей и знакомых, «почтивших память почившей его супруги и их матери, Варвары Ивановны Гурвич, присутствием на панихидах и погребении»[8]. Последние два с половиной года жизни Николай Александрович провёл в одиночестве и никаких статей больше не публиковал.

---

[1] Там же. 30 октября.
[2] Там же. 14 декабря.
[3] Там же. 1908. 17 февраля.
[4] Там же. 20 апреля.
[5] Вестник Уфы. 1910. 5 января.
[6] «Известный в Уфимской губернии общественный деятель Действительный Статский Советник Н.А. Гурвич прослужил по ведомству учреждений Императрицы Марии свыше 50 лет, из них последние 20 лет в качестве казначея Попечительства. В октябре прошлого года, Николай Александрович, вследствие слабости здоровья подал прошение об увольнении его в отставку и Попечительство, уступая его ходатайству, освободило Н.А. от должности казначея и вместе с тем высоко ценя свыше полувековую, полезную деятельность его по ведомству, – по журналу своему постановило с принесением Н.А. глубокой благодарности, вывесить его портрет в здании мужского приюта, учредить из общих средств Попечительства имени Н.А. одну стипендию в этом приюте, предоставив ему право по своему усмотрению назначать на таковую одного из воспитанников приюта и ходатайствовать по принадлежности о представлении Н.А. к Высочайшей награде.

В свою очередь Н.А. Гурвич, благодаря Попечительство за оказанное внимание, внёс на книжку сберегательной кассы 200 руб. – государственной ренты, с тем, чтобы проценты с этого капитала копились и выдавались, затем, в пособие на обзаведение стипендиату его имени по окончании последним приютского воспитания» (Уфимский край. 1910. 30 марта). Затем Н.А. Гурвич пожертвовал бумаги 4% государственной ренты в 100 руб. на содержание Уфимской глазной лечебницы (Там же. 13 апреля).
[7] Уфимский край. 1911. 28 августа.
[8] Там же. 23, 24, 29 сентября. То же: Уфимский вестник. 1911. 23 сентября.

А 21 мая 1914 г. в консервативном «Уфимском крае» на первой странице читатель увидел траурную рамку: «Действительный статский советник Николай Александрович Гурвич скончался 20 сего мая. Панихиды в 11 час. утра и в 7 час. веч. Аксаковская, д. Рачинской». На следующий день «край» повторно поместил это печальное объявление с добавлением: «Вынос тела почившего последует 22 мая в 8 ½ часов утра, отпевание и погребение в Благовещенском женском монастыре того-же числа после литургии, которая начнётся в 9 часов утра». Здесь же был помещён некролог.

Либеральный «Уфимский вестник» в номере за 22 мая 1914 г. на первой странице поместил траурное объявление от общества врачей Уфимской губернии о кончине старейшего учредителя и почётного члена Н.А. Гурвича, а в хронике напечатали кратенькую заметочку, что 20 мая скончался «один из старейших уфимских общественных деятелей д–р Н.А. Гурвич». Лишь через три дня «Уфимский вестник» нашёл газетную площадь для достаточно большого некролога о Гурвиче[1]. Оба некролога помещены в конце сборника.

Сын и дочь покойного выразили «искреннюю признательность всем, почтившим память их усопшего отца». Чрезвычайное дворянское собрание 27 мая вставанием почтило память Н.А. Гурвича[2]. А когда в июне 1914 г. праздновался юбилей уфимского земства, среди поздравлений в заключение огласили «приветствие с того света» покойного Н.А. Гурвича, которое он заранее составил, видимо, предчувствуя свою кончину. Земцы также вставанием почтили его память[3].

В заключение ещё раз предложим для обсуждения периодизацию уфимского краеведения (в масштабах Уфимской, ранее «большой» Оренбургской губерний, работы на русском языке): 1) 1840–1880-е гг. – «дворянский» этап; 2) конец 1880-х – начало 1900-х гг. – «разночинский» этап; 3) 1903–1914 гг. – «золотое десятилетие» историко-литературного или, точнее, литературно-публицистического краеведения.

Все тексты публикуются в авторской редакции.

---

[1] «Уфимский вестник» в эти дни много материалов помещал о скончавшемся в Оренбурге земском деятеле, депутате первой Государственной думы, «выборжце» С.П. Балахонцеве (см.: Уфимский вестник. 1914. 18, 20, 23, 24, 25, 29 мая).

[2] Уфимский вестник. 1914. 29 мая.

[3] Там же. 17 июня.

I. Из хроники одного города. Повесть. В. Грета.
Белебей. Типография А.П. Недорезковой. 1897.
Дозволено цензурой. Москва 25 Апр. 1896 г.

ИЗ ХРОНИКИ ОДНОГО ГОРОДА. (ПОВЕСТЬ) [фрагменты, начало]

Город Б…ъ – захолустный губернский город, погружённый в хандру, в бездну мелочных и низменных интересов и грошёвых удовольствий и удалённый от больших более просвещённых городов. Даже линия железной дороги как то миновала его, вероятно, за ненадобностью, и вокзал был поставлен в 30 верстах от города, при каком то селе.

Если кто имеет возвышенный характер, и душа его стремится к правде и всему хорошему и честному – пусть он избегает городов, подобных городу Б…у. Дальше от них, дальше от хандры, которая обнимает жителей, как ревнивая и злая любовница и кладёт на всё печальный колорит свой. Там ему не место: он умрёт от тоски или втянется в тину грязных интрижек и сплетен. Возвышенные чувства его будут осмеяны и поруганы, на его правдивую речь, на его честные убеждения посмотрят с удивлением и не поймут его, назовут, пожалуй, сумасшедшим. Дальше от подобной пустыни, где есть люди, но нет человечества. Беда тому, кто с чистой душой попадёт в подобный омут: его будут сторожить на каждом шагу, подобно злым псам, чтобы запятнать, унизить до себя и облаять.

В Б…е не было духовной жизни, да и не могло быть. Там умели только есть, пить, спать, сплетничать и хандрить, – дела, как видно, по горло. Выхватим, для знакомства, наудачу, один день из жизни местных обывателей.

Сплошная туча висит над городом. Осенний ветер злобно воет и мечется по мокрым улицам, как будто хочет развеять всю хандру, охватившую город в этот дождливый день ещё сильнее и крепче своими цепкими объятиями. Напрасно: здесь царство хандры, и ураган американских степей не в состоянии выгнать её отсюда. Хандра – родственница дождливой серой погоде. В это время она царствует, вползает в каждое сердце и, как осенний дождь, пронизывает душу каким то ноющим чувством. Во время её царствования всякие недостатки человеческой души проявляются явственнее и сильнее, и если кто умеет скрывать их в себе, то в тоскливую, мокрую погоду он должен втрое усилить свою осторожность.

Город был жалок и мокр, как плачущий от невыносимой тоски человек. В дни же ненастья в нём всегда царила скука, в дни ненастья вид его наводил грусть даже на чуждого путника, попавшего случайно в него. В дни же осенних непогод и туманов промокший, заплаканный, тоскливый город производил тяжёлое впечатление.

С семи часов утра начиналось шествие чиновников на службу, с коллежского регистратора до титулярного советника включительно. Более крупные чины владели собственными лошадьми. Сквозь туман мелькали кокарды, сизые носы, бритые и заросшие подбородки, портфели, засученные брюки и калоши разных величин и форм. Пешеходы равнодушно шлёпали по грязи, скользили, теряли равновесие и находили его на мокрых заборах и брызгали во все стороны грязью. В более поздние часы начиналось путешествие к зданиям присутственных мест лиц сановных, стоящих, так сказать, во главе чиновной корпорации. Они ехали или на извозчиках, или на своих собственных лошадях. С громким шумом развинтившихся гаек, разошедшихся шин, с визгом ослабших винтов и криками возниц мелькали в тумане важные физиономии местных сановников. Но осенний дождь, этот неугомонный фланёр, не разбирал чинов и состояний. Коллежского регистратора и статского советника он пробирал одинаково. Удивительный невежа, не знающий различия в чинах, долгоногий и глупый сумасброд! Часу в двенадцатом по улицам проезжал полицмейстер для наблюдения за тишиною и порядком, так как он был человек весьма и весьма порядочный и не объезжал город никогда по ночам: какой же порядочный человек путешествует по улицам в ночное время! Подобные прогулки достойны воров и людей с нечистою совестью, а полицмейстер был человек приличный до мозга костей своих и совестливый, почему для служебных наблюдений предпочитал дневной свет.

Итак дождь не разбирал ни чинов ни званий и весьма неделикатно любопытствовал каково крахмалят даровые прачки воротнички г. полицмейстера и простирал неуместное любопытство своё до границ приличия, на что представитель полицейской власти с хмурым видом откашливался, ёжась от неприятного холодка, и натягивал на затылок промокший воротник форменной шинели.

Грязь шлёпала под ногами и колёсами. Туча, плывшая над городом, становилась темнее и темнее; ветер усиливался, подхватывал дождь и бросал брызги в полупритворённые двери лавок на базарной площади, внутри которых, с хандрящим выра-

жением на хмурых физиономиях, торгаши обмеривали и обсчитывали покупателей, имевших такие же хандрящие лица. Торговки, крикливые созданья, закинув себе на головы подолы юбок, стоически выдерживали напоры ветра и ливень дождя, спасая колачи и булки от потопа и алчных взоров и смелых рук промокших насквозь нищих, этих ярых последователей Дарвина.

Незаметно и тихо подкрадывается адмиральский час, время, когда в присутственных местах по спинам писарей и мелких чиновников начинают бегать «мурашки», признак усидчивого труда и надлежащих распеканий. Крупные же чины с приятною улыбкой ведут оживлённые беседы о том, как Пётр Дементьевич остался вчера без трёх в червах. Удивительная вещь! без трёх в червах... это уму непостижимо, это такая вопиющая несправедливость: остаться без трёх при великолепных картах, чёрт побери! И как мила и прелестна была вчера Марья Львовна (театральная знаменитость) и ручка и ножка её. Этакий бутончик, этакий персик... Божественная, очаровательная!.. Однако, первый час, господа: пора ехать на пирог к Семёну Карповичу и поздравить Вевею Спиридоновну с наступлением среди глубокой осени её тридцать девятой весны, или, выражаясь языком прозаиков, с днём рождения. Едем, господа, едем!

И снова начинается на улицах визг ослабших винтов и гаек. Фу, какой несносный дождь! так и льёт и льёт. Долго ли получить насморк при этакой безалаберной погоде! – весьма неприятная история: насморк в носу статского советника (не говоря уже о действительном)! В самом деле, это такая история, перед которой стушёвывается всякая административная власть. Потеряется голос, пропадёт вся его внушительность и мощь, слезящиеся глаза не будут метать молниеносных взоров, способных испепелить, стереть с лица земли какого нибудь Писулькина с его исходящими и входящими за то, что на бумаге злосчастного Писулькина инквизиторским взором была замечена чернильная клякса величиной с булавочною головку. Это насмешка над государственной властью, это, это?!.. Ну да, наконец, это вовсе не клякса, а знак неповиновения властям, преступление! Однако, насморк вещь очень неприятная. И к чему существуют насморки совместно с статскими советниками? Получить статского довольно приятно, но получить насморк? Какая несправедливость и даже, если хотите, позор. Не благоразумнее ли было судьбе одарить насморком носы младших чинов, ну хоть до титулярного советника, например?

Вези скорее, Архип, поторапливайся. нужно поздравить Вевею Спиридоновну с днём её рождения, а, впрочем, сила не в

Вевее Спиридоновне, чёрт побери, но в пироге, который есть важный пункт внимания, готовый к услугам превосходительного желудка.

А время идёт. Обрывки туч висят над городом. Вывески питейных заведений и лавок покачиваются от ветра с жалобным стоном. Дождь из крупного перешёл в мелкий и сеет над городом. Тоскливо, однообразно, противно. Из присутственных мест выползла нисходящая степень кокардоносцев, засучивши брюки над порыжевшими голенищами нечищенных сапогов, вздрагивая от ветра и дождевых капель. Вся эта жалкая масса, как унылая материя, расползлась по грязным улицам и переулкам. Захлопали калитки домов, послышался лай и визг голодных псов, встречавших таких же голодных господ своих. Наступала ночь, и город засыпал. Туманные видения окутывали царство скуки. Во сне повторялся прожитый день для того, что-бы повториться снова, а там опять то же самое убийственное, однообразное существование; итак без конца, изо дня в день, из года в год.

Иногда только оживлялись обывательские души и только в самых исключительных и крайних случаях, имевших громадный местный интерес, свой собственный, домашний. Эти случаи заносились в хронику города, прибавляя, так сказать, страницу за страницей к его доблестной истории. Таких событий было не мало, но их нельзя перечислить все. Для удовлетворения человеческого любопытства можно выбрать только несколько выдающихся событий, хотя все они достойны внимания. Множество геройских поступков, множество известных имён начертано на страницах городской хроники. Один такой случай произошёл в клубе, который на летнее время переводился в сад, начинающийся тотчас-же за городской чертой. Летом, в клубе, по патриархальному обычаю (а патриархальный обычай едва-ли можно порицать), кавалеры танцовали в шапках, а некоторые, во время ненастной погоды, под весёлую руку, не пренебрегали и калошами, что опять таки нельзя порицать в гигиеническом отношении. И вот, в один из клубных вечеров, в карточной комнате, за партией винта, на голову мирового судьи Верёвочкина посыпались такие удары, что полный шлем, объявленный в это время[1], не мог защитить его.

Партнёр господина Верёвочкина, отставной полковник Хлыстунов, после выпитых двадцати восьми рюмок очищенной,

---

[1] Игра слов. Большой шлем – положение играющего в винт (карточная игра), когда он не взял или не дал ни одной взятки – *прим. сост.*

вообразил себя, вероятно, в компании 77 года, а господина Верёвочкина приняв за неприятеля, дал полную волю своим мощным кулакам. Воина принуждены были связать тут же, в клубе, и при общем безмолвии вынесли его, ругавшегося неистово, вон. Отсюда можно видеть, что некоторые из обывателей обладали очень пылким воображением и не менее пылким темпераментом. Долго после этого события на воинственного полковника, когда он проходил по улице, смотрели с известным уважением в окна из-за полуприкрытых гардин и через щели полуотворённых дверей. После арестного дома полковник возгорелся ненавистью к Верёвочкину и поклялся при каждом удобном случае жестоко отмщать ему за свой позор, конечно без свидетелей. Слух этот, циркулируя по городу, достиг до Верёвочкина и мировой судья долго после того не решался выходить по ночам из дома, а возвращаясь поздним вечером домой, трепетал, видя в каждом широкоплечем и высоком прохожем грозного полковника, которого один местный остряк прозвал *безсрочной апелляцией*. Разсказывают, что остряк этот не избегнул карающей десницы воина.

Второй случай произошёл… но, кажется, не довольно ли одного? Остальные события по характеру своему очень похожи на первое, с различными вариациями на одну и ту же тему человеческой глупости и своеволия. Может быть, читатель ждал чего нибудь выдающегося, но ведь раньше была оговорка, что события эти представляют лишь местный интерес. Не будет ли лучше, ознакомившись хотя немного с жизнью обывателей г. Б…а, перейти к делу, хотя вышенаписанное предисловие нельзя окрестить безделием, тем более, что оно имеет некоторую связь с последующим, и событие, о котором я хочу писать, тоже занесено в хронику города под названием «скандальной истории», но на сколько скандальна эта история – пусть судит читатель.

…

[в доме помещицы Славиной]

– Поедемте к нам, предложила ему девушка, я познакомлю вас с бабушкой.

Глыбов согласился.

Старушка Славина занимала обширный дом на краю города, составлявший её собственность. Она имела, кроме того, где то в Сибири золотые прииски и во ста верстах от города несколько тысяч десятин прекрасной пахатной земли. Бабушка души не чаяла в своих внучке и внуке и ни в чём им не отказывала.

В передней приехавших встретила горничная.

– Где бабушка? спросила Маргарита Ионовна.

– У себя, в комнате, с Савелием Ивановичем в шахматы играют.

– Вот видите, как прекрасно, обратилась Славина к Глыбову, Савелий Иванович здесь, опередил нас…

Хозяйка и гость вошли в зал, где на полу, около ножек рояля, упражнялось гимнастикой целое семейство игривых котят.

– Мои любимцы, засмеялась девушка, проходя в гостиную.

Гостиная была уставлена дорогой, мягкой мебелью. Сторы на окнах и громадный во всю комнату ковёр – подобраны под цвет ей. Свет вечернего солнца смягчался тяжёлыми гардинами и зеленью цветов.

Она села на диван. Он поместился на одно из кресел. Несколько времени продолжалось молчание.

– Не правда-ли, произнесла Славина, улыбаясь своими красивыми глазами, как приятно гостю, когда внимательная хозяйка развлекает его своим молчанием?

– Иногда, Маргарита Ионовна, выдаются такие минуты, минуты молчания, как, например, у нас с вами. Не знаю, как вы, но я не застрахован от них. Подобный мне гость, молчаливый и несообщительный, составляет, иногда, тягость. вы согласны с этим?

– Нисколько! воскликнула Славина, разглаживая тонкой белой рукой скатерть стола, хотите я вам скажу, отчего вы такой?

– Отчего?

– Вот причина: вы первый раз видите меня, не знаете, какова я, каковы мои убеждения; вы, может быть, даже считаете меня за особу, готовую после вашего ухода размыть все ваши косточки, посмеяться, посудить.

– Маргарита Ионовна, вы ошиблись с первого раза, покачал головой Глыбов, а я понял вас, что вы за человек. Каждый из людей может внушать что либо одно: симпатию или антипатию, – вы согласны со мной? Мимо одного пройдёшь с гадливым чувством и не захочешь даже заговорить с ним. Перед другим остановишься с чувством приятного сознания, что этот человек не может сделать ничего дурного. Душа редко обманывает в подобных случаях, хотя и тут случаются ошибки, ошибки громадные; но мне кажется, что это скорее ошибки сердца.

Славина заметила, как он при этих словах чуть-чуть вздрогнул и нахмурил лоб.

– Да, задумчиво продолжал Глыбов, мы и в симпатиях должны быть осторожны, чтобы не встретить роковой ошибки.

Подобные ошибки нравственно убивают.

Деликатным чувством женщины Славина поняла, что в жизни гостя произошла одна из подобных ошибок и переменила разговор.

Вскоре в зале послышались шаги и голос бабушки, и в гостиную вошла высокая худая старушка, с приятным и симпатичным морщинистым лицом и не потерявшими ещё своего блеска глазами. Глыбов, привстав с места, сделал ей шаг навстречу.

– Здравствуйте, протянула ему руку бабушка и, видя, что внучка хочет отрекомендовать ей гостя, смеясь, добавила: знаю, знаю… Савелий Иванович мне уже говорил. Садитесь, батюшка Борис Васильевич, садитесь. Поди, внучка замучила вас своей болтовнёй?

– Вот, бабушка, вы и ошиблись, засмеялась Маргарита Ионовна, – почти всё время молчала.

– Удивительно, право, заметила бабушка, на тебя редко находит молчание, щебетунья.

– Стих такой вышел, сказал пришедший сюда же Пронин, подкатывая к старушке кресло, на которое она и уселась.

– А Валериан где?

– К полковнику уехал, бабушка.

– Время весело провела?

– Кому как, а мне неособенно было весело.

– И чего человек ездит в таком случае, обратилась к Глыбову бабушка, что за удовольствие? Народ здешний скверненький; норовят посудить друг друга да позлословить.

– Но ведь я не для себя, возразила Славина, для брата: нужно же ему отдохнуть и погулять после занятий.

– Для брата, экая баловница, прищурила глаза старушка, – ну, разсудите, не баловница ли: с полковницей не была знакома, а в позапрошлом году Валерианушка увидал Ниночку, дочку полковника, и пристал к сестре: «познакомся, Маргариточка, с полковницей; такая прекрасная дама». Хитрый мальчуган: не сознался, что его Ниночка за сердце задела. Я, говорит, потому прошу тебя, сестрица, познакомиться, что бы с полковником сойтись на тот случай, когда, может быть, офицером придётся в его баталион попасть. Ниночка тут замешалась, а не полковник. Сестрица визит сделала полковнице; та к ней; она опять к полковнице; та опять к ней, да с дочерьми, – и пошла писать губерния. Валериану это и на руку. Разбалуешь ты его совсем. Теперь книги нужны, а Ниночку можно оставить.

– Это ничего, Анна Мартемьяновна, засмеялся Пронин, молодо-зелено, гулять велено.

– Ну уж, батюшка, погрозила ему пальцем старушка, ещё защитник нашёлся. Да вы тут старуху с толку собьёте.

– Верно, бабушка, молодо-зелено, гулять велено, воскликнула Славина и, подбежав к бабушке, два раза чмокнула её в губы.

Старушка погладила по голове девушку, и в эту минуту её взор выразил столько доброты и ласки, столько задушевной теплоты и нежности к своей внучке, что Глыбов с удовольствием любовался на старческое лицо, озарённое светом любви.

– Распорядись, Маргариточка, насчёт чая. пусть приготовят в саду. Я тоже чистым воздухом хочу подышать.

– Идёмте, дорогие гости, в садик.

– Садик, как назвала его бабушка, не заслуживал подобного названия. Он скорее походил на лес своими вековыми деревьями, ветви которых образовали над аллеями целые своды. Прямо перед крыльцом выходных дверей дома начиналась аллея кудрявых берёз; дорога по ней шла к искусственному пруду; вблизи пруда находился китайский павильон, а за павильоном начинался цветник, росли яблони и вишенник.

– Люблю здесь пить чай, сказал бабушка, когда все трое остановились у павильона, – из цветника доносится запах цветов и солнцу не мешают светить деревья; а вы знаете, как дорого нам, старикам, солнышко.

– Хорошо здесь произнёс Глыбов, вдыхая в себя воздух сада.

– Старый сад, продолжала бабушка задумчиво, родной сад. Многих из нас он пережил, а вот я ещё живу, как дряхлое дерево.

Павильон стоял на открытом месте, среди песочной площадки. Вокруг его шла терраса с четырьмя лестницами, ведущими во внутрь павильона, состоящего из четырёх комнат; стены их были покрыты сквозной резьбою от пола до потолка.

Вскоре в сад пришла и Маргарита Ионовна. Она переоделась в домашний костюм из лёгкой материи, облегавшей её гибкие и мягкие формы. Густая и тёмная коса девушки была небрежно собрана на затылке, и шпильки чуть-чуть сдерживали тяжёлую массу волос. Маргариту уже ждали к чаю. Напевая что то, вбежала она по ступенькам в павильон, опустилась рядом с бабушкой на плетёный камышёвый диванчик и весело произнесла: – теперь я вполне довольна! Окончив скучный день, проведённый среди чужих людей, я отдыхаю теперь с моей бабусей и мне гораздо приятнее сидеть здесь, с заповедном саду, чем проводить время на званых вечерах. Как свободно и хорошо здесь!

(*Грет В.* Их хроники одного города. Повесть. Белебей, 1897. С. 1–8, 38–44)

II. Лев Вонифатьевич Пиглевский

Более 20 лет сотрудничал с «Уфимскими губернскими ведомостями» проживавший в Уфе чиновник Лев Вонифатьевич Пиглевский. Первые его публикации появились в середине 1860-х гг., когда он, судя по содержанию статей, служил в Златоустовском уезде. В 1867 г. выходит заметка Пиглевского из села Тастуба[1], а также очерк «Несколько дней в Златоустовском уезде»[2]. К началу 1873 г. надворный советник Л.В. Пиглевский был определён на должность помощника ревизора Контрольной палаты в Уфе[3]. К тому времени он имел уже достаточно высокий для провинциального чиновничества VII класс по табели о рангах, то есть где-то уже служил. На этой же должности он продолжал работать в Контрольной палате в 1878 г. (управляющим был известный любитель уфимской старины А.А. Пекер)[4] и в 1883 г. (добавлено, православный). По городской переписи 1879 г. Льву Пиглевскому принадлежали усадьба (флигель и дом) на углу Ханыковской и Большой Вавиловской (Гоголя и Пушкина). На 1883 г. Л.В. Пиглевский являлся также гласным Уфимского уездного земства[5]. По данным на 1874 и 1881 гг. в Уфимском уезде близ деревни Тарбеевки дворянке Елене Николаевне Пиглевской принадлежало около 877 дес. земли[6].

Но в справочниках с 1889 г. среди служащих его фамилии нет, видимо, вышел в отставку и проживал в Уфе. По сведениям на 1891 г. надворный советник Лев Вонифатьевич Пиглевский выступал владельцем 300 дес. земли в Ильинской волости Белебеевского уезда (в своих статьях он упоминал, что у жены есть имение в Белебеевском уезде), домашний адрес – Уфа, Ханыковская улица, собственный дом[7]. А последняя его публикация в

---

[1] Уфимские губернские ведомости. 1867. 23 сентября.

[2] Там же. 2 декабря.

[3] Адрес-календарь лиц, служащих в Уфимской губернии. (К Памятной книжке Уфимской губернии) / Сост. П.Г. Резанцов. Уфа, 1873. С. 71.

[4] Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год / Сост. В.А. Новиков, Н.А. Гурвич. Уфа, б. г. Отдел III. С. 16.

[5] *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные. Относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел I. С. 25, 112; Отдел IV. С. 142.

[6] *Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С. 73, 200.

[7] Памятная книжка Уфимской губернии на 1891 год / Сост. П.П. Желателев, Н.А. Гурвич (ред.), Е.Ф. Овечкин, П.Г. Резанцев, А.В. Черников-Анучин, Н.Ф. Шиленков. Уфа, 1891. Отдел III. С. 136–137.

уфимских «ведомостях» датируется 1889 г.

Возможно, он происходил из западных губерний, а в нашем крае его фамилия произносилась в сокращённом виде. По крайней мере, возле церкви села Городецкого Белебеевского уезда (как раз Ильинская волость) к 1909 г. сохранялась, видимо, его могила. Местный священник отметил: «погребён в церковной ограде, на памятнике имеется следующая надгробная надпись: Здесь покоится прах потомственного дворянина Льва Вонифатьевича Равич-Пигалевского скончался 11-го сентября 1902-го года 84 лет»[1]. То есть, годы жизни Л.В. Пиглевского: 1818 – 1902. Его потомки проживали в Уфе. Известно, что 3 июля 1912 г. на даче близ мужского монастыря скоропостижно скончался дворянин Владимир Львович Пиглевский[2].

Л.В. Пиглевский эпизодически появлялся на страницах местной прессы и специализировался в жанре, который сейчас бы назвали экономическая аналитика. Уже первые статьи «Заметки об уездной промышленности и торговле Уфим. губернии» и «Предание о г. Белебее», вышедшие в 1866 г., посвящены различным аспектам хозяйственной жизни края[3]. Размышления и наблюдения Л.В. Пиглевского особенно ценны по двум причинам, он часто ездил по Уфимской губернии, оставив ряд путевых очерков, а также анализировал экономику края до постройки Самаро-Златоустовской железной дороги, когда транспортные перевозки в южной части края производились по гужевым путям[4].

В этот сборник включены две работы Л.В. Пиглевского, представляющие интерес как для научного сообщества, так и для широкого круга любителей краеведения. Его серьёзные статьи о хозяйственном развитии региона заслуживают внимательного изучения. В 1874 г. он пишет письмо в редакцию о проектируемой линии железной дороги через Уфу[5], в 1885 г. в очень большой статье «О сборе в 1884 г. хлебов в Уфимской губ. и о хлебной промышленности и торговле»[6] анализирует ситуацию с

---

[1] РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 41. Л. 94.

[2] Уфимский вестник. 1912. 5, 6 июля.

[3] *Роднов М.И.* Судьба редактора. Историко-документальная повесть. Уфа, 2009. С. 10.

[4] Фрагменты работ Л.В. Пиглевского по экономике края использованы: *Роднов М.И.* Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа, 2012. С. 23, 94, 95, 157. Изредка сноски на Пиглевского встречаются в научной литературе: *Габдрафикова Л.Р.* Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований второй половины XIX – начала XX веков. Казань, 2013. С. 28.

[5] Уфимские губернские ведомости. 1874. 2 февраля.

[6] Там же. 1885. 19 января, 16 февраля.

ценами на хлеба (он сам являлся помещиком), в 1886 г. размышляет о перспективах Уфимской речной пристани после прихода рельсового пути в работе «Хлебная торговля на Уфимской пристани»[1], в 1889 г. выходит его очерк об уфимской ярмарке[2] и даже статья «Поиски в городе Уфе за прислугою»[3].

Изредка он приносил в редакцию материал по другой тематике, рассуждал о развитии самой газеты в статье «Обиходные мыслёнки по поводу нового года»[4], и даже подготовил большой материал «Уфимское Общество любителей пения, музыки и драматического искуства»[5]. В последнем номере он приводит точный состав общества. В мужском хоре насчитывалось 30 чел., 14 басов: А.С. Цветков, Г.П. Лаппо-Старженецкий, И.М. Тимашевский, Ф.Е. Канцеров, Н.В. Чаушанский, А.И. Шмитов, А.Е. Кандаранцев, С.В. Мяновский, И.Е. Тарнани, Е.И. Ильин, Н.В. Григорьев, Н.А. Вознесенский, Н.П. Тюнин и Я.К. Шаповаленко, 16 теноров: А.Н. Лисовский, Н.Е. Пикачёв, П.В. Николаевский, П.Ф. Несмелов, И.Г. Примогенов, И.Д. Перетерский, П.И. Тоболкин, М.И. Зорков, М.И. Вавилов, Н.П. Петин, В.А. Попов, В.Т. Карпов, Скобцов, М.С. Соколов, П.А. Ветошников и М.Г. Забусов.

Состав женского хора включал 27 чел., 15 дискантов (soprano): В.Д. Паршина, А.Е. Штанге, С.Г. Тромпетт, М.Я. Барсова, Н.Е. Тарнани, С.С. Тверитинова, Н.И. Подбельская, Н.К. Зоркова, Н.М. Гутоп, А.Н. Онацевич, М.Г. Мошкова, М.Е. Климова, В.Н. Фролова, В.П. Петрова, А.А. Левашова, 12 альтов: Е.Я. Барсова, И.М. Уварова, А.В. Кроткова, В.В. Кроткова, Ю.И. Русакова, Ф.В. Ситникова, Л.Н. Ляуданская, Е.М. Серебрякова, С.П. Харкевич, С.П. Бонье, С.Ф. Дыман и О.И. Попова.

Всего в хоре общества было 57 чел., из них 7 солистов и 5 солисток. За минувший год было исполнено 102 пьесы, в том числе Даргомыжского – 18, Глинки – 11, Верди – 9, Соколова – 8, Рубинштейна и Чайковского – по пять, Гуно – 4, от трёх до одного – Варламова, Гурилёва, Серова, Вильбоа, Шуберта, Обера и многих других. Председателем отдела пения выступал А.С. Цветков.

Отдел музыки инструментальной возглавлял А.А. Попов. «Пьесы исполнялись на 6 разных инструментах: рояли, скрипке, виолончели, корнет-а-piston-е, фисгармонии и на медных инструментах». Играли: О.И. Домбровская, В.Д. Паршина, Н.И. Под-

---

[1] Там же. 1886. 8 ноября, 13 декабря.
[2] Там же. 1889. 18 февраля.
[3] Там же. 19 августа.
[4] Там же. 1885. 12 января, 9 марта.
[5] Там же. 1886. 27 декабря, 1887. 11 апреля; 1888. 23 января.

бельская, В.Г. Григорьева, Л.Н. Ляуданская, С.С. Тверитинова, Е.К. Серебрякова, В.И. Лисневская, О.И. Адрюкова, С.П. Страковская, О.Я. Грецова, А.А. Попов, Н.Е. Чубовский, Г.А. Медиоланский, Л.Е. Страковский, В.А. Ножин, А.А. Пекер, Желудев и Гуринович, всего – 19 чел.

№ 1. Дорожные заметки. От Уфы до Мензелинска и по уездам Мензелинскому, Бирскому и отчасти Белебеевскому

Читатель мой (а я уверен, что один читатель, во всяком случае, будет непременно) знает, что дорожные заметки суть ни что иное, как литературный винегрет. В них, обыкновенно, нет ничего цельного, стройного, нет ассоциации мыслей; в них сколько точек, столько почти и разных мысленных продуктов. Точь-вточь винегрет. Каков он выйдет на вкус, я судить не берусь, да правду сказать, это и не моё дело, в котором не приходится быть самому судьёю, а моего непременного читателя, хотя, впрочем, так уж к слову, не могу не заметить, что приготовляемый нашими уфимскими метр-дотельщиками винегрет вообще не всегда может почесться изысканным блюдом.

Приступаю затем к незатейливому разсказу. –

Ревизуя в Контр. Палате акцизную отчётность, я, сверх того, имею ещё удовольствие каждый год порыскать в тех или в других губернских углах, при чувствительном при том помятии в ухабах своих боков, для так называемой фактической ревизии винокуренных заводов, или фактического контроля. С этою целию, с 20 Февраля по 9 Марта этого года, я посетил действующие винокуренные заводы, состоящие в районе 1-го акцизного округа: в Мензелинском уезде – Софийский, господина Пасмурова и Ольгинский, арендуемый купцом Постниковым; в Белебеевском – Старо-Матинский, купца Видинеева, и Бирском уезде – Айбашевский, господ наследников Базилевых[1].

Не затрогивая сути дела, касающегося результатов моей ревизии, скажу только мимоходом, что все посещённые мною заводы начали винокурение довольно рано (в Ноябре месяце) и предполагают курить до Июня, а некоторые даже – окончить производство винокурения в Июне месяце.

---

[1] Статистические сведения о винокуренных заводах Уфимской губернии в 1860–1870-е гг. см.: *Юрчук К.И.* Списки винокуренных заводов России XVIII–XIX вв. Ярославль, 2010. С. 142–147.

Это представляет с одной стороны самое осязательное доказательство финансовой силы заводчиков, недопускающей никогда недоимки акциза, а с другой – весьма значительный местный спрос на вино и состоятельность кошельков окружного населения, ибо пьёт вино имущий деньги и кредит, а у неимущего нет ни того, ни другого. Вообще говоря, заводы 1-го округа находятся при весьма благоприятных для них условиях. Чернозёмные поля, в большей части окружённые, или только примыкающие к лесным дачам, а потому и выдерживающие засухи, дают всегда более или менее обильные урожаи хлеба, на которые не могут разсчитывать степные местности Стерлитамакского и Белебеевского уездов, где хлебная, да и всякая растительность, не выдерживает засухи – и гибнет.

Близость от заводов и обилие лесных дач дают возможность приобретать горючий материал по весьма низким ценам: только на Старо-Матинском заводе покупаются превосходные 6-ти четвертные берёзовые дрова из башкирской дачи, с доставкою на завод, по 1 руб. сер. за сажень, а остальным заводчикам, владеющим собственными дачами, обходится вырубка дров с подвозкою их также к заводам, от 30 до 40 копеек за сажень. Просто шаль! Сравнительная близость от заводов Бельских и Камских пристаней, изобилующих, безпрестанно взад и вперёд снующими, пароходами, которым зачастую мало дела, представляет большие удобства к выгодному сбыту спирта за пределы своей губернии – в поволжские города, столицы и заграницу, когда предложение вина превышает местный спрос на него, каковым удобством и воспользовался не один раз Ольгинский завод, отправив несколько раз спирт в Нижний-Новгород, Москву и другие местности.

Этими главными условиями, помимо которых есть кончено, и второстепенные, можно объяснить себе то обстоятельство, что посещённые мною винокуренные заводы 1-го округа, состоящие под личным надзором самих заводчиков, при умелом, конечно, управлении ими и основательности промышленных соображений и расчётов, действуют каждогодно, начиная почти всегда раньше винокурение и оканчивая его позже других в губернии (действующих большею частию под режимом управляющих) заводов, часто недугующих, страждущих и чувствующих себя изредка только в облегчённом положении. Единственный в губернии не только могущий конкурировать, но и осиливающий производством заводы 1-го округа, как мне досконально известно из ревизуемой отчётности, – это в Златоустовском уезде Петропавловский завод, продовольствующий вином не только весь

почти громадный и богатый Златоустовский уезд, но и отправивший спирт за границу, через Петербургскую Таможню, в 1874 году, около двух миллионов градусов, и столько же в 1875 году.

Кстати молвить несколько слов о заграничной торговле спиртом; но об этом поговорим на другой раз.

Л. Пиглевский

15 Марта 1876 г.

Дорожные заметки.
От Уфы до Бирска, Мензелинска и по уездам Бирскому, Мензелинскому и Белебеевскому (продолжение)

После нескольких слов, сказанных о винокуренных заводах, весьма близко перейдти к другого рода промышленности, с которою тесно соединено производство винокурения, именно к хлебной промышленности. Известно, что в нашей губернии в прошлом 1875 году вообще был хороший урожай ржи, а во многих местностях даже богатый. Пахари наши торжествовали при жатве её, разсчитывая на обильный вклад в свои кошельки барышей; но увы, ожидания и надежды их разбились на такого рода обстоятельства, которые частию были предвидимы, а частию непридвидимы, и последние-то особливо обманули и попортили наши нормальные цены на рожь, на которую, обыкновенно, за исключением 1874 и 1875 гг., в последние 7–8 лет, цены колебались между 40 и 50 коп. Из полученных мною в пути сведений оказалось, что на всех, ниже г. Уфы, бельских и даже камских пристанях, в пределах нашей губернии, цены в текущую зиму существовали – за сухую рожь от 29 до 33 коп. за пуд с доставкою на пристань иногда за 100 вёрст, т. е. те же самые, какие были и на нашей Уфимской пристани, тогда как на последней обыкновенно стояли цены всегда ниже от 4 до 6–7 коп. за пуд, потому, что с челнинской, например, пристани, на такую же разность в ценах, обходился дешевле фрахт за хлеб. Мы уфимцы из газетных сведений знали об удовлетворительных во многих местностях урожаях ржи, как во внутренних губерниях, так и за границею; что усиленного, по этому, спроса на наш хлеб нельзя было ожидать; но в то же время мы ведали, что и при хорошем урожае во внутренних малоземельных наших губерниях, они могут продовольствоваться собственным хлебом не более 8 месяцев, а в остальное время года они питаются иногородным хлебом, на который у нас каждогодно заявляется не малый спрос. Поэтому, не разсчитывая даже на заграничный вывоз хлеба, в виду того, что в западных государствах, кроме больших

прежних запасов его (в Англии и Франции), был хороший урожай, в дополнении к которому при том могла предложить свой хлеб и Америка, – мы всё таки надеялись на гораздо больший спрос нашего хлеба, чем показала ныне промышленная практика, именно для наших столиц, где, по газетным же сведениям, не велики были запасы его, а также и для внутренних наших губерний. –

Но в этих-то ожиданиях мы и ошиблись, и ошибка эта была весьма горьким плодом неожиданно появившейся очень рано зимы, наделавшей в промышленном и торговом мирах бездну неудач и потерь. Люди компетентные, которых по крайней мере на этот раз нельзя заподозрить в неправдивости, передали мне, что в прошлом 1875 г., около 140 буксирных пароходов, проводивших баржи с грузом, в которых заключалось одного хлеба до миллиона кулей, не дошли до места своего назначения. замёрзли на реках Белой, Каме, Волге или в каналах; судов же шедших с товаром на буксире пароходов, насчитывают до тысячи штук; все эти суда в нынешнем только году могут быть доставлены по назначению в конце Мая, а другие в Июне и Июле, а затем некоторые из судов, разсчитывавшие в прошлом году сделать ещё один рейс позднею осенью за разным подряженным грузом, должны будут ещё возвратиться на пристани за прошлогодним товаром, который и может быть доставлен в Рыбинск и Петербург при самом окончании навигации нынешнего года. Результатом такого раннего появления зимы было то, что как товаровладельцы, затратившие на покупку товаров громадные оборотные капиталы, недавшие своевременного оборота, так и пароходовладельцы, недоставившие в срок груз, потерпели огромное поражение в своих разсчётах и убытки. Столичные газеты пророчат много торгово-промышленных несостоятельностей от этих непредвиденных пагубных обстоятельств. Затем, в конце концёв, оказался весьма большой недостаток в перевозочных средствах, вредно повлиявший на закупку хлеба в нынешнюю 1875/6 г. зиму. Недоплывшие в прошлую навигацию до места своего назначения суда, занятые теперь принятым весною прошлого года грузом, не в состоянии явиться в начале нынешней навигации на пристани нашей губернии, чтобы своевременно взять груз. Недостаток барж вызвал в свою очередь повышение цен на фрахт: в прошлую навигацию, например, взималась плата за доставку хлеба с Уфимской пристани в Рыбинск от 95 до 1 руб. за куль (9 пуд.), а за перевозку в нынешнем году сделана весьма чувствительная надбавка в цене; составлялись условия по 1 р. 20 – 25 к. за куль; затем хлебопромышленники предлага-

ли за тоже разстояние 1 р. 50 к., но и за такую высокую цену пароходовладельцы отказались от доставки хлеба, по неимению в виду свободных судов, для которых в предыдущие годы, днём с огнём искали груза и далеко не для всех находили его.

Резюмируя сказанное, оказывается: 1., для покупки хлеба в нынешнюю зиму не было свободных капиталов, затраченных в предыдущую зиму и почивающих доселе в недоставленных по назначению товарах; 2., высокие цены на фрахт, которые впрочем, при дешевизне хлеба, может статься, и не отозвались бы тяжело в промышленности; и 3, наконец, главнейше – это огромный недостаток в перевозочных средствах, непредставляющих возможности отправить хлеб в начале наступающей навигации.

Всё это в совокупности вообще чрезвычайно неблагоприятно повлияло на нашу местную хлебную промышленность и особливо оказалось чувствительным для местностей, прилагающих к нашим камским пристаням и ближайшим к этим последним бельским, о чём скажу несколько слов в следующей статье[1].

Л. Пиглевский

(Уфимские губернские ведомости. 1876. 27, 29 марта)

№ 2. Дорожные заметки и впечатления из Уфы до Белебея, и его уезд

Поездка в белебеевский уезд. – Партии между ямщиками. – Состояние снега в Уфимском и Белебеевском уездах. Цены на топливо, башкирские земли размежёванные и неразмежёванные. Один из земских гласных. Хлебопашество между башкирами. – Возникновение новой церкви у почтового тракта. – Певческий хор в белебеевском соборе.

23-го марта этого года домашние обстоятельства вызвали меня на экскурсию из Уфы чрез Белебей в Ильинскую волость Белебеевского уезда. Дорожные истязания, причинённые мне дорожною распутицею, выше всякого описания. Скажу только, что на каждой станции экипажи менялись, зимние на летние и наоборот. Замечательно тут было, между прочим, то, что даже между станционными ямщиками замечалось присутствие партий, из которых одна горячо утверждала, что лучше ехать на санях, а другая, – что легче на тарантасе. Есть партии, также как и духи, добрые и злые. Чуждаясь партийного духа, я, однако,

[1] Однако, до конца года продолжения этой статьи Л. Пиглевского так и не появилось.

сочувствовал обеим партиям ямщиков: в их спорах и мнениях ясно проглядывало благородное, искреннее желание и стремление, направленные к общему их интересу – сбережению лошадиных сил и большему спокойствию и удобству пассажиров. Относительно пути вообще можно заметить, что чем ближе к Белебею, тем более снегу, а за Белебеем, по направлению к Бугуруслану, настоящий зимний путь. Явление это обратно тому, какое почти всегда замечается в нашей губернии, т. е. обилие снега на Урале и в ближе прилегающих к нему местностях и наоборот, – меньшее количество его по мере удаления их от Урала по направлению к югу.

От Уфы до станции Санны (белеб. уезда) башкирские земли большею частию уже размежёваны. Цены под посев одного хлеба там уже дошли в короткое время от 3 до 5 р.р. за десятину, да и дрова в дер. Кашкалашах и Саннах недёшевы, 3 р. и дороже за воз почти прутьев. Это объясняется истреблением соседних башкирских лесов, и весь материал для топлива в тех местностях приобретается у соседних землевладельцев гг. Опочинина, Языкова и других. В Саннах и почти во всех деревнях по почтовому тракту до самого Белебея, где большая часть башкирских земель ещё неразмежёваны, башкиры пользуются избытком земель, празднолежащих; они сдаются там в аренду от 50 к. до 1 рубля. Поэтому поводу, в разговоре со мною, они выражали удовольствие.

Хлебопашество между башкирами, насколько можно было убедиться из частных сведений, постепенно развивается, хотя посевы их, к сожалению, ограничиваются почти исключительно яровыми хлебами. Не занимаются посевами хлебов лишь незначительная часть отъявленных лентяев, какие, конечно, есть во всех слоях сельского населения. Стало быть теперь совсем прошла та п[о]ра, как было назад тому лет 30–40, когда за обработку полей башкир награждали почётными кафтанами и другими поощряющими средствами, которые теперь остаются достоянием истории башкирского народа.

На одной из вольных станций у самого зажиточного в целой деревне домохозяина я увидел несколько выпачканных книг «Вестника за 1883 г.»[1] с надписью: такому-то гласному. Обладатель «Вестника» даже не понимал обращённых к нему мною самих обычных фраз. «Читали вы Вестник», спросил я его? «Руска грамота наша бельмеим» (незнаю) был ответ. – «На земских соб-

[1] Имеется в виду журнал «Вестник Уфимского земства», издававшийся на рубеже 1870–1880-х гг. уфимским губернским земством.

раниях бываете?» «Бываим». – «Говорили Вы о делах на собраниях?» – «Нет, добрый люди калякают, мы слушаим, да кому надо шар кладим». Комментарии о таких слушателях на земских собраниях излишни.

Проезжавшим почтовым трактом из Уфы в Белебей известно, что весь этот путь, за исключением двух маленьких русских деревушек, усеян башкирскими деревнями, в которых проезжающий встречает по одной и по две мечети, и на всём пути ни одной христианской церкви; путешественник проезжает словно по Турецкой империи; на каждом незначительном разстоянии видишь луну и нигде св. креста. Проехав ныне по этому тракту, весьма отрадно было увидеть Божий храм в стороне на возвышенности, примерно в версте от тракта, в имении Г-жи Симбугиной. Проезжавшие три крестьянина отвесили к стороне храма с открытыми головами несколько глубоких поклонов и пустились в дальнейший путь.

Кстати ещё о храме, 25-го марта я зашёл к обедне, в единственный в Белебее храм собор, наполненный молящимися до невиданной мною тесноты и давки. Приход храма состоит из жителей всего города и 7-ми ближайших деревень. Духота захватывала дыхание; понятно, без обмороков не обошлось. Иконостас, что называется, с иголочки, с сложною резбою и сплошною позолотою, ценный, просто прелесть. Но меня особенно приятно удивило очень стройное 4-х голосное пение церковного хора, не похожее на хоровое пение в наших уфимских церквах, содержащих хоры на счёт своих сумм. В пении почти нет forte, а только piano и pianissimo и это придаёт ему чрезвычайно приятную мелодию. Интересуясь вопросом об организации хора, я вот что узнал. Устроил этот милый, задушевный хор некто Зеленцов из бывших архиерейских певчих, отказавшийся от должника причетника и обладающий очень симпатичным тенором. Замечательно при этом то, что местная городская дума ассигновала из своего скромного бюджета на содержание хора 500 р. в год, из коих платят регенту 35 р. в месяц. Цифра – 500 р. весьма почтенная и щедрая в виду того, что как мне передавали, годовой бюджет вертится около 15 т. р. Из этого читатель ясно уразумеет, что белебеевцы истые меломаны. –

В следующий раз я намерен сказать несколько слов об ожидаемом в этом 1884 г. урожае ржи на основании народных примет, наблюдений и предсказаний чуваш; о передвижении товаров в Белебей; о переселенцах в Белебеевском уезде и проч.

18-го апреля 1884 г.

Уфа. *Л. Пиглевский.*

Взгляд на чуваш и бытовая их вера в годанье. Отлив товаров из Уфы и прилив их в Белебей из Самары, торговля керосином в Уфе и Белебее.

Известно, что из населяющих нашу уфимскую губ. племён между Чувашами преимущественно сохранилось много предразсудков, суеверий и вообще верований в сверхестественные силы, оставшихся между ними и до-днесь от древнего языческого быта их. В один из ненастнейших дней, 2 Апреля, явились ко мне в белебеевское имение моей жены [из рода Ломоносовых – *прим. автора*], около десятка Чуваш просить у меня полевых весенних работ и хлеба под работы или в долг. Кстати, между прочим, молвить, что из всех населяющих нашу губернию народностей самое трудолюбивейшее, хотя самое неряшливое по внешности, и неприхотливое, это Чуваши, искупающие, впрочем эти два наружные недостатка относительною нравственною стороною: между ними редко, сравнительно, возникают уголовные преступления, по которым приходилось мне вообще производить в стерлитамакском уезде следственных дел. Сколько бы некоторые ни утверждали, что редкое между ними, сравнительно возникновение уголовщины исключительно истекает из присущей им робости характера, в чём, может статься, и есть небольшая доза правды, но я, насколько мог изучить семейный их быт, отношу это преимущественно к природному, миролюбивому их характеру, сложившемуся исторически, доказательством чего служат, между прочим, редкие появления в их семьях амурных похождений, ссор, драк и пр., т. е. противоположное тому, что замечается гораздо чаще в семейном быту русского человека; русак это сангвиник, лирик, поэт; Чувашинин, – флегматик чистейшей воды, проза. Я спросил Чуваш об их житье-бытье и в ответ получил, как и следовало ожидать, общие ныни вопли на трёх-годичный неурожай хлебов и особливо ржи. Мне давно известны обычай и вера Чуваш в гаданье. Каков будет урожай хлебов в этом 1884 г., спросил я их? – Ржи очень хороши, отвечали они, а яровые хлеба похуже и много выбьет градом. - Откуда это вы знаете? – По гаданью так выходит, сказали они, – и вот, как пояснили они мне, самый способ гаданья. Накануне нового года Чуваши кладут под стол семена разных хлебов ив полночь, при полусвете, наблюдают отражающийся на семенах свет и цвет; тусклый свет и буреватый цвет предвещают плохой урожай, ясный свет и беловатый или совсем белый цвет предсказывает хороший урожай. В этой Чувашской мистерии, признаться я ничего не понял.

Получавшиеся из Нижнего-Новгорода, Москвы и Казани

все товары транспортировались до 1883 г. в Белебей и его уезд с пароходов чрез Уфу, а в 1883 г., по случаю мелководья р. Белой, чрез Бирск. Недостающее количество каких-либо товаров до открытия Нижегородской ярмарки и навигации Белебеевцы получали до 1883 г. из запасных товаров Уфимских торговцев. Но с этого последнего года все Белебеевские торговцы обращаются с своими коммерческими требованиями в Самару. Надобно иметь в виду, то от Уфы до Белебея считают просёлком 140 вёрст, а почтовым трактом 168 вёрст, по которому всегда и перевозились товары, а до Белебея от Самары почти 300 вёрст, т. е. разстояние от последней почти вдвое больше, и потому наклад[н]ой расход на провоз товаров от Самары до Белебея превышает значительно провозную плату от Уфы до Белебея. Возчикам платят с пуда от Самары до Белебея от 35 до 40 к., а от Уфы – от 12 до 14 коп., т. е. в одном случае накладного расхода на провоз падает почти копейка, а в другом – менее полкопейки. Завсем тем Беле[б]еевские коммерсанты, несмотря на лишний накладн[о]й попудный расход и на трату двойного времени на провоз, адресуют все спросы на товары в Самару. Такого коммерческого оборота в начале я не понимал, но потом оказалось, что ларчик просто открывался, и вот в чём состоял[а] вся коммерческая тактика. До 1883 г. Белебеевское купечество, при недостатке каких-либо товаров, впредь до покупки их из более отдалённых пунктов (Нижегорд. ярмарки, Москвы и пр.), обращали свои запросы на товары, в виду сравнительно ближайшего от Белебея разстояния, к Уфимским торговцам, которые и удовлетворяли Белебеевских коммерсантов из своих запасных (оптовой торговли) товаров. Но в последнее время (1883 и 1884 гг.) спросы товаров на Уфу остались не удовлетворёнными: то одного, то другого товара в Уфимской оптов[о]й торговле не оказывалось. Оптовая торговля в Уфе почти прекратилась. Обстоятельство это, волею-неволею, заставили Белебеевцев обращатся с запросом на недостающие в торговле товары к другому ближайшему торговому пункту к Самаре, которая вполне и удовлетворила их ожидания и требования. Она во 1) отвечает на спрос всякого требующегося товара; 2) пользуется, как мне передавали – меньшим, сравнительно, процентом прибыли на отпущенные товары, почему и накладной, сравнительно, больший расход на провоз от Самары не только не бьёт по карманам потребителей, но напротив, по удив[л]ению моему, я покупал в Белебее петербургские стеариновые свечи, сахар одного и того же заводчика и другие товары, на которые существуют обыкновенно во всей торговле одинаковые цены в течение известного периода време-

ни, копейкою дешевле на фунт; и 3) Самара отпускает товары всегда свежие. Можно пожалеть, что Белебеевские капитальцы ускользают за пределы своей губернии, а не приливают в свой торговый пункт – Уфу, хотя, конечно, нашей скромнице Уфе и очень трудно конкурировать в торговом отношении с Самарою. Самара, обладая существующими в мире найлучшими двумя путями водянным и рельсовым, соединяющими её с центрами торговли и промышленности, имеет возможность, во всякое время года, исполнять убыль в запасах товаров и потому предложение на них всегда отвечает безостановочно спросу второстепенных торговцев, пополняющих (может быть по узкости их кредита) несколько раз в год необходимые для торговли продукты за умеренный, сравнительно, процент прибыли. Вот этот то умеренный процент и составляет главную магнитную силу, привлекающую к себе Белебеевских коммерсантов; а умеренный процент прибыли Самарцы взимают потому, что, при существовании двух путей сообщения, капиталы их оборачиваются быстро, несколько раз в году, и хотя каждый оборот капитала Самарцев приносит им, сравнительно, незначительный дивидент, но годовой итог его превышает прибыли тех каммерсантов, капиталы которых оборачиваются медленно. Ясно, что Самарцы потрафили на истинный каммерческий путь, ибо по учению новейших экономистов (Маклеода и др.), быстрый оборот капиталов составляет коммерческий идеал.

О Белебеевских каммерсантах считаю весьма не лишним продолжить мою речь, в которой скажу несколько слов о такой, повидимому, неважной вещи, как керосин, который все мы поголовно жжём безпощадно и который потому представляет не предмет роскоши свойственной более зажиточному классу населения, имеющего возможность плясать, козырять и проч. при стеариновом освещении, а насущную потребность преимущественно беднейшего люда, строчащего при керосине деловые бумаги, шьющего сапоги, плетущего лапти (в деревнях почти со[е]ршенно изгнана воспетая русским народом "лучина, лучинушка") и пр. В Уфе в последние 2–3 года керосин во время навигации недолго продавался от 5 до 6 коп. фунт, а в течение 8–9 месяцев цена на него постоянно стояла 7 коп. за фунт, несмотря на то, что при последней, в 1883 г., покупке на Нижегородской ярмарке цены на него, сравнительно, были самые низкие – 90 коп. и невыше одного рубля за пуд, да и фрахту до Уфы на буксирных пароходах держался также низкий, – около 12 коп. с пуда. Но в последние два месяца этого года пред открытием навигации вдруг цена на керосин в Уфе, и нежданно, и негаданно, с

нормальной цены 7 коп. поднялась на 15 и затем быстро на 20 коп. за фунт. Понятно, Уфа и особливо деревня заохали, ставили знаки вопроса, удивления, восклицания и непредусмотренный грамматикою знак недоразумения, и затем зажгли один стеарин, другие сальные свечи, а кто и матушку древнероссийскую лучинушку. Оказалось, (конечно по справке), что керосин остался только у некоторых торговцев, поэтому, конкуренция потеряла свою подавляющую и благотворную силу, а желаньице быстрой наживы, захватившее дыханье, расправила свободно крылышки, и, за керосин, обошедшийся в покупке с провозом не дороже 1 р. 12 – 20 к. и продававшийся в течение прошлой осени и зимы от 2 р. 40 к. до 2 р. 80 к. за пуд, заполучило 6, а затем, ещё почу[в]ствительнее, 8 руб. за пуд. Так как я, признаться, в арифметике не силён, то предоставляю самому читателю определить полученный на 1 р. 20 к. процент 6–8 р. за пуд керосина; но полагаю, что такой процент весьма чувствительный и умилительный "что город, то норов, что деревня, то обычай", гласит пословица. Белебей также имеет свой коммерческий норов. Там торгуют керосином 2–3 лица между которыми едвали мыслимо конкуренция, а скорее могла установиться стачка. Белебей продавал керосин, проследовавший из Самары гужом 300 вёрст, в течение осени и всей зимы по 6 коп., а затем в самих последних числах марта, когда запасы его совсем почти истощились продавали по 7 к. за фунт. Надбавку только одной копейки на фунт я считаю со стороны Белебеевских коммерсантов предупредительностию и любезностию по отношению к потребителям, и не сомневаюсь, что они так поступили в виду той азбучной истины, что не общество для них существует, а они коммерсанты для общества, которому они и должны угождать соблюдением его интересов.

В следующей статье я скажу о значении ярмарки вообще и в частности о Белебеевской ярмарке, о наплыве в Белебеевский уезд переселенцев из других внутренних губерний и ещё кое-о чём.

7 июня 1884 г.

Пиглевский.

Причина отсутствия ярмарок за границею. Предположение о самоуничтожении у нас ярмарок: Чермное море (грязи) на Белебеевской ярмарочной площади. Уличное знакомство и получение сведений по торговому обороту на Белебеевской Покровской ярмарке и главный кожевопромышленник, куп. Зюиров. Вообще удовлетворительный результат Белебеевской ярмарки в торговом отношении. Материальное благосостояние Белебеевского населения ниже благосостояния уездов Бирского, Мензелинского и других. Открытый вопрос: чего недостаёт Белебеевскому уезду?

Грамотным, а тем более интеллиге[н]тным, людям хорошо известно, что за западною границею нашего отечества ярмарок не существует в той форме, в какой мы видим их у нас, потому, что там в течение целого года производится безпрерывная торговля, или другими словами, обмен товаров на деньги и обратно. Наши ярмарки заграницею отчасти заменяются выставками, имеющими целию предложение самых разнообразных и изящных товаров, представляющих образцы современного научного и торговопромышленного прогреса, вызывающего международную конкурренцию. Существование у нас ярмарок можно объяснить недостаточным развитием торговой и промышленной производительности, неотвечающей во всякое время в данных местностях спросу разновидных товаров. Ведь ни Петербург, ни Москва, ни другие фабричные города не нуждаются в ярмарках, потому, что они всегда отвечают спросу на требующиеся товары.

Исходя из этого понятия, можно быть уверенным, что с более широким развитием промышленности и торговли, а также путей сообщения, особливо рельсовых, ярмарки потеряют и у нас всякое значение, и волею-неволею доживут до самоуничтожения, а для развития производительности самым могущественным средством несомненно служат с одной стороны капиталы, (которые у нас всегда найдутся), а с другой – покровительственная таможенная система, которая, за исключением Англи[и], в переживаемые нами годы, находит много сторонников во всех почти западных государствах, а в Германии в последние годы обложен таможенною пошлиною даже привозный хлеб, который, за исключением редких там урожайных годов, заимствуется, для народного продовольствия, от соседки своей России, а в переживаемые нами дни Берлинское правительство проектирует даже, вопреки желания союзных государств, увеличить пошлину на привозный в Германию хлеб, которая пошлина, доставив известную цифру дохода, в тоже время подорвёт в той же цифре материальное состояние беднейшего населения страны.

Ярмарка та только имеет целесообразное значение, которая производит оборот подобно насосу, втягивающему в себя и выбрасывающему в том же, или почти в том же количестве воду, которая и берёт деньги с покупателей, и даёт их покупателям. Если, например, ярмарка взяла с народа 200/т. руб. и сама заплатила ему более или менее сумму около той же цифры, то такой оборот, такой обмен капиталов или товаров благоприятен для обеих сторон; такая ярмарка полезна для народа, производительна потому, что она регулирует (уравновешивает) отноше-

ние капитала к труду и наоборот; напротив, если, положим, ярмарка извлекла из мошны народной 200/т. р., а сама очень мало или почти ничего не дала из своих капиталов, то такая ярмарка для народного благосостояния безполезна, вредна.

Проездом в имение жены я очутился на осенней Белебеевской недельной ярмарке, начинающейся с 1-го октября и потому называющейся "Покровской", а по "Краткому Календарю" Гатцука время ярмарки показано с 28 октября по 1-е ноября, т. е. такое, в которое никакой ярмарки в Белебее не существует. Время было крайне ненастное, дождливое; грязь такая, которая даёт понятие о первых днях мироздания, когда вода не была ещё отделена от земли; по ярмарочной площади совершались исхождение яко по-суху, а плавание как по чёрному морю жидкой грязи. Казалось бы, можно помочь такому горю. Река Белебейка, окаймляющая город с восточной стороны и протекающая от торговой площади недалее 70–100 сажен – обладает превосходно[й], весьма прочною галькою из породы чистого кремнезёма (кварца), которая так и просится для шоссирования площади, сосредоточивающей весь торговый и промышленный Белебеевский люд; 2/т. возов (по 10 к. с воза) на проходы между торговыми лавками, на 200 р., да прорытие канавы, к стороне уклона площади для стека воды по линии домов, окаймляющих площадь с юго-западной стороны, казалось бы, избавило с одной стороны от потопа колесницы и калоши, а с другой – не обременили бы и скромного, правда, муниципального годового бюджета. Почтенный новый городской голова Ч – в, несомневаюсь, по своей испытанной опытности и распорядительности, найдёт к тому средства и избавит своих Белебеевских сограждан от навигации по торговой площади.

На ярмарочной площади, как подобает, было нагромождено всё требующееся для серенькой жизни небогатых горожан и поселян: лошади, коровушки, хлеб, железо, разные лесные и чугунные изделия, неизбежные мануфактуры, солёная и разная рыба и проч. и проч. ... Все эти предметы можно, впрочем, найти там же и в базарные дни, с тою только разве разницею, что предложение их во время ярмарки продолжается в течение всей недели и отчасти в более значительном количестве, а при наглядном осмотре, ярмарка не отличается почти от обычных больших зимних базаров. Часто бывает, что люди проходят десятки, сотни раз мимо каких-либо предметов и не видят в них ничего особенного, достойного внимания их. Это происходит или от недостатка наблюдательности, или присущего многим прискорбного равнодушия, в силу которого для них, по пословице, "хоть трава

не рости", кроме, конечно, своих коньков, на которых они очень охотно катаются, – поклонения прекрасному полу, карт, охоты, бумагописания, хозяйства и т. под. Я интересовался вопросом: не производится ли торговля на Белебеевской ярмарке таким товаром, который идёт за пределы своей губернии и составляет крупную цифру вывоза их. Несколько из местных лиц, к которым я обращался с интересовавшим меня вопросом, не дали мне удовлетворительного ответа. Затем, попадается мне на площади, судя по серебрянным на кушаке бляхам и по болтающейся золотой от часов цепочке, богато одетый, неизвестный мне, поклонник магомета, который, я вперёд был убеждён, и не ошибся, непременно назовёт себя "казанский купця", хотя в действительности он оказался состоятельный башкирец, Белебеевского уезда, закупающий кожи в своём уезде[1]. Вот этот мой новый уличный знакомый очень любезно и указал мне на искомый на ярмарке предмет. Из переданных им мне сведений я узнал следующее. Более 15 лет тому назад в Белебее поселился на постоянное жительство Казанский купец, помнится по фамилии Зюиров, с специальною целию – закупать кожи для Казанских кожевенных заводов, играющих, как всякому известно, весьма важную роль в кожевенном производстве. Известно, что [в] Белебеевском уезде преобладает магометанское население – Башкиры, в скотоводстве которых очень много содержится, между прочим, коз. Козы по мнению их, представляют выгодную хозяйственную статью, по получаемому от них молоку, ценным пуху и коже, по, сравнительно, мало требующемуся для них корму, по их плодовитости и наконец, по получаемому от них мясу. Вот в кожах-то козьих и заключается самая суть Белебеевской ярмарки, повидимому ничем не отличающейся от обычных базаров, на которых происходит обмен сельско-хозяйственных продуктов на мануфактурные и другие заводские изделия собственно для местного потребления. Страна (будет ли это по нашей отечественной территориальной рубрике губерния, область, уезд), отпускающая за свои границы какие либо местные продукты, считается, по экономическим понятиям, производительною, богатою. Следовательно, Белебеевский уезд, неговоря уже об изобилии в нём хлеба разных видов, неимеющего выгодного с экономической точки зрения сбыта, при обилии громадных пастбищ, богат скотоводством, доставляющим массу кож, как более ценного товара, нетерпеливо ожидающего чаемой железной дороги,

---

[1] Казань, где действительно есть состоятельное из магометан купечество, как бывшая при том столица Казанского царства, имеет и до настоящего времени особое обаяние для магометанина – *прим. автора.*

чтобы прокатиться по ней на Уфимскую или Самарскую пристани, а там по Волге или Белой в Казань или и далее, вместо дорого стоющей ныне гужевой доставки его туда. По собранным мною сведениям частию на Белебеевских базарах (около 30/т.) и наиболее на Белебеевской Покровской ярмарке (около 50/т.) закупается около 80 000 кож, и из них 50/т. собственно козьих кож, из которых большинство Казань переработывает на сафьян. Если ценность каждой кожи определить хотя в 3 руб., то общи[й] оборот от одних кож составится в 240 000 руб., а Белебеевской ярмарки в 150 [тыс.] руб. Я пишу не статистику Белебеевской ярморки (это дело наших земских статистов, как говорится, собаку съевших по этой части), не определяю оборота капиталов по всем предметам торговли её и промышленности, но имел в виду указать лишь на тот один из продуктов промышленности на ярмарке, который мало видим, легко ускользает от наглядного наблюдения, именно, на торговый оборот одними кожами, который, в данном случае, представляет весьма почтенную цифру – около 300/т. руб.; другими словами, ярмарка купила у местного населения на 150/т. руб. кож, а местное население те же 150/т. руб. положило в свою мошну.

Из вышеприведённых данных я делаю тот вывод, что Белебеевская ярмарка имеет целесообразное торговое значение и именно потому, что она, подобно насосу, выпускает и принимает товары, продаёт и покупает их, берёт деньги с населения и возвращает их ему, другими словами – совершает тот процесс, который на языке финансистов именуется "торговым (конечно внутренним) балансом" (разнастью между приходом и расходом), о котором скажу мимоходом, наши финансисты до последних даже дней не пришли к соглашению по вопросу о том: влияет ли этот баланс на курс нашей денежной единицы, или же он ни при чём, и некоторые из них доказывают, что падение и повышение нашего заграницею курса вовсе не зависит от торгового баланса (с чем трудно согласиться), а от других причин, приведение которых считаю здесь излишним, потому, что далеко вышло бы за пределы беглой настоящей статьи. В самом деле, редко приходится начитывать такую разноголосицу по научным вопросам, как по вопросу о финансовых системах и о причинах, влияющих на международный денежный курс на всемирном рынке. При чём замечательно, что у большинства наших писателей экономистов не сходит с пера Америка, как страна богатая, обладающая, сравнительно, наилучшею финансовою системою и выработанными экономическими вопросами, а между тем и американский финансовый критерий не в силах привести неко-

торых из литературной нашей братии, пишущей о финансах, к более основательным выводам.

Возвращаясь к своему предмету – Белебев. ярмарке, я могу сказать, что я имею некоторые данные (о которых скажу после, по которым можно судить, что торговый и особливо промышленный баланс её клонится на сторону в пользу белебеев. населения, т. е. оно более продаёт, нежели покупает, а между тем, как известно, население это, по своему материальному благосостоянию, стоит в этом отношении ниже населения большинства уездов нашей губернии. Чего же недостаёт ему, чтобы он мог в материальном отношении сравниться с другими нашими уездами, хотя бы например Бирским или Мензелинским и чем ему можно помочь? Так как ответ на этот вопрос, по имеющимся у меня в виду данным, может составить отдельную объёмную статью, то я и побеседую о том после. Теперь не до размышлений: теперь меня, как и каждого полевода, сокрушает грустная дума о том, что, по прич[и]не ненастной погоды затрудняется уборка и посев хлеба озимового, а т[а]м опять, в недалёком будущем, – месяца через 3 – 4 предвидится другая печаль – о пророчествуемых хлебными покупателями низких ценах на хлеба, неокупающих производства. Из всех стран, производящих хлеба, продовольствующих почти всю нашу часть света (кроме России), получаются газетные самые неудовлетворительные для нашей хлебной торговли сведения о богатых почти везде уражаях, способных вызвать всесильную хлебную конкуренцию, которая, может статься, приведёт прибыли наших полеводов к нулю. Вот где настоящая Дарвиновская борьба за существование. Кормилица наша – Петербургская биржа только и твердит надоедливо роковые слова: "тихо, вяло, без спроса, без дела". Да, в предупреждении критики, сознаюсь, что начал я за здравие, а кончил за упокой. Дух же терпения даруй нам, милостивая судьба. Единственное спасение для предложения (хлеба) – это выжидательная политика, но суть-то этого экономического рецепта в том: многие ли по финансовым обстоятельствам способны, т. е. имеют возможность руководствووться в текущее время этою политикою? Об уражае хлебов в этом году по предвидимом результате сбыта их я поговорю в недалёком будущем.

22-го августа. 1884 года.

Л. Пиглевский

(Окончание будет)[1].

(Уфимские губернские ведомости. 1884. 28 апреля, 16 июня, 15 сентября)

[1] Продолжения статьи не последовало.

III. М.В. Колесников

Этнографические очерки русского населения Уфимской Губернии, в его народном быту, обрядах, обычаях и пр.

(М. Колесникова)[1].

1.
Вступление

Черты русской народной жизни резко отличаются от жизни других народов. – Основы этой жизни теряются во мраке давно исчезнувших веков и наша история мало знает или вовсе не знает начала её; но не смотря на всю давность, основы её очень живучи; крайне упорно они борются против новых начал, крайне трудно и медленно уступают им поле битвы и ни в чём их живучесть так не высказывается, как в сфере народных верований, предразсудков, суеверий, примет и проч. – Кто знаком

---

[1] Статья эта доставлена редакции при следующем письме:

«Г. Редактор!

Сообщая при сём, для напечатания в редактируемой Вами неофициальной части Уфимских Губернских Ведомостей, этнографические очерки народного быта Уфимской губернии, имею честь заявить следующее. Мои очерки не вымышленная фантазия; они не дышут поэтичностию и слогом писателя, так как творец их не обладает ни тем, ни другим искуством. Моё перо изобразило лишь то, что было добыто лично мною во время долгого проживания в деревне, с которой я чуть ли не сроднился, и поэтому русская народная жизнь как нельзя лучше знакома мне.

Этнографические мои очерки взяты мною с натуры в уездах Белебеевском и Мензелинском, а некоторые из них сличены с обычаями Уфимского уезда. В общем, по собранным мною сведениям, различия почти нет в большей части Уфимской губернии.

Очерки мои далеко не полны, так как многое ускользнуло от моей наблюдательности; много и многое забыто; но, я думаю, и этот труд может быть пригоден для Статистического Комитета и если Вы независимо от напечатания этого очерка в Губернских Ведомостях, признаете полезным для Комитета поместить этот труд отдельно в изданиях Статистического Комитета, то предоставляю как Вам, так и Статистическому Комитету пользоваться моим трудом с полным правом собственности относительно издания, разсылки и продажи*.

С истинным почтением и т. д.

М. Колесников.

* Полагаем, что Статистический Комитет воспользуется предложением автора для имеющей быть изданной Памятной Книжки.

Редактор Н. Г.

сколько нибудь с народною жизнию и с народной поэзией, тот, конечно, заметил, что в жизни крестьян есть много поэтичного; многие древние верования сохранились в ней почти неповреждёнными; в их обычаях есть правда много языческого и тёмных сторон, но они уже парализуются светом прогресса, который не остался чуждым и народной жизни, – она хотя незаметно, но, несомненно, движется вперёд. Нельзя не заметить, что всякий новый элемент входящий в жизнь народа, находит своё отражения в ней и не далеко уже то будущее, когда она окончательно забудет своё прошлое. А как народная поэзия имеет самую тесную связь с первобытною жизнью народа, в среде которого она создана и в этой поэзии выражается его первобытная жизнь, дух и характер, то важно для этнографии спешить заняться изучением народного быта, а так как поэзия народа слодилась в разные эпохи жизни, и в разных местах, почему и характер её не везде одинаков, то и исследование народной жизни не следует ограничивать одною какою либо местностью, а должно заимствовать её в разных местностях и особенно в глухих местах России и затем объединять всё однородное, все существующие у нас в кругу простонародия, обычаи, суеверия, легенды, заговоры и т. п., из числа которых уже много утрачено того, что составляет поэзию народа и миросозерцание его первобытной жизни, отголоском которой и теперь ещё дышат народные песни.

В древние времена, когда слагалась русская народная поэзия, обитателями Уфимского края, как известно, были разноплеменные народы. У каждого из них, несомненно, имелась своя первобытная поэзия, чуждая русскому народу и следовательно, этот край никогда не служил колыбелью поэзии русского народа и до колонизации края славянскими племенами, он вовсе незнал русской поэзии, которая внесена была сюда колонизаторами в период более близкого к нам времени. Процесс колонизации Уфимского края, начавшийся в одно время с покорением Казани, не мог, конечно, так быстро закончиться; он продолжался не одно столетие и поэтому нельзя предполагать, чтобы население какой бы то ни было деревни составляло сплошную однородную массу переселенцев из одной какой либо губернии или уезда, а наоборот к первым поселенцам, положим Орловской губернии, постепенно присоединялись выходцы и с других губерний, или например из двух соседних деревень, одна заселена выходцами одной губернии, а другая другой. При таких условиях, русская народность занесённая в эту местность ни в каком случае не могла сохраниться неприкосновенно; она невольно должна была

измениться и перепутаться, чему не мало также способствовало сближение поселенцев с туземцами. – Вот почему и в настоящее время здесь уже народом много забыто обрядов, обычаев и песен, которые и в настоящее время ещё помнятся в центральных губерниях нашего отечества. Даже в наречие крестьян вошло и сроднилось много не русских слов наприм. «айда», «шабер» и пр.

2.
ЖИЛИЩЕ КРЕСТЬЯН.

Крестьяне живут сёлами, деревнями и выселками или хуторами. Сёлами как всем известно, называются селения, в которых есть церковь; селения без церкви носят название деревень, а селения из нескольких домов, обыкновенно, называются выселками или хуторами[1]. Все селения расположены около рек, речек и ручьёв, т. е. у воды. План селений везде однохарактерный: небольшие сёла тянутся в одну улицу, а большие в несколько улиц; на площади, внутри селения, часто на горке, красуется деревянная или каменная церковь. Селения обнесены огорожею, которая называется околицею. Околица строится для лета, чтобы скот не мог уходить из деревни на поля, почему, при въезде в селения устраиваются ворота, к которым приставляют сторожа, малоспособного к труду, своего однодеревенца, часто старика калеку или мальчика; на обязанности такого сторожа лежит: каждому проезжающему отворять и по проезде его затворять ворота и следить, чтобы в охраняемые им ворота не выходила из деревни скотина. Такой труд сторожа оплачивается из имеющихся в обществе мирских сумм, и, конечно, в самых малых размерах.

У каждого крестьянина имеется своя усадьба, на которой стоят изба и другие надворные строения. Устройство крестьянских изб остаётся неизменным чуть ли не современ преподобного Нестора и состоят из толстых, преимущественно липовых, брёвен в 11–12 звеньев или венцов; при каждой кладке избы, пазы стен конопатятся мхом и хлопками, остающимися от пряжи кудели из льна. Избы кроются соломой, редко у кого тёсом; они имеют два – три окна на улицу и не больше двух во двор; пазы стен избы редко у кого промазываются алебастром, извёсткой или глиной, но самые стены, как снаружи, так и внутри ни у кого никогда, нетолько не штукатурятся, но даже и ничем не обмазываются. У зажиточных крестьян наружные подокон-

---

[1] Также называются, починками, заимками, посёлками. *Ред.* – прим. редакции газеты.

ники и карнизы над окнами резные, а рами и ставни крашены, преимущественно синей краской.

Внутри избы, при входе, в правом углу ставится большая, на половину битая из глины, печь, а по другую сторону кровать или «конник» (нары); над дверью, на растоянии аршина от потолка, пристраиваются «палати» (подмостки), вдоль стен идут лавки, а в переднем углу, около лавок, ставится большой стол; передний угол украшается «Божницею», т. е. прибивается к углу большой резной, выкрашенный краской, киот, в который ставят несколько икон суздальской работы. На стенах, по обеим сторонам божницы, красуются дешёвые лубочные картины с изображениями лика Спасителя, Пресвятой Богородицы; «Николы» Чудотворца, целителя Пантелеймона, Варвары Великомученицы и «Егория» Победоносца, на белом коне поражающим змия, и тут же по другую сторону божницы – «смерть богатого и бедного», картина страшного суда, с изображением всех ужасов ада и по другую сторону киота, часто в рамках и за стеклом, – хромолитографические портреты Государя, Государыни и Цесаревича. Эти портреты имеются в каждой избе на почётном месте и, к чести крестьян, они к изображениям своих «Батюшки Царя», «Матушки Царицы» и «Наследничка», относятся с любовию и благоговением, они даже не дозволяют себе оставаться в избе в шапках, там где есть портреты Царствующей семьи.

Зажиточные крестьяне передний угол обивают обоями самых ярких цветов, а бедняки стены и потолок избы, к праздникам Рождества Христова и Пасхи, скоблят косырями (большие ножи) заново. Многие крестьяне стали перегораживать свои избы тонкими досками «шелевкою» на две половины – на «горенку» и «чулан» (кухню), у некоторых же зажиточных крестьян имеются и по две избы, разделённые сенями, из них одна фасом на улицу и другая во двор. Одна из них поменьше, потемнее, пониже, – для зимы. – другая «светлица» посветлее, повыше, почище – д[л]я лета и заезших гостей.

Надворные строения состоят из амбара или клетьи (для хранения муки, хлеба и др. провизии) погреба и завозни. Для коров, лошадей и другого скота отгораживается задняя часть двора, которая на половину закрывается навесом для защиты скота от дождя, холода, снега и ветра. Это отделение двора называется «скотным двором» или «кардою». Дворы эти всегда хранят в себе достаточное количество навоза, который весною смешивается с водою, от чего на дворах, даже летом всегда бывает сыро и вязко; они, как закрытые со всех сторон, не достаточно проветриваются и вследствие этого всегда имеют сквер-

ный, гнилой запах, поэтому можно думать, что дворы эти, вообще, вредно влияют на гегиеническую обстановку населения.

Каждый домохозяин имеет баню. Бани строятся на берегу рек и речек, т. е. у воды. Они очень плохи устройством: единственное маленькое окно не достаточно даёт света, и они почти тёмные, прибанников нет и моющиеся раздеваются и одеваются на открытом воздухе. Печь в бане устраевается «по чёрному», т. е. без трубы, так что при топке такой печи дым наполняет баню и затем медленно выходит в отворённую дверь и «отдушку» (маленкое в одну четверть аршина отверстие сверху стены бани). По окончании топки печи, двери затворяются и отдушка затыкается тряпкой. Баня быстро нагревается и чрез полчаса готова принять к себе массу моющихся. Такая баня, в сравнении с белой баней (с обыкновенной трубою) жарче, меньше требует дров, скорее нагревается, дольше сберегает в себе тепло, зимой не потеет, но за то в ней во время мытья дым не выносимо режет глаза и неприятно щекотит в горле острою горечью.

3.
КРЕСТЬЯНЕ И ИХ ЖИТЬЁ-БЫТЬЁ.

Наружный вид крестьян Уфимской губернии хоть например Мензелинского уезда, довольно обыкновенный: они более или менее среднего роста, плотны, цвет лица свежий, волосы русые, глаза чаще серые, черты не крупные. Весёлая беззаботная наружность проглядывает в здешнем крестьянине; он сметлив, остроумен, а русская простота, добросердечие гостеприимство и сострадание – отменное его достоинство.

Одежда крестьян довольно незатейливая и приготовляется из материи, частью приготовленной дома и частью купленной на рынке. Костюм мужчины в будничные дни составляет: рубаха из мелко клетчатого сине красного полульняного холста, штаны, или «порты» синеполосатые «полосушки», приготовленные из особого домашнего холста. Эта полосатая материя тчётся в четыре цепка из белых и синих ниток и поэтому бывает необыкновенно толста и плотна, и следовательно прочна. – Обувь составляют онучи и лапти. Праздничный костюм заменяется ситцевой рубахой, казенетовыми шароварами и большими, на низеньких коблукак с подковками, сапогами.

Нарядный костюм парня состоит из пунцовой рубахи, подпоясанной вязанным, из разноцветных шерстей, с большими на концах кистями, поясом, плисовых широких «шаровар», суконной на вате поддёвке, подпояссанной широким, ярких цветов, кушаком, на голове картуз. Зимою костюм мужчины дополняет-

ся овчиным полушубком или тулупом и такой же шапкой, летние холщёвые онучи заменяются онучами из белого толстого сукна, домашнего приготовления. Сапоги заменяются валенками.

Костюм женщины, ещё неприхотливее, ещё проще: он состоит из ситцевого сарафана, ситцевых рукавов, под сарафаном скрываются сорочка (верхняя половина которой ситцевая, а нижняя – пёстрая холщёвая) и несколько юбок, придающих фигуре женщины полноту; на ногах онучи и лапти, а зажиточные крестьянки носят башмаки или ботинки.

Праздничный девичий костюм, состоит из розового «французского» сарафана, белых рукавов, «гарусного» пояса, из шерстей, как и у парней с кистями на концах, на шее борки в несколько ниток, на ногах полосатые из красных, синих и белых ниток «(пряжи)», чулок и ботинки с медными подковками.

Женщины, в силу существующего обычая, волосы на голове заплетают в две косы, плетя их непременно прядями вниз, и за тем прячут их в ситцевый на голове «чехлик» (род чепца), а сверх чехла голову покрывают платком, так как женщина, как мы увидим ниже, не показывается ни кому с открытой головой. Девушки носят волосы в одну косу, заплетённую прядями вверх и в конец косы вплетают розовую «алую» или голубую ленту.

Обстановка крестьянской избы очень, очень невзрачна; летом она ещё сносна, так как лишняя, одежда и другой хлам выносятся в амбар, да и семейство во всё лето более находится на дворе, где они обедают, ужинают и спят под открытым небом, но зимою, вся сем[ь]я, как бы она велика не был[а], помещается в одной избе. Вставленные двойные рамы увеличивают мрачность и без того мрачной избы; стены избы закопчены, воздух удушливый, тяжёлый, затхлый. Духота к вечеру усиливается спёртостью воздуха и копотью горящей лучины или лампы без стекла. Вентиляции нет. На палатях и коннике навалена разная одежда, как то, полушобки, тулупы, поддёвки, а также кошмы, перины и подушки. Большая печь служит нетолько для отопления и приготовления пищи, но и для сушки хлеба, мокрого платья и обуви, – она же составляет главное помещение и для стариков. В углу у порога стоит лахань с помоями, над ним привешен рукомойник и тут же держатся на привязи телята и ягнята. В избе же в зимнее холодное время иногда овцы ягнятся и коровы телятся, а курицы и гуси всегда в избе сидят на яйцах и выводят своё потомство цыплят. Кроме того, во время топки печи в избу же вводят коров, приготовляют им месиво, т. е. мякину, или колосья, пересыпанные отрубями или ржаной мукой «посыпкою» и облитые тёплою водою и пока корова ест месиво, её доят.

Пища крестьян довольно незатейливая и неприхотливая. На завтрак подаётся одно горячее блюдо – суп, лапша, варёная картошка.

В будничные скоромные дни обед и ужин состоят из чёрного ржаного хлеба или ситного (из ржаной муки, просеянной сквозь частое сито, щей с свежей говядиной или солониной, кашу на молоке, а в праздники к столу подаются пироги с яйцами, курник, жареная в сметане картошка, яичница, а ржаной хлеб заменяется пшеничным. В постные же дни пищу крестьян в обед и ужин составляют: капуста с квасом, кислые постные щи с коноплянным маслом, редька, солёные огурцы брюква, «парёнка» (пареная репа), картошка, горох и солёные грузди, – в праздник рыба.

Крестьяне, занимаясь постоянно физическим трудом, едят сравнительно, много, поэтому, не смотря на неизысканный обед, они сидят за столом долго; перед тем как садится за стол и по выходе из за стола, они молятся Богу; за столом сидят чинно и ведут степенный разговор, недопуская смеху, шуток и споров и если кто не хочет больше есть, тот, не сожидая остальных, выходит из за стола.

При еде употребляются круглые деревянные ложки, большого размера, на стол подаётся один общий нож (вилки у крестьян не употребляются). Все кушанья едят из одной общей посуды: – Жидкие ложками, а мясо и проч. «своей пятернёй», т. е. руками, для чего мясо, одним из обедующих нарезывается мелкими кусочками и складывается на не глубокую деревянную чашку, из которой и едят.

После обеда и ужина пьют квас или просто воду. Самовар считается роскошью, он доступен не каждому и поэтому имеется только у самых зажиточных крестьян, которые впрочем чай пьют не каждый день, а изредка – по воскресным дням, да в праздники.

Взрослые дети едят туже пищу что и большие, а маленьких грудных детей кормят молоком, часто скисшимся, из нечистого рожка; также дают им соску, то есть жёванный кислый хлеб или кашу иногда в грязной тряпице. От такой пищи дети часто страдают запорами и грыжею.

4.
СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯН.

Семейная жизнь крестьян своеобразна, монотонна и трудовая. Старшим в семье является отец семейства, как глава семьи; он неограниченно управляет домом и ведёт хозяйство, но как

только он дряхлеет и теряет способность к работе, то обязанность эта возлагается на старшего в семье неотделённого сына, который впрочем в этом случае действует с согласия своего родителя и до самой смерти последнего не выходит из его повиновения.

Крестьянская семья часто встречается многочисленная и численность её доходит до 10 человек и более. В состав такой семьи входят снохи женатых сыновей и их дети. Но в таком составе семья остаётся не долго; начинаются семейные раздоры: снохи жалуются мужьям на деверей, свёкра; свекровь на невесток, невестки и свекровь жалуются на снох. У них являются споры из за труда, одни упрекают других, что те меньше их работают, снохи упрекают, что работа их идёт невпрок, так как они батрачут работают не исключительно для себя, а на «всю араву», т. е. общую семью. Глава семьи, видя все эти раздоры, решается наконец отделить из общей семьи старшего своего сына. Он обращается к сельскому старосте с просьбою собрать сельский сход, который тем и созывается в один из ближайших праздников. Крестьянин «ставит сходу» угощение «четвертушку» водки и, попотчевав ею «старичков» (в таких случаях мне никогда не приходилось видеть, чтобы сход был собран в полном составе, а всегда состоит из десятков двух мироедов, как их называют крестьяне или каштанов, ищущих случая выпить; выражает сходу своё желание отделить «своего Ванюху» и просит мир или старичков, дать ему для Ванюхи «местечко», указывая сходу на намеченное уже им общественное пустопорожнее место. «Миру», конечно, земли не жалко и он даёт своё устное согласие на отдачу просителю той земли без всякого приговора.

У крестьянина на задах двора давно уже на случай и сруб готов, он перевозит его на отведённую обществом усадьбу и ставит (строит) избу и другие надворные строения. Если же у крестьянина сруб не готов и чтобы не возиться с постройкою избы, он покупает у кого нибудь лишнюю жилую избу на слом и в ближайший праздник, собрав «помочь», то есть желающих помочь его работе, разбирает с ними купленную избу и перевозит её на новое место. За это он бывших на помоче угощает вином.

Устроив жильё, крестьянин выделяет старшего своего сына, снабдив его всем хозяйством, которое состоит обыкновенно из скота, платья, домашней утвари и хозяйственных орудий; всё это конечно в известных, очень умеренных, размерах.

Отделив старшего сына, крестьянин таким же порядком постепенно выделяет и других своих сыновей, за исключением младшего своего сына, который сидит на корню, т. е. навсегда остаётся жить с отцём, по смерти которого, переходит к нему

отцовское имущество.

Замужние дочери, получив при выходе замуж приданое, считаются вполне отделёнными, и по смерти своего отца, не пользуются правом на получение части оставшегося имущества покойного их родителя, а незамужние дочери, по смерти своего отца, остаются жить с меньшим братом, на котором и лежит обязанность, пока они малолетние, заботиться о их воспитании, а по совершеннолетии выдать их в замужество и в этом случае выделенные братья, отчасти помогают им в свадьбе.

Если в семье крестьянина нет сыновей, то он одну из своих дочерей выдаёт замуж за бездомного бедного сироту парня и принимает его к себе в дом, который по смерти тестя, наследует его имущество на правах сына.

Вовсе же бездетные крестьяне берут к себе в приёмыши мальчика сироту, усыновляют его и, выростив, женят, а по смерти приёмного отца, имущество его, переходит к приёмышу, как к сыну.

Воспитание детей у крестьян незавидное, так как в деревнях мало известны те гуманные идеи, на основании которых установлено теперь воспитание детей. Шалости их останавливаются грубыми словами, а за более важные шалости родители угощают детей «подзатыльниками» «потасовками» за волосы и побоями, иногда чем ни попало.

Лет до 7–8 дети бегают без всякого надзора по улицам и там, где им вздумается; – лет 9–10 мальчиков посылают караулить и пасти скот, а с 12 лет их приучают уже к полевым работам: пахать, косить, жать, молотить и проч. Когда мальчик взойдёт в юношеский возраст (18 лет) его спешат женить, чтобы иметь в семье лишнюю работницу. Его женят даже и тогда, если он не имеет ни малейшего к тому желания. Выбор невесты также зависит от его родителей; впрочем, последние часто выбор невесты предоставляют и сыну, если достоинство выбранной им девушки, её трудолюбие, поведение, а также почтенность и зажиточность её родителей удовлетворяют требованиям его родителей.

Дочерей же, наоборот, выдают в замужество как можно позже, из нежелания терять в ней работницы. Часто девушку держат в семье лет до 25, а за тем выдают её за восемнадцати летнего парня. Такие случаи неравных браков очень не редки, и в деревнях, в среде крестьян, сплошь и рядом можно встретить у молодых мужьёв старух жён, но не смотря на такое неравенство возраста супругов, браки их, в большинстве случаев, отличаются прочностью и постоянством.

Выходя замуж, женщина вносит в дом мужа известное приданое, стоимость которого зависит от состояния родителей невесты и уговора.

Если муж выданной в чужую семью женщины умрёт, то она может возвратиться в прежнюю свою семью или остаться в семье своего мужа. Другое дело если муж её был выделен из общей семьи, тогда имущество покойного переходит к ней и тогда она по своему усмотрению или выходит вновь замуж, приняв в дом свой избранного ею мужа, или же остаётся жить в доме вдовою.

Точно так и солдатки пользуются правом выбора себе местожительства, но только до прихода со службы мужа и с согласия последнего. Впрочем солдатки редко уходят в прежнюю семью, а остаются до прихода мужей жить в доме свёкра.

Говоря о семейном быте крестьян нельзя обойти молчанием положение женщины в крестьянской семье.

Уже в детстве девушка приучается к домашним работам. Труд и удовольствие идёт у неё перемежаясь и с ранних лет она уже приучена к хозяйству и рукоделью. Когда же становится взрослою, она постоянно работает по хозяйству и на поле. Кроме того она тчёт холст, заготовляя его себе в приданное. У неё является дума и забота: она знает, что рано ли, поздно ли её отдадут в замужество, а идти с пустыми руками в чужой дом ей нельзя, надо побольше наткать и напрясть, чтобы видели будущие её родители, что она умеет выполнять свои обязанности, что она рукодельница, умеет работать и в виду этого, она как можно больше старается наткать холстья, полотенцев и напрясть ниток.

С выходом замуж на неё падает вся тяжесть домашних работ и кроме того она должна помогать мужу в работах, считающихся специально мужским[и], например полевых. К тому же у неё чуть ли не с каждым годом пойдут дети, нужен уход за ними, поэтому ей приходится неусыпно работать и работать чуть ли не до могилы. И на самом деле, трудно представить себе сколько разнообразных обязанностей лежит на ней: она всю свою жизнь няньчится с детьми, она одевает их и мужа чуть ли ни с ног до головы, она приготовляет лён, конопель, прядёт нитки, тчёт холст, сучит пряжу, вяжет чулки, варежки, приготовляет сукно для онуч и других домашних потребностей. Она ежедневно работает по хозяйству, топит печь, готовит пищу, наблюдает за скотом, кормит, поит и доит его, делает масло, сметану, творог, носит воду, дрова, всё это её дело и мужчина ни в чём не заменит женщину, если бы она даже была больна, потому что он считает женскую работу для себя унизительною, тогда

как женщина наравне с ним жнёт, косит, молотит, возит снопы, мечет сено в стога. Женщина не сменяет образа жизни даже и тогда, когда бывает беременна. Случается не редко, что где нибудь на дороге, в поле, на жнитве, в лесу, собирая ягоды или грибы, она, почувствовав муки, тут же рожает без всякой посторонней помощи и относит ребёнка домой.

Впрочем, сравнивая труд крестьянской женщины с трудом мужчины, нельзя не заметить, что и на его долю выпадает не меньше работы, труд его хотя и перемежающийся, но далеко нелёгкий, на плечах своих он выносит самую тяжёлую физическую работу, начиная с ранней весны и кончая глубокой осенью. Тут вся работа у него спешная, кипучая, безостановочная, он боится проспать лишний час, лишнюю минуту. Ему нужно во время спахать землю, во время посеять яровые хлеба, во время пар спарить, во время скосить траву, убрать её в стога, во время убраться с жнитвом и посевом озимого хлеба, с уборкою яровых хлебов, свозкою хлеба с поля на гумно и уборкою его в клади и кроме того надо поспешить обмолотить необходимую для продажи, на уплату повинностей и потребных домашних расходов часть хлеба, так как в ненастную очень молотьба хлеба не возможна; кроме того ему нужно до осенней распутицы заготовить дров на зиму, всё это его работа, работа срочная, она не ждёт его и он спешит, каждую из этих работы выполнить во время, не упустить дорогого горячего для него времени так как эта его работа обезпечивает и кормит его с семейством круглый год. Окончив эти работы, крестьянин буквально, отдыхает, ему остаётся работа лишь «по домашеству», т. е. нарубить дров, привезти сена скоту, исправить какую нибудь неисправность в надворном строении, да иметь уход за лошадьми.

С наступлением осени и женщинам чувст[в]уется свободнее: короткого дня для них вполне достаточно убраться по хозяйству и убрать скот и они, в долгие зимние вечера, сучат шерсть, вяжут чулки, варешки для семейства, ткут сукно для обуви и другого домашнего обихода, эти работы считаются весёлыми. Тут к бабам приходят с работой же в посиденки соседки «сваханьки или кумушки», у них подымется смех, шумный говор, остроты, сплетни, песни и это продолжается до полуночи. Вообще несколько баб, собравшись вместе не могут сидеть тихо, а подымут гам на всю избу, почему и сложилась на счёт их в народе основательная пословица, что где две бабы соберутся – базар, а четыре – ярмарка. Старухи тоже принимают участие в шумном разговоре и часто выказывают себя находчивее и веселее молодёжи. Мужчины же, забравшись на полати, в полудре-

моте слушают всю эту «бабью болтовню», пока наконец она их не убаюкивает – и дружный храп со свистом не присоединится к общему шуму. Молодые же парни вечера проводят по вечёркам.

Девушки также собираются на посиденки в одну какую нибудь избу, арендуемую ими у какой нибудь бездетной старухи вдовы. К ним приходят парни и веселят их остротами, прибаутками и пр. Девушки прядут, весело смотрят как они, весёлые беззаботные, усевшись на скамьях на донце (в которое вставляется гребень) за гребень весело пощипывают левою рукою мочку, т. е. лён на гребне, вытягивая из него нитку, а правою вертят веретено, наматывая на него выпряденную нитку. Как искусно вертится у них веретено под звуки заунылой песни и треск горящей лучины. Любил я эту родную картину; любил я слушать эти песни, этот заунылый певучий русский народный мотив, в котором слышно русское сердце, русский дух в понятиях о стране родной, о семейной радости, о злой беде-лиходейке, о печали ретивого сердца и о жаркой любви добра молодца к красной девице; в нём выражается то широкий разгул русского человека, то звучит сетование русской женщины простолюдинки, жалующейся на свою неволюшку, на ревнивого мужа, на лихую свекровь; в нём слышится отчаянный плач невесты, тоскующей о разлуке с любимым добрым молодцом, об утрате своей вольной волюшки, о разлуке с отцом с матерью, об увозе её в чужую, дальнюю сторонушку. Это давно минувшие стоны русского народа, слившиеся в его песни. Далеко к полночи смолкают смех, говор и песни, догорает последняя лучина и девушки расходятся по домам.

Упомянув о лучине[1], считаю нелишним несколько подробнее описать столь интересный способ первобытного освещения изб лучиною. Она прославлена даже в народных песнях, например:

«Лучина, лучинушка берёзовая
«Ах! что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
«Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
«Или ты, лучинушка, в печи небыла?
«Или ты, лучинушка, не высушена?...»

И на самом деле лучина должна ярко гореть и вспыхивать; она должна обязательно быть берёзовой, побывать в печи и быть хорошо высушеной. Вот её приготовление и способ освещения ею. Для лучины припасают берёзовые паленья «плахи», щепают

[1] Описание это тем интереснее, что в настоящее время лучина выводится окончательно из крестьянского обихода и потому интересно сохранить в местной летописи память об этой этнографической принадлежности. – *Ред.*

их на тонкие палочки и высушивают в печи, как можно суше. Эти щепи и называются лучиною. В сумерки в избу вносят «святец» (подсвечник), т. е. деревянную подставку аршина в 2 вышины, нижний конец её утверждается в двух перекрещённых между собою деревянных брусьях, а в верхний конец вбивается железный с тремя или четырьмя рожками (развилинами) гвоздь, в который и вставляется один конец лучины, а под лучину, на пол, ставят лохань с водою, в которую падают нагоревшие угли; как только лучина догорает, от неё зажигают новую и ставят на место сгоревшей, а остаток сгоревшей сбрасывают в лохань. Лучина издаёт неровный-то яркий в[с]пыхивающий, то потухающий свет.

Ясно, что такое освещение крайне неудобно и кроме того оно производит сильный чад и копоть.

В настоящее время хотя лучину стало заметно вытеснять керосиновое освещение, но видеть лучину в деревне ещё нередкость, особенно у чуваш и мордвов. Впрочем керосиновое освещение также производит копоть, так как лампы крестьянами употребляются без стекла.

Прядение у женщин оканчивается великим постом, а с фоминой недели начинают сновать основы для тканья холста. Затем вносят в избу «краснoткацкий станок», устанавливают его в углу, налаживают его и ткут на нём холст, торопясь окончить тканье до начала страды.

5.
НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ КРЕСТЬЯН.
Народные праздники.

Все празднества, совершаемые крестьянами в дни, посвящённые важнейшим событиям жизни Иисуса Христа, а равно и масляница соединены, с различными народными обрядами, образовавшимися, вероятно, в эпоху принятия христианства. Из праздников крестьянами в особенности чтутся праздники Рождества Христова, Пасхи, Св. Троицы, Масляница и Храмовой (местный праздник), который справляют особенно шумно. Вот как крестьяне справляют праздники: перед каждым из поименованных праздников, хозяйка чуть не занеделю до праздника начинает уже хлопотать, как бы припасти по больше провизии и пива, а к праздникам Рождества и Пасхи, (некоторые и к храмовым праздникам), стены в избах, потолок и пол выскабливают заново, а более зажиточные крестьяне, передний угол избы обклеивают новыми разноцветными, преимущественно красными, обоями, а божницу украшают разными цветами, сделанными из разноцветной бумаги. Дня за два до праздника хозяйка по це-

лым дням занята печением пирогов, пирожков, ватрушек, жареньем поросят, гусей. Хозяин чистит и убирает двор и запасает как можно больше вина. Накануне праздника окончив все эти приготовления и убравши в избе по праздничнему, все семейные моются в бане и ложатся пораньше спать, чтобы выспаться до заутрени, кроме пасхи, накануне которой вовсе не спят. В четыре часа утра начинается благовест к заутрене. Народ, одевшись в лучшее своё праздничное платье, спешит в церковь. При входе в оную мужчины становятся направо, а женщины налево. Начинается богослужение, утреня идёт обыкновенно долго и торжественно. Духовенство в лучших ризах. С обоих клиросов, поочерёдно раздаётся стройное пение крестьян любителей пения и обладающих хорошими голосами. Вслед за окончанием утрени начинается благовест к обедне, которая оканчивается с разсветом, затем следует молебен. В храмовые праздники (в другие праздники гости приезжают на 2 и 3 день) к этому времени съезжаются на праздник гости не только из соседних селений, но иногда и вёрст за 30–40 от этого селения, которые и встречают возвращающихся с церкви хозяев. Поздоровавшись с гостями, хозяйка накрывает стол скатертью, устанавливает на нём разные кушанья, стараясь уместить на столе всё, что есть в печи (всё на стол мечи, что есть в печи – поговорка крестьян). Когда стол собран, хозяин ставит на стол бутылку вина и налив стакан (рюмок у крестьян не водится), подходит к одному из гостей, приглашая выпить; гость не пьёт, прося хозяина прежде выпить самому «покажи сам пример» или «выпейка прежде сам, быть может ты что положил в вино»; хозяин не заставляет упрашивать себя, улыбаясь, кланяется, поздравляет всех «с праздником будьте здоровы» и выпивает, затем уже поочерёдно подчивает каждого из гостей, каждому кланяясь и каждого упрашивая выпить. У крестьян считается признаком невежества, если кто пьёт вино без отговорок, также если и хозяин не очень настойчиво упрашивает гостей выпить, то на него даже сердятся, считая его спесивым. Когда первый стакан обошёл гостей, хозяйка, кланяясь, просит гостей «жаловать к столу»; хозяин разсаживает гостей, а хозяйка подаёт на стол миску горячих щей. Затем хозяин обносит усевшихся гостей по другому стакану вина и затем уже просит гостей кушать. Выпивши вина, каждый гость крестится и начинает есть. Все гости едят из одной общей посуды, хозяин и хозяйка то и дело подчивают гостей, т. е. упрашивают гостей есть, хотя бы они и без того усердно ели. Нужно заметить, что какого бы рода ни была пирушка или угощение, но в крестьянском быту хозяева не садятся с гос-

тями за стол, а стоят около стола. Обед длится очень долго, после каждого блюда хозяин обносит гостей вином, всячески упрашивая их выпить; если кто не допивает вина до дна, то хозяин настаивает допить, «чтобы не оставлять на дне зла». При гостях забота хозяина состоит в безостановочном угощении своих гостей вином; он находит какое то наслаждение в том, чтобы каждый гость пил, пил и наконец, спьянив, свалился; тут он считает себя вполне победителем, героем, хотя и сам в тоже время бывает не трезвее своих гостей. Хозяйка то и дело просит гостей закусывать и испить пивца её приготовления, пуская в ход и поклоны и лесть и упрёки. При этом на хозяйке дома лежит также обязанность «веселить гостей», для чего она пускает в ход остроты, шутки, кокетство, и зачастую начинает плясать пред гостями; этим она, по их понятиям, выражает особую радость дорогим гостям. Среди обеда, когда круговая чарка не раз обойдёт дорогих гостей, смотришь, у каждого из них разрумянились щёки, глаза посоловели или блестят каким то неестественным блеском. Все они воодушевляются, у каждого развязывается язык, подымается говор, шум, крик: кто поёт, кто плачет, вспомнив старое уже забытое горе, кто спорит сам незная о чём, все говорят, все поют, слушателей нет. Окончив обед, гости кое как выходят из застола и более трезвые молятся богу и благодарят хозяина и хозяйку за хлеб – за соль. Хозяин и хозяйка извиняются, жалуются, что мало ели или вовсе почти не ели и просят ещё испить хоть пивца. Но не всем однако удаётся выдти из за стола, некоторые, слишком нагрузившись, иногда даже засыпают за столом.

Мне самому приходилось сиживать за сельскими праздничными обедами и мне всегда стоило большого труда убедить радушных хозяев, что я не пью вина; они едвали верили, чтобы «барин» мог не пить вина, когда даже мужик не скупится тратить последнюю свою трудовую копейку на этот (как они думают – для всех) лакомый напиток, за то обеды их доставались мне, как Демьяну уха.

Так праздную крестьяне большие праздники, они именно заключаются в том, чтобы как можно больше попить и поесть.

В масляницу во всю неделю молодёжь катается на лошадях, увешанных колокольчиками, бубенчиками и уряженных платками и разноцветными лентами и лоскутками. Девки и парни, катаясь маленькой рысцёй, чинно поют песни и играют на гармонике; в последний же день масляницы принимают участие в катанье и подгулявшие пожилые и женатые крестьяне; тут катанье бывает уже «ералашное», зевают во всю глотку, сталкиваются сани с санями, скачут во всю прыть, стараясь

обогнать друг дружку, для чего став на ноги махают шапками, и с криком наделяют лошадей кнутами; лошади кончено мчатся во всю прыть, ставя пьяных на каждом шагу в опасность быть выкинутыми из саней. Но русский человек тут уже забывает всё; быстрая езда на тройке производит на него чарующее действие: тут, кажется ему всё ни почём и самая жизнь – копейкой.

В масляницу в некоторых местах, наприм. в Дмитриевской волости Уфимского уезда, наряжаются, как и в святки.

В масляницу же солят молодых, т. е. обвенчавшихся в течении года. Их валяют в снег и осыпают снегом, или же повалив в снег, наваливаются на них одни, на тех другие, третьи и т. д. крича «мала куча». Интересно смотреть, когда солят стариков вдовцёв, женившихся в тот год.

В последний же день масляницы крестьяне устраивают её проводы, т. е. делают чучело из соломы на подобие человека, одевают его в платье и возят по улицам с песнями, гармоникой и барабанным боем в заслонку, ведро и трубу от самовара, или же устраивают на санях запряжённых в несколько лошадей, громадный квадратный шалаш, аршина четыре в вышину, укрывают его пологами. Парни и мужики, забравшись во внутрь шалаша и на верх его, катаются по улицам, также с песнями и барабанным боем, лошади также увешиваются бубенчиками и колокольчиками и уряживаются лентами и лоскутками.

В рождественские праздники парни и девки наряжаются в незатейливые костюмы – солдата, нищего, нищенки; мужчины наряжаются в женские костюмы, а женщины в мужские, а то просто выворотят свои полушубки, навяжут из льна или конопли седую бороду, и усы или же, закрыв лицо платком, чтобы не быть узнаваемыми, ходят по домам знакомых, пляшут и поют песни; их угощают вином.

В рождественские святки по вечерам девушки ворожат, желая узнать свою будущность; но об этом буду говорить ниже в своём месте.

Накануне пасхи крестьяне с вечера идут в церьковь приложиться к плащанице и хоть не много, постояв у неё, послушать чтение *святого писания*, а как в эту ночь мало кто ложится спать, то многие остаются в церкви и до утрени, при чём грамотные читают пред плащаницей по очереди деяние Св. Апостолов, а остальные слушают чтение, изредка крестясь и кладя земные поклоны. Ровно в полночь с колокольни сельской церкви раздаётся учащённый колокольный звон к заутрене в один большой колокол. За церковною оградою к этому времени зажигают смоляные бочки, а на ограде и колокольне плошки. Храм

Божий иллюминован также и внутри и уже полон народа, одетого в самое лучшее своё платье. По окончании утрени церковный причт, став у алтаря на амвон, в ряд, лицом к публике и держат в руках священник крест, а псаломщик и где есть – диакон, иконы, для христосования с народом и к ним все подходят поочереди и приложившись к кресту или иконе, христосуются и дают причту по одному красному яйцу.

Пасха. Между утреней и обедней духовенство, по приглашению более зажиточных крестьян, ходят в их дома с иконами, служа молебны. В 4 часа начинается благовест к обедне, которая оканчивается часов в 6. В обедню каждый семьянин приносит с собою, в скатертях, кулич, сыр, яйца и раставив всё это паралельно в 2 ряда от паперти до амвона, а в сухую погоду в ограде, прилепляет к куличу восковую свечу. По окончании литургии священник кропит святою водою принесённые припасы, которые затем разбираются и уносятся по домам. Придя домой и помолясь, крестьяне садятся за стол и поздравив друг друга «с праздником» и «разговеньем», приступают к едению освящённых кулича, яиц и сыра, который едят ложками, размешав таковой в миске с молоком. За тем разговевшись, ложатся отдыхать и, уснув часа два три, обедают. В этот же день в небольших сёлах духовенство служит молебны во всех домах прихожан, при чём носят несколько икон. Мужики или парни носящие иконы, называются «богоносцами» и многие носят иконы «по обещанию», что Бог избавил их от болезни. Часто носят иконы и дети. Шествие идёт так: впереди идут икононосцы затем священник в облачении и с крестом, за ним причт, церковный староста со свечами и просфирня; а затем шествие замыкают несколько старух, давших обещание ходить на пасху с иконами. Домохозяин встречает священника у ворот и, низко кланяясь, приглашает его к себе в дом. По окончании молебна, причт, богоносцы и проч. христосываются, с хозяином и членами семейства, за что получают яйца. За молебен же духовенство получает печёный хлеб, муку и деньги, почему у ворот каждого дома останавливается лошадь священника, запряжённая в телегу, для складывания припасов.

По принятии у себя икон, селяне приступают к празднованию пасхи. В первый день они посещают родных; – в этот же день крестьяне ходят на сельское кладбище. Подойдя к могилам своих родных, они став на колени, молятся над ними, а женщины голосят так, что голос их слышен чуть не за версту. За тем, припав к земле произносят «Христос воскрес батюшка» «матушка» и проч., смотря по тому, кто лежит в могиле и зарывают не

глубоко в землю пасхальное яйцо. Это есть обычай христосоваться с умершими и суеверные крестьяне уверены, что покойники принимают эти яйца к себе в могилу. В действительности же их тут же или в следующие дни дети украдкой вырывают для своих игр.

Первый день пасхи крестьяне проводят всегда степенно и с особым благоговением; но затем в последующие дни у них наступает полный разгул праздника, который заключается в попойке и еде, хотя, как я заметил, в этом празднике у них бывает меньший разгул сравнительно с праздниками: храмовым, рождественским и масляницей, и это, мне кажется, можно объяснить тем, что в Пасху у крестьян менее свободного времени, чем в те праздники, в виду приготовлений их к полевым работам.

Молодёжь не участвует в гульбе и попойках крестьян, а в каком нибудь избранном местечке, иногда за околицею, на горке, где скорее просыхает, она собирается во все дни праздника и там устраиваются качели и разные игры, пляски; там слышится смех, остроты, раздаётся пение весёлых песен, звуки гармоники, там видна русская молодецкая удаль; одним словом, на том народном гулянье вполне проявляется игривость характера и ненапускная, задушевная весёлость сельского молодого поколения.

В продолжении недели пасхи, дети получают в подарок яйца и устраивают из них различные игры.

Пасхальные яйца окрашиваются в всевозможные цвета. Их красят сандалом, фуксином, луком, веником, серпухой (трава) и проч., делая их золотистыми, жёлтыми, сизыми, лиловыми, пёстрыми и т. п. Иные припасают линючих лоскутков, ленточек и обернув в них яйца, варят в воде с примесью квасцов, отчего яйца становятся нарядными, радужно-мраморными. В деревнях этот цвет теперь в моде.

Иные мастера делать довольно затейливо из яиц подобие голубей, искусно удалив из яйца белок и желток и приделав к шкорлупе крылья, хвост из бумаги и головку голубя из воску; этими изделиями по нескольку штук украшают божницу, привесив их на ниточках к потолку против икон. Небольшое колебание воздуха приводит их в движение и заставляет их долго качаться и кружиться, что удивляет и интересует не только малых детей, но и взрослых.

Праздник Троица. Обычай украшать дома в Тройцу древесными ветвями и цветами относится к глубокой древности. В библейские времена зелёная ветка и дерево имели значение мира, вести и радости; так например: Ною в ковчег голубица при-

носит зелёную, масляничную ветвь, как знак, что земля свободна от воды. Праотец Авраам принял трёх ангелов в виде странников под дубом мамврийским. Во время странствования евреев в пустыне они живут в кущах, т. е. шалашах из древесных ветвей. Архангел Гавриил, благовествуя Св. Деве Марии о рождении Спасителя, в знак радости, приносит ей цвете белой лилий. Во время торжественного входа Господня в Иерусалим, народ встречает Христа с зелёными финиковыми ветвями. В Святую Пятидесятницу Апостолы ждали Св. Духа с ветвями же. И сейчас существует обычай в Троицу украшать храм Божий зеленью. Народ же в Троицу косит траву и посыпает ею пол в избах.

Праздник Троица. В прежнее время, до 80-ых годов, существовал, не только в селениях, но и в городах, обычай обставлять молодыми берёзками внутреннее помещение избы, дворы и по улице около дома и ворот, так, что в Троицу улицы принимали вид аллеек; но это продолжалось не долго, в первый же вечер, возвращающаяся с табуна скотина часть дерев свалит и объест листья, а на другой день берёзок нет и следа. Но это кратковременное удовольствие не дёшево стоило: грустно бывало смотреть, сколько погибало ради только минутного украшения улиц, молодых деревец; так как для этой цели вырубали бывало самые ровные, красивые 2–3 летние деревца, которые через три четыре года могли быть порядочными деревьями, годными для изделий. Каждый хозяин ежегодно приобретал к Троице не менее 20 деревец, что выходит на небольшое селение в 100 дворов 2000 дер., а в течении 10 лет для того же селения вырубалось приблизительно 20 000 дер., не считая уже городов. Ведь это гибли целые леса, если принять во внимание, что этот обычай распространён не только во всех русских и мордовских селениях, но даже и в городах. Нельзя не признать, что обычай этот приносит громадный вред лесам и что запрет, наложенный правительством на рубку деревцев и украшение ими домов и улиц к празднику Троицы есть поистине мера благодетельная, лесозащитительная, которая должна быть со всею строгостью соблюдаема.

6.
КРЕСТЬЯНСКИЕ СВАДЬБЫ.

Крестьяне особенно шумно пируют свадьбы и ни в чём у них не проявляется столько обрядов, суеверий и примет, сколько в свадьбу, да и самая свадьба есть не более, как целый ряд обычаев, примет и суеверий, корень которых надо отыскивать в глубокой древности, в минувшие времена покупки и кражи невест. По народному понятию, каждая примета, каждый обряд

должны быть выполнены в точности, так как от выполнения их зависит всё семейное счастие будущих супругов. Боже сохрани, если например сваха, снаряжая невесту к венцу, забудет положить ей в башмаки по монете – у брачащихся всю жизнь не будут водиться деньги и проч.

Крестьянская свадьба справляется в следующем порядке:

Парню стукнуло восемнадцать лет, – родители спешат его женить, чтобы он, чего доброго не избаловался по вечёркам, да с парнями в гулянках, и ума то у него с женитьбой прибавится, а в семействе лишней работницей прибудет. За невестой дело не станет: «вона у Карпухина Танька чем не невеста, на возрасте, что говорить, девка здоровая, что-те кровь с молоком, да и не збалмашная, степенная, не ветреница какая, дурного слова от неё не услышишь, смиренница девка работящая, рукодельница на все руки, самая, что говорится, подходящая будет Ванюхе баб, да и отец то её мужик зажиточный, поштенный и степенный, три года судьёй сидел. Дело решено, и если дело пойдёт на лад, то до Филиповок и свадьбу спировать. Надоть тётку Матрёну за бока, просить её свахой. Тётка Матрёна баба ловкая, за словом в карман не полезет, не в первой ей в свахи идти, а потому сумеет она и это дело *«облибастрють»* (уладить).

Действительно, роль свахи берут на себя женщины бойкие, находчивые, каких женщин у нас в деревнях довольно. Они будут говорить целый день без умолку и запас слов у них не изсякнет. Такая то ловкая баба, по просьбе родителей жениха, отправляется, под вечерок, в дом Карпухина или Терёхина сватать невесту.

Войдя в дом родителей невесты намеченной, сваха, поздоровавшись с хозяевами, садится на лавку, непременно под матицу (брус в потолке) и заводит речь о сватовстве не вдруг, а из далека, как говорится «с подходцем»; сначала она говорит о хозяйстве, о разных новостях и незаметно сводить разговор на невесту, выскажется, что вот у них Танюшка незаметно выросла, пожалуй и женишка ей надо-ть, похвалит вскользь и парня Ванюху и его родителей, но о своём предприятии не упомянет ни слова и уходя старается оставить свою какую нибудь вещь, платок или что другое, будто по забывчивости. Забыть чего нибудь в чужом доме, служит приметою, что особа, забывшая вещь, придёт опять в этот дом. Спустя дня три четыре, сваха опять под вечерок заходит в дом невесты, под предлогом взять забытую ею вещь, опять садится под матицу и опять ведёт посторонний разговор и опять сводит его на Танюшу, высказывает, отчего бы им не отдать её за Ванюху, который души в ней не чает, спит и ви-

дит её, и диковина, парень совсем то изсушился, извёлся по ней. Родители невесты возражают: «что ты, Матрёна Филипьевна, какая она невеста! она ещё почти ребёнок, давно ли поднялась на ноги (хотя невесте и за 20 л. стукнуло), где ей замуж – щей мужу не сварить! Сваха уверяет, что всему этому научится и замужем, все выходят замуж такие же неумехи, да приучаются же всему; «сами матушка, были такие же, выходили замуж, ничего не умея делать по хозяйству, пустых щей не умели сварить, да научились же всё делать. А парень то самый подходящий, золото, воды не замутит, да и родители его смиренные, будет Танюша замужем жить, как сыр в масле кататься, или «жить как у Христа за пазухой». Но родители невесты стоят на одном: – невеста молода и ещё нужно годика два подождать её выдавать за муж так сваха уходит, не поучив ни какого результата. Тут часто сваха, уходя старается незаметно унести с собою судомойку, то непременно будет успех её сватовству. Спустя недельку она опять заходит в дом невесты, но опять уходит безуспешно, так как у крестьян считается неприличным с первого же раза дать свахе согласие на замужество дочери, и, пожалуй, унизительным для чести невесты, и поэтому только после нескольких посещений свахи, родители невесты наконец уступают желанию свахи; они соглашаются выдать свою дочь за её клиента; но тут возбуждается другой вопрос о приданном. Он оканчивается также не в один раз, а требует нескольких посещений свахи. Затем, когда дело свахою окончательно улажено, она также под вечер идёт к родителям невесты уже не одна, а с родителями жениха, они также, поздоровавшись садятся под матицу и заявляют: «мы сватья к вам свататься – не отдадите ли вашу доченьку за нашего паренька» или «у вас товар, у нас купец» или же «у вас есть курочка, у нас петушок – не свести ли их в один хлевушок?» Родители невесты опять высказывают упорство, высказываясь, что дочь их молода, не привычна к хозяйству и они не думали ещё так скоро выдавать её замуж, но затем дело улаживается; они дают согласие, и уславливаются между собою о приданом невесты и о кладке с жениха, т. е. от жениха обычай требует доставить родителям невесты мясо, вино и десерт на свадьбу. По окончании всего этого, назначается день запоя и день свадьбы. Во всё время сватовства невеста не присутствует, а уходит из дому к подругам. Сватовство делается негласно.

В назначенный день «запоя» или, «пропоя невесты», жених, его родители, крестный отец и мать и другие родственники жениха, под вечер, идут в дом невесты, куда собираются и родственники со стороны невесты, и подруги невесты. В избе невесты

лишний хлам убран, полы выскоблены и вымыты, стол покрыт белой скатертью. С приходом гостей ставится на стол вино и закуска. Жениха сажают рядом с невестой за стол, в почётном «красном» углу; рядом с ними садится сваха, подруги невесты помещаются ближе к двери. Когда все в сборе, первый стакан подаётся отцу невесты, который, кланяясь гостям, пьёт. Девушки в это время поют ему:

«Уж ты батюшка пей, пей – меня не пропей.

«Лучше ты пропей свой широк двор,

«Широк двор пропьёшь, его выкупишь,

«Меня пропьёшь не выкупишь – меня пропьёшь не выкупишь[1].

Затем подают вино матери невесты и когда она пьёт, ей девушки поют:

«Уж ты матушка пей, пей – меня не пропей,

«Лучше ты пропей свой высок терем,

«Высок терем пропьёшь, – его выкупишь,

«Меня пропьёшь не выкупишь, меня пропьёшь не выкупишь.

Когда подносят вино брату невесты и когда она пьёт, ей девушки поют:

«Уж ты братец пей, пей, – меня не пропей,

«Лучше ты пропей свово ворона коня,

«Ворона коня пропьёшь, его выкупишь,

«Меня пропьёшь не выкупишь, меня пропьёшь не выкупишь.

Сестре невесты поётся:

Уж ты сестрица пей, пей, меня не пропей,

«Лучше ты пропей свой сундук с добром,

«Сундук с добром пропьёшь, его выкупишь,

«Меня пропьёшь не выкупишь; меня пропьёшь не выкупишь.

Затем угощают отца и мать жениха и всех гостей, тут идут поздравления родителей жениха и невесты с наречёнными женихом и невестой; девушки поют подвенчальные песни; к концу вечера гостей угощают ужином и около полуночи пьяные гости расходятся по домам с песнями.

Как только девушка просватана, к ней ежедневно собираются её подруги девушки, помогают ей шить приданое и веселят её песнями.

До свадьбы жених с парнями не раз ездит к невесте «с гос-

---

[1] Закавычивание текста ставилось таким образом.

тинцем». Перед этим он о своём приезде предупреждает невесту и она с девушками ожидают его. Когда жених, подъехав к дому, входит с гостинцем к невесте, девушки ему поют встречную песню:

«Кто эту дороженьку ковром устилал (2 раза),
«Устилал эту дороженьку добрый молодец,
«Устилал дороженьку добрый молодец,
«Свет Павел Титович (т. е. имя жениха).
«Часто к наречённому тестюшки в гости едучи, (2 р.)
«Дороги подарочки возючи, (2 раза)
«Как первый подарочек бел сахарок, (2 раза)
«Как второй подарочек сладкий медок, (2 раза)
«Как третий подарочек сам сударь во двор (2 р.)
«За то его тестюшка крепко возлюбил, (2 раза)
«На любом местечке его посадил, (2 раза)
«Душёй красной девицей его наградил (2 раза)
«Свет то Татьяной Ивановной. (2 раза)
«Сидела то Таничка выше всех, (2 раза)
«Склонила то голову ниже всех, (2 раза)
«Задумала она думушку крепче всех: (2 раза)
«Как же мне свёкора батюшкой назвать (2 раза)
«Как же мне свекровь матушкой назвать, (2 раза)
«Как же мне золовку сестрицей назвать, (2 раза)
«Как же мне деверя братом назвать, (2 раза)
«Убавлю я спеси и гордости, (2 раза)
«Назову я свёкра батюшкой (2 раза)
«Назову я свекровь матушкой (2 раза)
«Назову я золовушку родной сестрой, (2 раза)
«Назову я деверя братцем родным, (2 раза)
«Назову я милого дружка Пашею (2 раза)
«Взвеличаю его Павлом Титычем. (2 раза)

Жених в это же время, поздоровавшись с невестой, передаёт ей гостинец, орехи, рожки, пряники или конфекты. Приехавшие же с женихом парни приглашают девушек кататься, которые и уезжают с ними кататься на лошадях жениха. Они катаются по улицам тихой рысцёй и с песнями. Так как девушек бывает много, то жених для них запрягает роспуски. Жених же с невестой рядочком садятся в чуланчике, около печи и «уплетают» привезённый женихом гостинец. Покатавшись с полчаса, девушки и парни присоединяются к просватанным, поют песни, играют и пляшут и уже ночью жених с парнями уезжают от невесты. Их девушки провожают с песнями.

Накануне свадьбы, утром, девушки с братом невесты или с девушкой, наряжённой парнем, идут с «девичей красою» (т. е. несут уряженный лентами банный веник) к жениху за мылом; дорогой поют песни. Жених, встретив девушек, сажает их за стол и угощает вином, целуя каждую. Девушки дарят жениха вязанными перчатками, а он отдаривает их куском мыла и большим пряником. Посидев немного, девушки уходят от жениха к невесте с песнями и часто пьяными. Невеста встречает девушек с плачем и воплем; они же перед нею пляшут и поют песни, показывая тем как им было весело в доме её жениха. Затем девушки топят для невесты баню и ведут в неё невесту мыться. При входе в баню невеста спешит спрятать веник и если это ей не удастся, то девушки загоняют её на полок и спрашивая как жениха звать, хлещут им её до тех пор, пока она не назовёт его несколько раз ласкательным именем. Конечно, это делается в шутку, но часто шутки эти доводят невесту до слёз. Из бани невесту ведут также под руки и с песнями, а она вопит. Придя в избу, невесту наряжают к девишнику, чешут ей голову и заплетают волосы в косу. Нарядившись, невеста закусывает в чулане, а затем садится за стол в переднем углу и вопит, причитая всех родных. Но вот едут её родные, она должна встретить каждого, каждому упасть в ноги и с воплем причитать «прости меня мой дядюшка (или кого из родных встречает), что не встретила тебя средь дороженьки»; тот подымает её, уговаривает не плакать не убиваться. Вот приехали и жених с родителями и родными, невеста уходит в чулан, а её родители встречают гостей и усаживают за стол. Немного погодя, выходит невеста, всем низко кланяется, а жениха целует и, взяв за руку, уводит его с собою в чулан, здесь садятся они на лавку и занимаются разговором. Девушки поют песни «кто эту дороженьку ковром устилал (см. выше) и другие свадебные песни за тем, спустя немного, сваха, выводит жениха с невестою к гостям и сажает их за стол; жених угощает невесту десертом, прочие гости пьют вино, девушки величают гостей песнями и тот из гостей, имя которого упоминают в песни, должен дарить девушек деньгами, так как девушки, пропев песню, обращаются к тому лицу, которому песня предназначена и говорят «с песенкой вас». Песни поются с разбором: одни из них назначены исключительно для женатых, другие же для холостых, например женатому поют:

У голубя сизого, золота голубка;
У голубушки головушка жемчужная.
Голубь то сизый свет Иван молодец,
А голубушка сиза свет Марья душа.

Вася, брат больший, брат позавидовал сноху;
Кабы эта жена у меня, братец, была,
Я-б не бил бы её не бранил,
Во колясочке прокатил,
А зимою студёною, да во питерских санях,
Во питерских санях, на ямских лошадях.
На ямских лошадях, на извощичках.
Извощички молодые у них кони вороные…
Приударьте вы ребята
Моего ворона коня
Разпотешьте, разутешьте
Удалого молодца,
Я его за то потешу,
Что один сын у отца
Единое детище, единое взглядище.

Или:

Во гореньке новой стоял стол дубовой,
На столике стоял кубчик золотой,
Серебром перевитой,
Полон водки налитой.
Подходил свет Яков господин,
Свет Иваныч дворянин.
Стакан водки наливал,
Своей Марье подавал:
Ты надежда моя
Выпей рюмку вина
За доброго молодца».

Холостому:

Уж на ком кудри на ком русы?
Ой люли, люли, на ком русы.
На Василие кудри русы,
Ой люли, люли, кудри русы.
На Иваныче на плечах лежат
Словно жар горят,
Ой люли, люли, словно жар горят.
Развиваться хотят,
Ой люли, люли развиваться хотят.
И жениться велят,
Ой люли, люли и жениться велят.

Ни кто к кудрям не приступится,
Приступала к кудрям красна девица,
Ой люли, люли, красна девица.
Да родная то сестрица,
Ой люли, люли, сестрица.
Начала кудри чесать,
Гладить и ласкать,
Ой люли, люли, гладить и ласкать.
Гладить и ласкать маслом мазать,
Ой люли, люли, маслом мазати.

Или:

Розан мой розан, виноград зелёный.
А кто у нас умён, а кто у нас разумен,
Розан мой розан, виноград зелёный.
Пётр у нас умён, а Иван то разумен,
Розан мой розан, виноград зелёный.
Манер выступает, каблук не ломает,
Розан мой розан, виноград зелёный.
Каблук не ломает, чулок не марает,
Розан мой розан, виноград зелёный.
В зеркало глядит, сам то веселится,
Розан мой розан, виноград зелёный.
На крылечко выходит слугу наряжает,
Розан мой розан, виноград зелёный.
Слугу наряжает, слугу призывает,
Розан мой розан, виноград зелёный.
Уж вы слуги мои, слуги верные,
Розан мой розан, виноград зелёный.
Коня подводите, коня вороного,
Розан мой розан, виноград зелёный.
Коня вороного, седло боевое,
Розан мой розан, виноград зелёный.
Коня то подводят, конь то дыбится,
Розан мой розан, виноград зелёный.
На коня то садится, конь то веселится,
Розан мой розан, виноград зелёный.
Он плёточкой машет, под ним конь пляшет,
Розан мой розан, виноград зелёный.
По улице едет улица сияет,
Розан мой розан, виноград зелёный.
По полю то едет, поле то смеётся.
Розан мой розан, виноград зелёный.

К садику подъезжает, садик зеленеет,
Розан мой розан, виноград зелёный.
Садик зеленеет, цветы расцветают,
Розан мой розан, виноград зелёный.
Цветы расцветают, пташки распевают,
Розан мой розан, виноград зелёный.
К крыльцу подъезжает девица встречает,
Розан мой розан, виноград зелёный.
Девица встречает, за руки примает,
Розан мой розан, виноград зелёный.
За руки примает, за стол сажает,
Розан мой розан, виноград зелёный.
За столы сажает, за столы дубовы,
Розан мой розан, виноград зелёный.
За столы дубовы, за скатерти браны,
Розан мой розан, виноград зелёный.
За скатерти браны, за сахарны яствы,
Розан мой розан, виноград зелёный.
За стол посадивши, его угощает,
Розан мой розан, виноград зелёный.
Уж-ты выпей пиво, пиво зеленое,
Розан мой розан, виноград зелёный.
Пиво зеленое, пиво не простое,
Розан мой розан, виноград зелёный.
Не пью я пиво зеленое, не пью я и простое,
Розан мой розан, виноград зелёный.

На вечёрке девушки поют женатому.

То Ивану песенка,
Да что ясному соколу,
И со белою лебёдушкой,
Свет Акулиною Григорьевной.
Слышит ли Иван господин?
Слышит ли Иванович?
Тебе песню поём, тебе честь воздаём.
Ещё мы тебя величаем, величаем,
По имени называем, называем,
По отечеству тебя возносим, возносим.
Да что сыр молодой на блюде, на блюде,
Что зелёное вино с шафраном, с шафраном.
Да что сладкий мёд с кардамоном, с кардамоном.
В саду вишенье садовое, садовое,
В саду яблоко наливное, наливное,

Ты Иван господин нескупися, нескупися,
С золотой гривной разступися, разступися.

Жениху поют:

Вылетал сизый голубь из чистого поля (2 раза).
Стужилась, сгоревалась по нём то, голубка (2 раза).
Где буде сиза голубя, буде посажу (2 раза).
Посажу я сиза голубя в свою голубятню; (2 раза).
Накормлю я сиза голубя яровой пшеничкой,
Напою я сиза голубя ключевой водичкой. (2 раза).
Выезжал Ванюша из иной деревни, (2 раза).
Стужилась, сгоревалась по нём красна девица (2 р.).
Свет Татьяна то Ивановна. (2 раза).
Где буде мне Титыча, буде посадити, (2 раза).
Посажу я Ивана во свой высок терем, (2 раза).
Накормлю я Титыча мягким калачём, (2 раза).
Напою я Ивана сладким медком, (2 раза).
Подарю я Титыча шелковым платком (2 раза).

Величают жениха на сговоре:

Как ни яхонт по горнице катился,
Как ни жемчужина за яхонтом увивалася,
А Иван-сударь, на сговор снаряжался,
А Васильич на сговор убирался,
Хорошо его матушка родная убирала,
Гребешком кудри русые расчёсывая.
Строго ему матушка наказывала,
Уж как будешь ли Иван на сговоре,
Уж как будешь ли Васильич на сговоре,
Уж как будут тебя девицы величати,
Уж как будут тебя по имени называти,
Уж как станут тебя отечеством возвышати,
А ты дари, сударь, девиц не скупися,
И ты дари, сударь, золотою гривною
И ты дари, сударь, гривною Московскою.

Или:

А кто у нас холостой,
А кто у нас не женат,
Ой люли, ой люли, люли.
А Иван то холостой,
А Петрович не женат,
Ой люли, ой люли, люли.

Что пора ему жениться,
На добра коня садиться,
Ой люли, ой люли, люли.
Пора ехать ему,
К тестеву двору,
Ой люли, ой люли, люли.
Ко тестеву двору,
К невестину терему,
Ой люли, ой люли, люли.
Ой невеста моя,
Матрёнушка душа,
Ой люли, ой люли, люли.
Выйди встреть меня,
Подержать мого коня,
Ой люли, ой люли, люли.
Уж я рада-б выдти, встретить,
Буйный ветер в лицо бьёт,
Ой люли, ой люли, люли.
Буйный ветер в лицо бьёт,
С головушки цветы рвёт,
Ой люли, ой люли, люли.
А Иван то осердился.
Он уехал не простился,
Ой люли, ой люли, люли.
Матрёнушка выбегала,
Громким голосом кричала,
Ой люли, ой люли, люли.
Уж ты Ваня воротись,
На меня ты не сердись,
Ой люли, ой люли, люли.
Уж я рад бы воротился,
Добрый конь мой нестоит,
Ой люли, ой люли, люли.
Добрый конь не стоит,
В путь дороженьку бежит,
Ой люли, ой люли, люли.
Дома маменька бранит,
Долго ездить не велит,
Ой люли, ой люли, люли.
Как у нас во зеленом саду,
Во зеленом саду, в виноградном,
Приходил гулять добрый молодец.
Он чесал свою буйную голову:

«Прилегайте кудри русые,
К моей буйной головушке,
К моему лицу белому,
К моим щёкам алым,
К моим бровям чёрным,
К моим глазам весёлым, …
Привыкай ты, душа девица.
К моему уму разуму,
К характеру молодецкому».
Привыкать ей не хотелось,
За обидушку показалось,
За досаду за великую;
Уж вы милые подруженьки,
Вы ступайте то на улицу,
Укатайте гору крутую.
У мого двора у широкого,
У крылечушка высокого,
Чтоб нельзя было не взойти, ни въехать,
Ни пешком, ни на лошади.
«Не тужи душа девица:
«На круту гору пешком выйду,
«Доброго коня в поводу введу.
Тебя, девицу, за себя возьму.

К концу вечера сваха выносит на подносе подарки. Невеста подносит каждому гостью стакан вина и на тарелке подарок. Гость, поздравив невесту «с женишком», выпивает вино и утирается поднесённым подарком и поблагодарив её за подарочек, прячет его в карман или кладёт в сторону. Подарки бывают из дешёвых ситцевых платков, свёкра же дарят рубахой, а свекровь сарафаном.

По окончании даров гости продолжают пить вино, девушки петь песни, невеста же с двумя девушками уходят в чулан, садятся рядом на лавку и покрываются платками. Остальные девушки зовут к ним жениха, который должен между закрытыми девушками узнать свою невесту и поцеловать её; он, подняв платок, должен целовать и другую девушку, если под платком сидела не его невеста. Это повторяется до 2 раз и в третий раз жених должен невесте или девушке, которую он вместо невесты откроет подарить борок[1].

Далеко за полночь гости расходятся по домам, а девушки остаются ночевать у невесты. Невеста на сон грядущий вопит и

[1] Борок, возможно, – ожерелье из жемчуга (старо-казачье).

кланяется своим родителям в ноги.

На утро невеста встаёт раньше других и с воплем и причитанием будит родных и девушек «а ты встань пробудись родной батюшка». За тем после завтрака (невеста до венца не ест), девушки и сваха собирают невесту к венцу, одевают её в лучшую одежду, сваха расплетает ей косыньку, девушки заунылым голосом поют:

Затрубили трубила рано на заре,
Заплакала Марьюшка (имя невесты) по русой косе.
Русая моя косынька,
Русая милка,
Вечер тебя косыньку[1],
Девушки плели,
По утру ранёхонько,
Сваханька пришла,
Стала эту косыньку
Рвать, да порывать[2],
Из косыньки ленту
Алую снимать
На пол бросать.

Невеста в это время вопит. Затем невесту подводят к отцу и матери, она трижды кланяется им в ноги, а они благословляют её иконою. Получивши благословенье, невеста в ожидании приезда поезжан, садится в передний угол, лицё её покрывают платком и, на голову, сзади, прикалывают к платку большую ленту «девичью косу». Рядом с ней садится по левую сторону сваха, а по правую брат невесты со скалкою в руках. Невеста всё время голосит, оплакивая свою девичью волюшку и жалуясь, что её выдают к чужим людям в неволюшку.

В это же время накрывается стол и кладётся на него хлеб, соль, нож и ложки.

Между тем в доме жениха идёт своя церемония; туда собираются дружко, поддружко, тысячный, сваха и двое бояр. Дружко и поддружко перевязаны чрез плечи полотенцем или платком. Собравшись, все садятся за стол и закусывают, кроме жениха, который тоже до венца не ест, затем, собираются поез-

---

[1] В других местах поют:
«Вечер поздно косоньку
«Маменька плела
«Слезою горючею
«Примачивала».

[2] Другие вместо «рвать, до порывать» поют «на две расплетать».

дом ехать к невесте. Перед выездом все садятся по лавкам и посидев молча минуты две, все встают и молча молятся, а затем, дружко взяв в руки икону, произносит «Господи благослови, в добрый путь» и выходит из избы; все следуют за ним без шапок. На дворе уже готовы для поезда лошади, уряженные ленточками, платками и увешанные колокольчиками и бубенчиками. Дружко с иконой в руках обходит три раза лошадей, чтобы отогнать навождение нечистой силы; затем все садятся в телеги и перекрестясь едут со двора в дом невесты.

Подъехав к воротам дома невесты поезжане находят их на запоре. Дружко, стучась в ворота, кричит «хозяева впустите сбившихся в пути проезжих» «ворота на замке, ключа нет» – отвечают им со двора. Дружко покупает ключ, т. е. передаёт во двор через забор бутылку вина или деньги и вслед за тем ворота отворяются. Но лишь только поезд въезжает во двор, как хозяева спешат запереть свнутри дверь в избу. Дружко подойдя к двери, говорит: «Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас!», ответа нет. Подождав ещё немного, дружко повторяет эти же слова в третий раз. Из за двери слышится «аминь» и дверь отворяется. Жених и поезжане остаются у двери, а дружко входит в избу с кнутом в руке и подходит к невесте. Брат невесты, махая скалкой, кричит «прочь от стола!» дружко, ударив кнутом по столу отвечает – «возле стола дорога столбова»; это повторяется два раза, затем дружко торгует у брата место и даёт ему деньги, брат уходит, а на его место садится, вошедший в избу жених.

«Торгуйся, торгуйся братец,
«Не отдавай меня дёшево!
«За меня проси сто рублей,
«За мою косу тысячу,
«За мою красу сметы нет.

В это же время женихова сваха, подойдя к невесте, старается сорвать с неё «девичью косу» (приколотую на голове ленту); девушки не допускают свахи к невесте, не уступают ей косы своей подруженьки. Сваха пускается на хитрости: она подкупает девушек, даёт им тарелку орехов и те, соблазнившись лакомством, уступают свахе «девичью косу» своей подруги, а сами уходят кататься на лошадях жениха; сваха срывает с невесты косу (ленту) свёртывает её и бросает на стол, а сама садясь рядом с невестой поёт:

«Рано по утру, ранёшенько,
«Приезжал с большим поездом
«Свет (имя жениха) господин,

«Привозил он сваханьку не милостливую,
«Стал он рвать порывать русу косыньку.
«Век тебе вековать и косы не видать,
«Косы не плести, алой ленты не вплетать
«И в девках не бывать.

Затем входят и остальные поезжане; их приглашают садиться за стол, все садятся, но никто ничего не ест и, посидев немного, выходят из за стола и молятся Богу. Отец невесты берёт в руки икону, а мать хлеб с солью и становятся в ряд, к ним подходят наречённые и сначала жених, а за ним невеста кланяются по три раза отцу в ноги и становятся пред ним на колени; он благословляет их иконою и дав приложиться к ней, целует их; затем он передаёт икону матери, а от неё берёт хлеб с солью и наречённые, подойдя к матери, таким же порядком получают благословение и от неё. Когда блогословляют невесту, дружко, стоя поодаль, говорит:

«Не бела березонька к земле склоняется,
«Не шёлковая травушка по полю растилается,
«То дитятку батюшка благословляет,
«В дальню путь дороженьку дочку снаряжает.

Трогательна картина благословения родителями к венцу жениха и невесты, я не мог смотреть на неё равнодушно. Она напоминала всегда мне что-то далёкое прошлое, патриархальное, древнее. Я всегда в то время невольно переносился мысленно в глубину исчезнувших веков; мне почему то казалось, что в былое время так благословляли своих детей, собирая в поход, цари, князья, бояре; так благословлял глава многочисленной семьи каждого её члена, отпуская на войну и пр.

По окончании благословения, жених с дружком идут из избы к телегам, чтобы ехать к венцу, за ними ведут невесту. Невеста садится первая, по бокам её садятся свахи и из них одна держит икону – благословение невесты. На остальные телеги садятся жених и прочие поезжане, за исключением дружка, который, с иконою в руках (благословение жениха) обходит три раза кругом свадебный поезд и затем уже, сев рядом с женихом, спрашивает поезжан «все ли по местам?» ему отвечают: «все по местам, как ясны соколы по гнездам», это повторяется два раза. Затем все крестятся и поезд трогается. Воротившиеся к тому времени с катанья девушки в след поезду поют:

Разлила, разлилея по лугам, вода вешняя,
Унесло улелеяло с берегов три коробля.
Как первый то корабль с серебром и златом,
Как второй то корабль с атласом, бархатом,

Как третий то корабль с душой красной девицей,
Свет Татьяной то Ивановной.
Не лебёдушка то громко кликала,
То мать об дочери горько плакала.
Призывая свою доченьку:
«Воротись дитя моё дитятко,
«Позабыла ты трое ключей,
«На дубовом столе, на серебрянной тарелочке».
«Не забыла я их моя матушка,
«Не забыла я их сударушка,
«А забыла я волю батюшки,
«Волю батюшки, негу матушки».

Эту же песню, после отъезда поезда, поют при увозе из дому невесты её приданного, которое свахи также выкупают у девушек.

В Дмитриевской волости, Уфимского уезда, а также в селениях под Уфой и в Нижегородке, поётся подобная этой песни, а именно:

Отлила, отлелеяла Волга матушка,
От крутых берегов.
Отжила, отнежилась Катерина у батюшки
Константиновна у родного отца.
Вот ведут её из высока терема,
Со высокого крылечушка.
Ей на встречу родной батюшка.
«Воротися моё дитятко.
«Позабыла ты трое ключей,
«На убранном столике,
«На десертной тарелочке».
Не забыла я их батюшка,
Не забыла я, родимый,
Позабыла я волю батюшкину,
Негу матушкину.

Подъехав к церкви, жених соскакивает с телеги и спешит помочь невесте выдти из неё. В церкви, перед аналоем, сваха растилает платок и жених с невестой становятся на него, вступая – первый правой ногой и последняя левой.

По совершении таинства брака, свахи отводят молодую на паперть или в задний угол церкви и там, сняв с неё головной убор, поспешно заплетают распущенные волосы в две косы и прячут их в чехлик, надетый на голову. С этих пор женщина навсегда теряет право носить волосы в одну косу и показываться кому бы то не было с открытой головой.

Затем свадебный поезд, тем же порядком, возвращается в дом молодого. Здесь, в дверях избы, молодых встречают родители молодого с хлебом и солью. При входе в избу, сваха обсыпает молодых хмелем, приговаривая: «сколько хмелинок, столько пошли вам Бог детинок». Войдя в избу, все садятся за стол, а молодых сажают в почётный «красный» угол. За столом молодые ничего не едят. После обеда свахи ведут молодых в клеть, или другое уединённое место, где уже приготовлена для них брачная кровать; здесь наскоро собирают им закуску и покормив их, раздевают молодую и оставляют молодых одних…

Час спустя, те же свахи идут «подымать» молодых, то-есть одевать их и выводить к столу… Войдя в избу, молодых садят за «княжий» или «горный» стол и гости пируют всю ночь на пролёт. Пьющие вино, то и дело, перед тем как выпить, кричат «горько вино» – и молодые должны его «подсластить», т. е. поцеловаться; если гость опять также кричит «горько», молодые должны опять поцеловаться и это проделывается каждый раз. Бабы поют молодым:

«Как по сеничкам было, по сеничкам,
По частым переходчатым,
Тут гуляла то, прогуливалась,
Свет Татьяна то Ивановна.
Уж будила она, пробуживала,
Своего дружка милого.
Уж ты встань проснись, добрый молодец,
Оторвался твой вороной конь,
От столба, столба дубового,
От кольца, кольца серебрянного,
Он ворвался во зелёный сад,
Потоптал он чёрну ягоду,
Чёрну ягоду смородину,
Сломал грушицу садовую».

или:

«Из за лесу, лесу тёмного,
Из за гор было, гор высоких,
Летит стадо голубиное,
А другое то гусиное,
Отставала лебедь белая,
Прочь от стада лебединого,
Приставала лебёдушка,
Что к стаду, к серым гусям,
Не умеет лебёдушка

По гусиному кликати,
Её стали гуси щипати,
А лебёдушка кликати:
Не щиплите гуси серые!
Не сама я к вам залетела,
Занесло меня погодою.
Отставала Татьянушка,
Отставала то Ивановна,
Что от красных от девушек,
Приставала Татьянушка,
Приставала Ивановна,
К молодым молодушкам;
Не умеет Татьянушка
На головушке оправити;
Её стали молодушки журити,
А Татьянушка плакати;
Не журите меня молодушки,
Не сама я к вам заехала,
Не своею охотою;
Завезли меня добры кони,
Что добры кони Иванова,
Что Ивана то Васильевича».

На другой день в некоторых местах топят молодым бани, а в других местах молодые катаются. Затем они едут к тёще в гости «на блины», которая угощает их блинами, а зятю мажет вершинку головы маслом и целуя его в «маковку» приговаривает «вот я как зятя люблю – о, какой блинок маслянный». На третий день тесть с тёщей едут в гости к молодым, их подчивают также блинами.

Однако свадьба бывает иногда и скучная, если девушка по выходе замуж окажется не честною; гости тогда не весело гуляют, песни не поются посуда не бьётся, а отцу молодой (в доказательство, что позор дочери падает и на него) подают вино из надбитого стакана, а раньше, как говорят, надевали на отца опороченной дочери хомут; быть может и сей час этот обычай где придерживается, но мне видеть его не случалось.

Родины и крестины.

Когда женщина почувствует приближение родов, то, тихонько от всех, посылает за повитухой, которая, истопив баню, уводит р[о]женицу туда, где она, при помощи повитухи, рожает. Повитухи бывают женщины пожилые, степенные, честного поведения и они пользуются уважением населения. Повитухами бывают преимущественно вдовы.

После родов роженицу ведут в избу и кладут в тёмный угол, чтобы меньше видели её «чтобы избежать глазу». Бабы, узнав о родах, несут роженице «на зубок» пирог с калиной, миску огурцов, капусты и т. п., что нибудь из съестного и кислого. Войдя в избу, они поздравляют рожженицу с сыном или дочерью, смотря потому кто родился, и поздравительниц подчивают водкой.

Крестины бывают дня чрез два, или в первое воскресенье. Младенца крестят в церкви, а в холода – в старожке. В день крестин новорождённого несёт в церковь бабушка повитуха, позади идут приглашённые кум и кума. Кум несёт в ведре, покрытым чистым полотенцем, тёплую воду для купели. По совершении таинства крещения, ребёнка из церкви несёт крестная мать. По приходе их домой, собирают стол, приглашают родных и устраивают маленькую пирушку (при частых крестинах пирушки ограничиваются одним обедом и бутылкой водки).

В конце обеда, бабушка берёт горшок пшённой или гречневой каши, ставит на тарелку, и взяв в ложку каши, осыпает её как можно больше солью и ложку с этой кашей кладёт на кашу в горшке. Подойдя к отцу новорождённого просит его покушать её кашки «поешька батюшка моей кашки»; отец хоть давится, да ест эту кашу. Это для того, чтобы отец, глотая соль, сознавал как солоно достаётся его жене родить. – Затем бабка уже всех подчивает настоящей кашей без примеси соли и ей кладут деньги.

Хороводы.

Красная горка (Фомино Воскресенье) есть первый девичий весенний праздник и с него начинаются летние игры и хороводы, которые продолжаются до Троицы. –

В хороводы молодёжь собирается перед вечером часа за два до заката солнца. Тут играют и поют весёлые песни. Вот как устраиваются хороводы. Когда собралось достаточно красных девушек и добрых молодцёв, одна из них «хороводница» запевает:

Как по улице дождик накрапывает,
Хоровод красных девок прибывает,
Ой, вы, девушки поиграйте!
Уж вы, холостые, не глядите!
Вам гляденьем девушек не взять,
Уж как взять ли не взять по любови.
Что по батюшкиному повеленью.
По матушкиному благословенью.

Играющие становятся в общий круг и взявшись за руки поют песни и играют.

1) Игра в селезня и утку.

В круг входит девушка – изображающая собою утицу, а парень, изображающий из себя селезня, становится вне круга. Играющие поют:

Селезень ловил утку,
Селезень ловил серу,
Пойди утица домой,
Пойди серая домой,
У тебя семеро детей,
Восьмой селезень,
Девятая утица.

При последних словах, изображающий селезня бросается в круг с целью поймать утицу; играющие его не пускают, загораживая путь наклоном к земле рук и если ему удастся ворваться в круг, то утица, стараясь быть непойманною, убегает из круга, её пропускают, а селезня стараются опять задержать в кругу. Если селюзню удастся поймать утку, то он выбирает на своё место другую девушку, а она парня и сами становятся на их места, а те изображают из себя селезня и утку; игра возобновляется.

2) Игра в плетень.

Молодицы, девушки и парни становятся попарно и сомкнувшись руками, в виде плетня или цепи, вытягиваются в одну линию, первая пара подымает руки, делает арку, другой конец плетня проходит в неё несколько раз так, что все соединяются, положа друг к другу руки на плеча. В это время играющие поют:

Заплетися плетень, заплетися,
Ты завейся труба, золотая;
Завернися камка кружчатая;
Из под горы девица утку выгоняла.
Тега утица домой,
Тега серая домой,
Я сама гуськом,
Сама сереньким
Ой свет сера утица.

Затем обратным путём расплетают плетень и поют:

Расплетися плетень, расплетися
Ты развейса труба золотая, и т. д.

3) Игра в просо:

Девушки и молодицы (парни не участвуют) делятся на две половины, становясь друг против друга в два ряда, н[а] разстоянии сажен пяти.

Первая половина подходит к другой и поёт:

А мы просо сеяли, сеяли;

Ой, дид-ладо сеяли, сеяли!

И дошедши до другой, возвращается на своё место. Между тем другая половина подходит к первой, поёт:

А мы просо вытопчем, вытопчем.

Ой дид-ладо вытопчем, вытопчем.

Эта сторона отходит, а первая опять подходит к второй спрашивает:

А чем же вам вытоптать, вытоптать?

Ой, дид-ладо вытоптать, вытоп[т]ать?

Вторая половина отвечает:

А мы коней выпустим, выпустим.

Ой, дид-ладо выпустим, выпустим.

И так далее, то одна сторона подходит, то другая, поют:

1 сторона

А мы коней переймём, переймём.

Ой, дид-ладо переймём переймём.

2 сторона.

А чем же вам перенять, перенять?

Ой, дид-ладо перенять, перенять?

1 ст.

Шёлковым мы поводом, поводом,

Ой, дид-ладо поводом, поводом.

2 ст.

А мы коней выкупим, выкупим.

Ой, дид-ладо выкупим, выкупим.

1 ст.

А чем же вам выкупить, выкупить.

Ой, дид-ладо выкупить, выкупить.

2 ст.

А мы дадим сто рублей, сто рублей.

Ой, дид-ладо сто рублей, сто рублей.

1 ст.

Не надо нам и тысячи, тысячи,

Ой, дид-ладо тысячи, тысячи.

2 ст.

А что же вам надобно, надобно?

Ой, дид-ладо надобно, на[д]обно?

1 ст.

Нам надобно девицу, девицу,

Ой, дид-ладо девицу, девицу.

После этого одна из девиц переходит в первую половину, а

вторая поёт:

А нашего полка убыло, убыло!

Ой, дид-ладо убыло, убыло.

Первая сторона отвечает более весёлым мотивом:

А нашего полка прибыло, прибыло!

Ой дид-ладо прибыло, прибыло.

Затем игра продолжается таким же порядком до тех пор, пока со второй половины перейдут в первую почти все девушки.

4) Игра в репьи.

Играющие делятся на две партии и иду[т] друг против друга с одного конца села к другому.

Как пошёл по улице репей,

Ай люли репей, репей, репей, и т. д.

Кроме этих игр девушки и молодушки, став в круг, ходят то в одну, то другую сторону и поют песни, принятые петь во время хороводов:

Вот некоторые хороводные песни

1.

Как по морю,
Как по морю, морю синему,
Морю синему, хвалынскому,
Плыла лебедь,
Плыла лебедь с лебедятами,
Со малыми со детятами.
Где не взялся,
Где не взялся млад ясен сокол,
Убил, ушиб,
Убил, ушиб лебедь белую;
Он кровь пустил,
Он кровь пустил по морю синему,
А пёрушки вдоль по бережку,
А пух пустил,
А пух пустил, по чистому полю,
Собиралися красны девицы,
Собирать перья лебединые.
Где не взялся,
Где невзялся добрый молодец:
«Бог на помочь красны девицы!
«Брать вам перья лебединые,
«Милому дружку,
«Милому дружку на подушечку.

И все девки,
И все девки поклонилися,
А одна девка
Одна девушка не кланяется:
«Доброж тебе красна девица,
«А быть тебе за моим братом,
«Стоять тебе у кроватушки,
«Любить тебе резвы ноженьки,
«Лишь тебе горьки слёзоньки.
Услыхавши то красна девица.
Добру молодцу поклонилася,
«Незнала я, что ты идёшь
Что ты идёшь, низко кланяешься.

2.

В тёмном лесе, в тёмном лесе, за лесом.
Распашуль я, распашуль я, пашеньку,
Засею ль я, засею ль я, лён конопель,
Уродися, уродися, лён конопель
Тонок долог, тонок долог, бел волокнист.
Повадился, повадился, вор воробей,
Мою конопельку, мою зелёненьку, клевати,
Уж я его, уж я его изловлю,
Крылья перья, крылья перья выщиплю,
Он не будет, он не станет летати,
Мою конопельку, мою зелёненьку клевати,
Повадился, повадился, добрый молодец,
К моей морусеньке, к моей молоденьке, ходити,
Мою морусеньку, мою молоденьку, любити,
Уж я его, уж я его, его изловлю,
Руки ноги, руки ноги, ему выломлю,
Он не будет, он не станет, ходити.
Мою морусеньку, мою молоденьку любити.

3.

Утица, утица луговая,
Ой луговая, ой луговая.
Где ты была, ночевала?
Ой ночевала, ой ночевала?
Спала ночку во лесочке,
Ой во лесочке, ой во лесочке.
Под ракитовом кусточком,
Ой кусточком, ой кусточком.

Под малиновым листочком
Ой листочком, ой листочком.
Сноха к снохе приходила,
Ой приходила, ой приходила,
Подарочек приносила.
Ой приносила, ой приносила.
Подарочек дорогой,
Ой дорогой, ой дорогой,
С руки перстень золотой,
Ой золотой, ой золотой.

4.

Как из улицы в конец
Шёл удалый молодец.
Ах! Дунай-ли мой Дунай,
Сын Иванович Дунай!
Уж как звали молодца,
Позывали удальца,
Ах! Дунай-ли мой Дунай,
Сын Иванович Дунай!
Что во пир пировать,
В беседушку сидеть,
Ах! Дунай-ли мой Дунай,
Сын Иванович Дунай!
Во беседушку сидеть,
Красных девушек смотреть.
Ах! Дунай-ли мой Дунай,
Сын Иванович Дунай!
Посадили молодца,
Посадили удальца,
Ах! Дунай-ли мой Дунай,
Сын Иванович Дунай!
Против девушки,
На скамеечку.
Ах! Дунай и проч.
И он девушке поклон,
С молодца шляпа долой,
Ах! Дунай и проч.
Уж ты девица подай,
Раскрасавица подай!
Ах! Дунай и проч.
Не слуга сударь твоя,
Я не слушаю тебя,
Ах! и проч.

Когда буду я твоя,
Буду слушаться тебя,
Ах! Дунай-ли мой Дунай,
Сын Иванович Дунай!

Эту песню поют при игре в репей.

5.

Скажи, скажи селезень,
Скажи, скажи молодой,
Ой люли, молодой:
Кто косицы завивал,
Кто те сизы завивал.
Ой люли, завивал.
Завивала-те утица,
Завивала-те серая.
Ой! люли, серая!
До бережку ходючи,
На крутеньком сидючи,
Ой люли сидючи.
За крылушко держучи,
За правое держучи,
Ой люли держучи.
За то крыло утиное,
За то крыло утиное,
Ой люли утиное.
Скажи, скажи молодец,
Скажи, скажи удалец,
Ой люли удалец.
Да ктож-те кудри завивал,
Да кто-ж – те русы завивал,
Ой люли завивал.
Завивала девица,
Завивала красная,
Ой люли красная.
Под теремом сидючи,
Под теремом сидючи,
Ой люли сидючи.
За рученьку держучи,
За ту руку правую,
Ой люли правую.
Да за тот перстень золотой,
Ой люли золотой.

Песни при игре в репьи[1].

7.

Как над речкой над рекой,
Над полой-то водою,
Тут хорош хмель родился,
Круг деревцев вился,
Круг деревцев вился,
Развивался серебрен листик,
Что серебренный листок
Жемчужины кистья.
Пойду, выйду, молоденька,
В садик разгуляться,
Наберу я, молоденька,
Хмелю садового,
Наварю я, молоденька,

---

[1] В начале № 25 за 24 июня 1889 г. помещена сноска: От редакции. Мы широко даём места в наших Ведомостях, как хранилище местных исторических и этнографических материалов, этнографическим очеркам г. Колесникова, имеющим неоспоримое значение для местной этнографии. Народные обычаи, обряды, игры, песни и т. п. составляют весьма существенные и ценные характерные этнографические, исторические и даже антропологические признаки жизни и быта населения и следы его прошлого: его рассы, места происхождения, склада, натуры, темперамента, экономического и общественного строя и т. п. Поэтому мы до мельчайших подробностей помещаем всё передаваемое автором, очевидцем всего этого и тщательно наблюдавшем за всем, а вследствие этого можем надеяться, что читатель не удивится и не осудит ни автора, ни редакции, встречая в наших очерках не одни только отличительные местные черты, но и общероссийские, в полном составе, или с местными оттенками и вариантами; всё это не плагиат, а верный отпечаток с натуры, что и весьма естественно, а именно: русское население Уфимской губернии, в особенности сельское, не аборигены здешние, а переселенцы в разное время из разных мест, преимущественно из средних внутренних губерний. Эти переселенцы принесли с собою свою заповедную традиционную старину; старину эту сельский люд ревнивее и цельнее сохраняет, чем тот же простолюдин, но горожанин, не говоря уже об интеллигентах. И вот поэтому то всякие местные этнографические очерки должны быть возстановляемы и сохраняемы в местной летописи неприкосновенно, а не на выбор, так как это список с натуры, в котором конечно не могут не проявляться и общие черты, что и выполнено г. Колесниковым.

Как в очерках, так и в песнях, передаваемых г. Колесниковым, встречаются некоторые, хотя и общенародные русские, но с местными вариантами и оттенками, как сказано выше. Так, например, в помещённой здесь песне «чижик», общеизвестной (хотя и частью искажённой) на Руси, есть несколько куплетов местного народного варианта и склада. *Н. Гурвич.*

Это предисловие «от редакции» повторялось и в следующих номерах, где публиковался текст М. Колесникова.

Пива ярового.
Зазову я к себе гостя,
Гостя дорогого,
Гостя дорогого,
Батюшку родного…
Мой батюшка пьёт, гуляет,
Пьяный напивается,
Пьяный напивается,
Домой собирается,
А мне горькой разнесчастной.
Дома оставаться.

8.

Чижик.

(Плясовая под весёлый мотив её девушки пляшут. Песня эта слышана мною в деревне Чемодуровке, Дмитриевской волости, Уфимского уезда).

Чижик, чижик, где ты был?
На фонтанке водку пил,
Выпил чарку, выпил две,
Зашумело в голове.
Чижик, чижик в лодочке,
В офицерском чине,
Не испьёшь-ли водочки,
Для своего веселья?
Есть вино, пьём его,
Нет его – пьём воду,
Не сменяем ни на что
Милую свободу.
Наши деды и отцы
Нам примером служат.
Кавалеры молодцы
Ни о чём не тужат.
Пред высокими мужчинами
Пошли дамы танцовать.
Алу ленту рисовать,
Стали с чижиком играть…
У чижика на руке,
Спит красавица,
Видит чижика во сне,
Улыбается.
Взвился чижик, полетел,
Громко песенки запел,
Во леса дремучи,

К милому садочку,
На дубочик он сел,
Громко песенку запел.

9.

Семик.

Последний четверг перед Троицей, почему то называется «семиком». В этот день девушки идут в лес заламывать венки; тут они веселятся, поют, водят в хоровод, пляшут и возвращаются домой с песнями, у каждой на голове венок. Песни поются те же, что и в хороводы, но между ними обязательно ниже следующая песня, которую в обыкновенные хороводы редко поют. Вот она:

Ходили девушки по бережку,
Сеяли красные ярый хмель;
Сеяли хмель приговаривали, (2 раза).
«Рости наш хмель по тычинкам вверх.
«Без тебя, без хмелюшки, не водится,
«Пьяное пивушко не варится, (2 раза).
«Добры молодцы не женятся,
«Красны девушки замуж нейдут.
Вздумала Дуняша, замуж пошла, (2 раза).
Тёща про зятя пирог пекла:
Соли да муки на четыре рубли,
Сахару изюму на восемь рублей, (2 раза).
Стал весь пирог то двенадцать рублей,
Думала тёща пятерым не съесть,
Зять-то сел, за присестом съел, (2 раза).
Тёща по горнице похаживает,
Зятюшку тихонько побранивает:
– Как тебя зятюшка, не разорвало?... (2 раза).
Спасибо, тёщинька, на сладком пироге,
Да на хлебе, на солюшке,
Что ты тёщинька уподчивала. (2 раза).
Милости прошу о великом посте.
Яж тебя тёщинька отпотчиваю,
Я тебе всю честь отдам, (2 раза).
В четыре дубины дубовые,
В пятый кнут, – по заказу свит.
Ходи, гуляй тёщинька! (2 раза).
Рвалась тёща, чуть вырвалася!
Бежала тёща ко двору, (2 раза).
Бросилась тёща в избе средь полу.
«Гляньте ребята, не зять ли идёт?»

– Зять у ворот на похмелье зовёт. (2 раза).
«Скажите зятю со вечера хмельна.
«С пива, да с вина болит голова;
«Со сладкого мёда я вся-де больна. (2 раза).

10.

Троицын день.

Троицын день считается последним весенним праздником, с ним умолкают песни, прекращаются хороводы и разные игры, за исключением дня проводов весны. В обед девушки идут в лес на то место, где были в семик, и набравши полевых цветов и зелени, садятся в тени развесистого дерева и плетут венки. Затем устраивают там хороводы, игры, поют песни. К вечеру, возвращаясь домой идут к реке и пускают венки в воду, при чём наблюдают, куда и как чей поплывёт. Если пущенный в воду венок быстро потечёт – то предвещает скорый выход замуж; венок закружившийся и потом поплывший – поздний выход замуж; венок потонувший – смерть, а причаливший к берегу – незамужество на всегда.

При пускании в реку венков поют следующую песню:

Да пойду-ль я шажком,
Лужком, бережком,
Ай люли, люли, лужком-бережком.
Сломлю со сыра дуба веточку,
Брошу на быстру реченьку, и т. д.

Проводы весны.

В следующее за Троицею воскресенье девушки устраивают проводы весны, они делают «весну» т. е. чучело, или куклу из соломы, одевают её в цветное платье и носят с собой по улицам, а играя хороводом становятся с нею в круг рука об руку и держат куклу за руку, как бы весну (девушку) и ходят с нею в круг, а под вечер уносят куклу за околицу деревни и разрядив её бросают, а в некоторых местах сжигают, домой возвращаются молча.

11.

Кузминки.

День Кузьмы и Демьяна (1 ноября) (кузьминки) считается девичьем праздником. К этом дню девушки делают складчины, т. е. припасают кто пива, кто яиц, кто кур и проч., или отчасти помогают и парни, унося часто тихонько из дома либо курицу, либо масла, сметаны, кто, что может. В день кузьминок, с утра, девушки ходят друг к дружке в гости, а вечером собираются в отдельную избу, снятую ими, как я говорил выше, на время вечёрок у какой нибудь одинокой вдовы; к ним приходят парни.

Тут поют, играют в разные игры, пляшут, пьют пиво, ужинают и только далеко за полночь веселья прекращаются и гуляющие расходятся парами, каждый с своей любушкой.

В Кузьминки и вечёрки поются песни отдельные от принятых петь в хоровод и свадебных.

Вот некоторые из них:

1.

Нигде милого не вижу.
Ни в деревне, ни в Москве.
Только вижу я милого,
Тёмной ночью в крепком сне.
Я давно его не вижу,…
Спит малютка на руках.
Я отдам сестре малютку,
Сама выйду на крыльцо…
На крылечко выходила,
Мне на встречу мил идёт,
Он на встречу из далечи
Разговаривал со мной.
Миловала, целовала,
Назвала его дружком,
«Не зови меня дружком,
«Я теперича не твой.
«Я теперича не твой,
«Я женился на другой.
«Я женился, раззорился,
«Не корыстну жену взял.
«Я не буду, я не стану,
«Во совете с женой жить.
«Только буду, только стану,
«Я ко девушкам ходить,
«Я ко девушкам ходить,
«Свою прежднюю любить…
«Я за эту за досаду,
«Пойду лягу под окном»…
Попы песни запели,
Понесли Ваню на кладбище,
На кладбище понесли,
Мимо Танина двора,
Мимо Танина двора. –
Таничка у окна,
Таничка у окна,
Призаснула и она.

2.

Уж я золото хороню, хороню,
Чисто серебро берегу, берегу,
Я у батюшки в терему, в терему,
Я у матушки высоко, высоко.
Гадай, гадай девица,
Отгадывай красная,
Чрез поля идучи,
Русу косу плетучи,
Шёлком приплетаючи,
Златом перевиваючи,
Пал, пал перстенёк.
В калину, в малину,
В чёрную смородину.
Вы подруженьки,
Вы голубушки,
Вы скажите, не утайте,
Моё золото отдайте.

3.

Не сиди, мой друг, поздно вечером;
Ты не жги свечи воску ярого,
Ты не жди меня до полуночи.
Ах прошли, прошли,
Наши красны дни,
Наши радости
Буйный ветер унёс!
Мне отец родной
И родная мать,
Под венец идти
Не с тобой велят!
Не горят в небесах
По два солнышка,
Не любить двух разов,
Добру молодцу!...
Я послушаюсь отца, – матерь,
Под венец пойду
Не с тобой, душа!...
Обвенчаюся
Я с иной женой;
Я с иной женой;
С смертью раннею!...

Затем поют песни: 1) лучинушку; 2) выйдуль я на реченьку; 3) ах вы сени мои сени; 4) я вечер в лужках гуляла; 5) не белы то

снеги и друг. Все эти песни я не привожу здесь, так как каждую из них можно найти в любом песеннике.

А вот некоторые песни, которые поют замужние женщины в посиденки и на гулянках.

1.

Я вечер млада во пиру была,
Во пиру была, во беседушке,
Не у батюшки, не у матушки,
Я была млада у мила дружка,
У мила дружка, у сердечного,
Я не мёд пила и не полпивцо,
Я пила млада сладку водочку,
Сладку водочку, всё вишнёвочку,
Я не рюмочкой, не стаканчиком,
Я пила млада из полуведра,
Из полуведра через край до дна.
И я лесом шла, не шаталася.
Ко двору пришла, пошатнулася,
За вереюшку[1] ухватилася:
Вереяль моя, ты вереюшка,
Поддержи меня бабу пьяную,
Бабу пьяную и похмельную,
Не увидел бы свёкор батюшка,
Не сказал бы он своему сыну,
Своему сыну, моему мужу.
Уж как мой то муж горькой пьяница:
Он вина не пьёт, с воды пьян живёт:
С воды пьян живёт, с квасу бесится,
Надомной младой он ломается.
У меня младой в доме убрано:
Ложки вымыла, во щи вылила,
Порог вымыла, в горох вылила,
Чашу вымыла, в кашу вылила,
Косяки скребла, пироги пекла.

2.

Ты поди моя коровушка домой,
Пропади моя головушка долой!
Ай люли, люли, калина моя,
В саду ягодка малина моя!
Уж как все мужья до жён добры,
Покупили жёнам чёрные бобры.

---

[1] Верея – столб, на который навешивается створка ворот.

Ай люли и проч.
Уж как мой то мужичёнка,
И он весь то с кулачёнка.
Ай люли и проч.
Он купил мне коровушку,
Загубил мою головушку.
Ай люли и проч.
Снарядил он мне работушку,
Не устанную заботушку.
Ай люли и проч.
Отворяй-ка жена широкие ворота,
Принимай-ка жена ты корову за рога.
Ай люли и проч.
Уж я встану ли ранёшенько;
Я умоюся белёшенько.
Ай люли и проч.
Погоню ли я корову на росу,
А на встречу мне медведь из лесу.
Ай люли и проч.
Я медведя испугалася,
И за кустики бросалася.
Ай люли и проч.
Во лугах ли во зелёных лугах,
Принимала я корову за рога.
Ай люли и проч.
Ты пойди моя коровушка домой,
Ты пойди моя недоеная!
Ай люли и проч.
У нас горенька не топленая,
А ребятушки не кормленые.
Ай люли и проч.
А телятушки не поеные.
Как ворчит муж супостат.
Ай люли и проч.
Он велит мне детей кормить,
Приказал он мне коровушку доить.
Ай люли и проч.
Ты коровушку подой, да подой,
А подойничек помой, да помой,
А телятушек напой, да напой.
Ай люли калина моя,
В саду ягодка малинка моя.

Затем ими поётся «ах ты берёза», «Ах! я по бережку поха-

живала», «При долинушке калинка стоит», «Ах ты ноченька» и проч.

А вот песня, любимая парнями:
«Вечер был я на почтовом на дворе,
Получил письмо от девушки сейчас,
Стал читать я, полились слёзы с глаз,
Пишет, пишет раскрасавица моя!
«Приди батюшка, смертельно я больна;
«А не придёшь скоро жизни я лишусь;
«С тобой батюшка заочно распрощусь.
– Ах девицы, разсудите грусть печаль:
Мне красавицу смертельно очень жаль.
Не мила мне здесь прекрасна сторона:
Не гуляет здесь красавица моя,
Хороводы не утешать моих слёз!,
Я пойду с горя плакать в тёмный лес,
Я пойду-ль ещё по тем милым следам,
Где я прежде с красавицей гулял,
Где любезную приятно целовал.
На том месте уж и травка не растёт;
На том месте и цветочки не цветут,
На кусточках мелки пташки не поют,
Небеса то покрылись темнотой!
Я скорёхонько ко девушке пошёл,
Я тихохонько в окошко постучал:
«Отопри двери красавица» сказал.
С постелюшки вскочила молода,
Отпирала широкие ворота,
Принимала за белы руки меня;
Целовала сахарные уста.
«Здравствуйте батюшка, красавчик дорогой.
«Привела нас судьба видеться с тобой».

12.
Детские игры.

У каждого народа есть свои, ему принадлежащие, игры. Детские игры русского народа в большинстве случаев, кроме удовольствия, приносят также и пользу принимающим в них участие; они развивают мускулы, приучают к глазомеру. Игры крестьянских детей здешнего края – самые незамысловатые; вот они. Летом мальчики играют в чурки, бабки, мяч; зимою катаются на санках с горки, устраивают снежные бабки; эти игры нисколько не отличаются от городских и по этому они всем более или менее знакомы, так как каждый из нас, бывши в дет-

ском возрасте, увлекался играми в бабки, чурки, мяч и пр. Но вот пасхальные детские игры, с которыми дети городских обывателей едва ли знакомы. В продолжении недели пасхи, дети, получая в подарок яйца, устраивают из них различные игры. Особенно распространена следующая игра, участие в которой принимают даже взрослые девицы и парни, а за частую и молодушки (вышедшии в первый год замуж) с мужьями. На ровном месте разставляют они под одну линию каждый по одному яйцу, симетрично на растоянии четверти друг от друга; затем отойдя на несколько сажен, (смотря по условию) катят сшитый из тряпок мяч, величиною, приблизительно, около ¼ арш. в диаметре, при чём каждый играющий старается, чтобы пущенный им мяч, задев за яйцо, выбил его из ряда, в этом случае он выигрывает выбитое яйцо. С этой игрой можно встретиться во всех сёлах и даже в уездных городах.

Маленькие дети эту игру изменили несколько; они, разставив яйца, по отлогому месту или с лубка, катят яйцо, стараясь задеть им за другое находящееся в линии.

Вот ещё игра (впрочем общая и в городах); двое предлагают друг другу состязание – чьё яйцо скорее разобьётся от удара? затем их верхушками стукают друг об друга и чьё разобьётся, тот отдаёт разбитое яйцо сопернику.

К числу детских игр можно отнести заклинание детьми идущего дождя и призыв дождя. Основание этой игры нужно искать в глубокой древности и можно думать, что эта игра есть не более, как остаток языческого суеверия, переродившийся в последствии в игры самых молодых детей. Маленьким детям очень хочется по бегать по улице или идти в лес за ягодами, но, к их несчастию, набежала на небе тучка и пошёл крупный дождь. В дождь идти конечно нельзя и по этому планы их должны рушиться: чем пособить? Вот дети, чтобы остановить дождь начинают петь:

«Дождик, дождик перестань,
Мы поедем в арестань,
Богу помолиться,
Христу поклониться.
Я у бога сирота,
Отворяла ворота,
Ключиком замочком,
Шолковым платочком».

Это повторяется много раз, пока тучка не пройдёт и дождь не остановится. Тогда дети призывают солнышко, подсушить землю; они поют:

«Солнышко вёдрышко,
Взгляни в окошечко,
Твои детки плачут…
Солнышко покажись,
Солнышко снарядись!

Но иногда дети слышат от родителей, что для хлебов очень необходим дождь. Находит тучка и с неба спадывает крупный частый дождь – детям он не в помеху, а для хлебов даже необходим посильнее; вот они и поют:

«Дождик, дождик припусти,
Дождик, дождик пуще,
Дам тебе я гущи».

13.

Лечебник крестьян[1].

Вера крестьян в знахарей и лекарок безгранична. Они убеждены, что лекарь, знахарь или лекарка могут всё сделать и всё знать, поэтому во всех случаях заболевания они обращаются к их помощи.

Кто же такие лекаря и лекарки; что это за народ и насколько они искусны в лечении? Лекаря и лекарки бывают люди преклонных лет. Они трезвы, степенны и пользуются уважением народа; хитрость, сметливость, пронырство, краснобайство, бессовестность и наглость – неотъемлемые черты этих субьектов. Они конечно ровно ничего не смыслят по части медицины и не более как шарлатаны, эксплуатирующие народную массу. Они знают массу заговоров и способы их применения. Они собирают разные целительные и нецелительные травы, и держат у себя скипидар «французский», острую водку, купоросное масло, су-

---

[1] Помещаем эту статью конечно не для научения сельского люда его заблуждениям, а, напротив, того, для вразумления его, указания и предостороженния от вкоренившихся среди его веками предразсудков, суеверий, нелепостей и невежества, приносящих народу весьма часто не мало вреда его здоровию и его карману. Зло это вкоренилось изстари, когда сельское население или скудно пользовалось врачебною и санитарною помощью, или вовсе лишено было её. В настоящее же время, когда, благодаря щедрому попечению земства, врачебная помощь всё более и более делается доступною для народа, нельзя не ожидать, что сказанные заблуждения бывшего тёмного люда, а теперь прозревающего, благодаря правительству, церкви и школе, – заблуждения эти, яко дым изчезнут перед светом распространяемого среди сельского населения познания добра школы и настоящего научного врачевания. Тогда печатные памятники о бывшем умственном неустроении тёмного люда ярче укажут ему в последствии благо просвещения и правильного врачевания. *Н. Гурвич* (это предисловие помещено и в начале следующих номеров газеты).

лему, мышьяк и проч. Вот их и вся аптека – якобы исцеляющая больных людей и животных от всех болезней.

Лекаря и лекарки никогда не сознаются больному, что его болезнь им не знакома; что они не могут и не знают чем её лечить: они ни уронят себя в глазах народа, не выкажут себя пред ним незнайками, а в случае неудачного лечения – они болезнь ту припишут глазу или порче, против которых их лекарства, будтобы не действуют.

Не менее интересен бывает и их названия болезней. Берём на выдержку некоторые случаи из знахарской практики, например: заболеет у мужика брюхо, ему говорят – «пуп пал» или «нутро перевернулось»; бегут за бабкой лекаркой Авдотьей. Приходит лекарка, щупает брюхо и утверждает, что действительно у него нутро перевернулось; её, конечно просят поставить нутро на место. Лекарка умывает руки, молится Богу, берёт горшок, кудели и засучив рукава «накидывает» больному горшок, т. е. ставит больному на брюхо горшок, чтобы чрез зажжённую в нём кудель, втянуть в него все внутренности. – Если это лечение не поможет, то для больного топят баню и в ней лекарка вешает больного вверх ногами, трясёт и жмёт живот. Этим же способом лечат у женщин выпадение и опущение матки.

Крестьянин жалуется лекарке: «што за притча туто, под сердцем (показывает пальцем под ложечку) сосёт те и на, – оказия! то голова закружится, того гляди упадёшь, то тошно вдруг делается». Лекарка начинает его лечить разными снадобьями, поит его керосином, дёгтем, сулемою и мышьяком, но пользы нет, боль не проходит. Заходит в дом больного какая нибудь знакомая, бывалая старушка и при разговоре высказывает больному свою догадку, что к нему в брюхо, чрез рот, заполз гад (змия) и «сосёт-те сердце» и пока не выклюет всего «не вжисть не выйдет». Каким же образом спрашивает больной змия могла попасть в брюхо, не мог же он её проглотить целиком и живую? «А очень просто, – спал когда нибудь на сенокосе на траве не благословясь и рот был видно то открыт, вот гадина трёх четвертная и заползла те в брюхо чрез открытый рот. Она вишь идёт по горлу, а тебе то и думается што ты пьёшь студёную (холодную) воду». Эко оказия, думает мужик, где бы мог я проглатить таку гадину, и наконец с ужасом вспоминает, что действительно с ним, какая то на сенокосе случилась такая оказия, после солёных щей прилёг вишь он только полежать маненько, дане взначай и уснул, а следовательно, и не перекрестясь. И помнится ему снилось, что он пришёл к ключу, прилёг к земле и с жадностию так то глотал студёную воду. Ну вот, вишь, подхватывает стару-

ха, тогда то гад тебе в нутро и заполз, вот и не даёт покою то. Эко грех! думает мужик. Но не оставаться же гаду в нутре, надо его выжить. Ему говорят, что змия выгонять с брюха мастерица лекарка «Сидоровна» из соседнего села. Не давно, сказывали, она кому то выгнала гада и мужик выздоровел. Запрягают лошадь и едут в соседнее село к лекарке Сидоровне с поклоном. Приезжает знаменитая лекарка, осматривает больного, давит под ложечкой, обязательно безъимянным пальцем, мнёт брюхо и покачав глубокомысленно головою, заявляет, что действительно в его брюхе гад засел а выгнать, его можно только на малину в бане. Баня истоплена, нашлась у лекарки и малина. Ведут больного в баню и над каменкой или над горячими углями насыпанными в чугун, садят больного нагнувшись и с разинутым ртом, перед которым лекарка на горячие угли разсыпает малину и шепчет заговор: «гад пёстрый, гад серый, гад волочуга, выходи с раба божьего (имя больного) на ягоду на малину! Егорий храбрый достань его копьём своим булатным». Этот заговор произносится три раза в полголоса, так, что больной не может понять слова. Но гад из рта конечно не идёт. Испорчен значит, говорит лекарка, прежними лекарствами, что лекарка лечила его, наверно дало не того лекарства, вишь и заговор не действует. Тапереча тот самый гад там и будет жить, гнездо совьёт и детей выведет, в утробе то. Напуганный мужик долго мучается мыслию, что внутри его завелась змия. Ему будто даже слышится, как гад там ворочается, точно комком; вдруг подвалит под сердце. Ему снятся страшные сны, – а болезнь у него самая обыкновенная, присущая ему – глиста солитёр…

Простудная боль крылцев у крестьян означает рост сухих крыльев, которые ломают также лекарки. Операция эта не хитра: больного кладут на кровать животом вниз и баба-оператор начинает двумя пальцами щипать кожу пониже лопаток, стараясь ущипленную кожу надвернуть и нашёптывая при этом какие то слова заговора. Эта операция продолжается несколько дней.

Роженицам, во время родов, приёмы даются посурьёзнее и поэтому в этих случаях лекарок заменяют специально занимающиеся акушерским искуством, бабушки повитухи. Процес приёмов при родах бывает следующий: роженица должна стараться скрывать свою беременность от всех, чтобы избегнуть дурного глаза. Перед родами повитуха топит, потихоньку, баню и роженица идёт с нею, делая крюк, чтобы незаметно было это для других, так как чем больше будут знать о родах, тем муки при родах будут продолжительнее. В бане роженица раздевается и

снимает с себя серьги и кольца, остаётся в одной лишь сорочке. Повитуха молится Богу и затем расплетает ей косы, так как роженица ни в каком случае не должна рожать с заплетёнными в косу волосами. Если роды бывают трудны, то бабушка даёт роженице «спорынью» (рожки добываемые в ржи); затем пускают вход разные встряхиванья и размыванья, питьё деревянного масла, глотание собственных волос, дутьё в бутылку и совсем обезсиленную роженицу водят по бане.

Если после родов «место» – последыш, не выходит, то к каналу его привязывают лапоть или что другое, чтобы «место не ушло к сердцу».

По разрешении роженицы место после младенца зарывают в подполье, кладя вместе с ним хлеба и соли, говоря: «вот тебе батюшка св. место хлеб и соль, а рабе Божей (имя матери) доброе здоровье: вот тебе мать сыра земля местечко, а тебе местечко хлеб и соль, а рабе Божей (имя матери) доброе здоровье».

После родов роженице дают кусок кислого хлеба с солью, который она и должна съесть, чтобы закрепить «завязать» желудок, затем первые последующие дни её кормят кислым и солёным, вроде кислой капусты и солёных огурцов и поят настойкою калгана[1] с вином.

Родившая не должна сдаивать молоко, излишне накопляющееся в грудях, в сухую посуду, но в посуду с жидкостью и не должна капать или терять молоко на пол, иначе совсем пропадёт молоко. При огрублости у роженицы грудей должно делать припарки из ромашки, мяты, отрубей, гущи и сенной трухи, иначе молоко утечёт даже и при больших и полных молока грудях. Но мало того, бабки делают ещё заговор такого рода: отыскав где нибудь на половице или стенном бревне сучок, но чтобы он был только в средине, как находится сосок посреди груди и затем очертив сучёк безъимянным пальцем на отмаш от себя приговаривают: «Господи Иисусе Христе помяни меня грешницу» после того перекрестясь произносит «батюшко св. дерево, как тебе св. дерево на корню не стоять и листья и ветви дополу не спускать, так у рабы божей (имя) грудям не болеть». Очёртывая пальцем груди произносит: «мать тебя породила, мать тебе все скорби и болезни способила, матери тебя не перераживать и скорбей и болезней не видывать», делая на отмаш давление польцем, баба говорит: «ни первый, ни другой, ни третий, ни девятый» и затем

---

[1] Калган – травянистое невысокое растение с крупным корнем, используемым для приготовления пряности и лекарственных целей. Здесь, видимо, имеется в виду калган-трава или калган дикий (лапчатка), который растёт в наших леса // Ресурсы Интернета.

баба три раза делает безъимянным пальцем три вдавления в самый сосок и это продолжается утром и вечером три дня после родин.

После родов роженица три дня ходит в баню. Тут её на полке парят, и правят, т. е. мнут и гладят по телу, чтобы расправить «суставы» и выжать дрянную кровь» (очищение). В третью баню повитуха с роженицей «размываются»; это делается так: повитуха и роженица в одних сорочках, подпоясанных поясами, становятся на брошенный на пол веник обе правой ногой и зачерпнув ковшик воды, бабушка захватывает из него воду в горсть и обливает ею руку, тоже делает и роженица. Это повторяется два раза, после того утершись полотенцем и взявшись за руки кланяются одна другой, говоря: «прости меня христа ради» и целуются; тут же роженица дарит повитуху обязательно хлебом, солью и мылом и кроме того полотенцем, иногда деньгами и ситцем на рукава или на сарафан.

Роженицам запрещается за три недели до родов катать своё бельё, чтобы не приключилась молочница. От молочницы вылечиться можно, говоря безпрестанно про себя «вчера приди, вчера приди, последний раз бьёшь».

Если дитя родится слабым и хилым, то его повитуха перепекает, т. е. истопив печь и дав сойти первому пылу, ребёнка кладут на лопату и всовывает в печь на одно мгновенье, повторяя это два раза. Перепечённое дитя точно перерождается, быстро поправляется, полнеет и растёт.

У новорождённых детей на спинке находят щетину, которая безпокоит ребёнка. Её уничтожают, натирая спину дитяти грудным молоком его матери, или же, подбив дрожжи, намазывают на ветошку и прикладывают к тому месту, где появилась щетинка и парят в бане.

Если женщина страдает несвоевременными регулами, то, чтобы остановить их, больная умываясь должна плеснуть водою на отмашь в одну и другую сторону и произнести, «это твоё, а это моё. Крестьяне убеждены, что эта болезнь является в тех случаях, если в одной бане, в одно и тоже время, мылись две женщины с регулами, тогда от молодой женщины регулы переходят к старшей.

От матежей легко можно избавиться: стоит только поймать первого встречного весеннего гусёнка и потереть им лицо – и матежи сами собою исчезнут. От матежей так же делают мази из сулемы и других ядовитых вещей и умываются в бане острой водкой.

Если сделать из ореховых скорлуп щёлок и вымыть им го-

лову, то волоса облезут навсегда, а выростить их можно умыванием головы из настоя озими.

Желтуха лечится так: ловят и сажают в миску воды щуку и заставляют больного смотреть на неё. Несколько спустя желтуха должна перейти с человека на щуку и она вся пожелтеет и уснёт. Но после этого больной никогда уже не должен есть щучины.

От этой же болезни носят на шее янтарь или же толкут его и пьют.

От куриной слепоты сажают больного под насед, т. е. под то место, где куры ночуют.

Глухих сажают под колокол во время звона.

При ломотах больные места натирают дёгтем, скипидаром, керасином и сурчиным салом.

Зубную боль заговаривают на сучёк, т. е. лекарка осматривает зуб, давит легонько около него безъимянным пальцем десну и затем идёт к двери, отыскивает сучёк, давит его пальцем и произносит слова заговора.

Чтобы никогда зубы не болели, надо увидавши молодой месяц, произнести про себя: «тебе месяц на исполня, моим зубам на здоровье». Этот заговор надо произносить всю жизнь при каждом новолунье.

Зубы заговаривают также и на луну в новолунье; увидав молодую луну, надо произнести трижды: «золотой месяц сойди с неба к рабу Божьему (имя), сними с него зубную боль и унеси под облока», или «месяц золоторогий смой с раба божьего (имя рек) скорби болезни, щикоты и ломоты, злую худьбу». Этот заговор гарантирует зуб от боли на месяц, и кроме того помогает и в других болезнях.

От зубной боли есть много и других народных средств между ними мне известны три средства, к которым я сам прибегал при зубной боли и они мне помогали; первое из них: замесить лепёшку из пшеничной муки на меду и приложить на десну около больного зуба, медовая лепёшка согревает зуб и не более как чрез четверть часа боль утихает; второе, – обмакнуть бумажку в дёготь, и сложив её в двое приложить к щеке, снаружи – и в короткое время боль утихает, но щека от дёгтя бывает красною дня два, а третий способ, – дупло прижечь соляной кислотой с примесью воды. Это средство убивает чувствительность нерва, боль зуба уже никогда не возобновляется и зуб раскрошивается.

Лет восемь тому назад, некто лечил от водобоязни укушенных бешеными собаками. Способ его лечения заключался в следующем: он давал больному три корки хлеба с надписью на них, которые тот и должен съесть на тощак на утренних зорях и под

открытым небом.

Вот слова, написанные на корке:

s a t o r
a r e p o
t e n e t
o p e r a
r o t a s

Эти слова интересны тем, что как их не читай сверху ли в низ, снизу ли вверх и справа влево, слова выходят те же, какие имеются в квадрате, так, что каждое слово читается четыре раза в разных направлениях.

Народные поверия, суеверия и предразсудки.

Крестьяне очень суеверны, они и сейчас продолжают верить в домовых, леших, водяных, чертей, колдунов, ведьм и т. п.; однакож в настоящее время чаще уже встречаются и такие крестьяне, которые перестают верить всем этим бредням. Луч просвещения, как луч теплоты, начинает уже проникать и в среду народной массы и разсеевать мрак суеверия, и можно надеяться, что не далеко то время, когда тёмные истлевшие остатки язычества, окончательно вытеснятся светом просвещения[1].

Рождественские ночи представляются крестьянам чем то вещим; они убеждены, что в святочные ночи всё делается не по просту; всё вещает доброе или худое; необходимо только быть наблюдательным, прислушиваться к разным звукам, прерывающим ночную тишину, к весёлому или печальному лаю собаки, ржанию лошади и проч., и уметь разгадывать значение их; рождественские святки дают будто каждому возможность узнать будущее на год и это обстоятельство породило множество святочных гаданий, предметом которых служат главнейшие обстоятельства жизни, в определённом кругу времени: жизнь, смерть, свадьба, урожай, удача. В святки девушки гадают о суженном, о выходе замуж. Вот главные гаданья девушек:

1) Желающая узнать, кто её суженный (намеченный судьбою жених) на ночь кладёт под голову гребень и говорит: «суженый, ряженый расчеши мне голову» и будущий её супруг придёт во сне и расчешет ей голову, а следовательно, она его увидит во сне и узнает красив ли, молод ли её будущий муж.

2) Делают из прутиков мост, кладут себе под кровать и ложась спать говорят: «суженый ряженый проведи меня через мост» и во сне суженый проведёт её через мост.

---

[1] Этот абзац затем повторяется и в следующих номерах газеты, либо в начале материала в самом тексте, либо в виде сноски.

3) Ставят на пол воду и сыплют пшено, вносят в избу курицу или петуха и смотрят если курица подойдёт прежде к пшену и станет его клевать, то будет благополучное супружество, если же курица кинется к воде и станет её пить, то муж непременно будет пьяница.

4) Раскладывают на полу кольцо, хлеб, уголь и мел и впускают в избу курицу, наблюдая к чему она прежде всего прикоснётся. Разложенное предвещает: хлеб зажиточность, уголь бедность, кольцо свадьбу, мел могилу.

5) Бросают снег и в которую сторону бросят его, то слушают, как собака залает – грубым голосом – будет сердитый, старый муж, а тонким смирный или молодой.

6) Льют воск в воду «растоплю я воску ярого» и по вылитой фигуре, узнают свою будущность.

7) Слушают под окнами чужой избы говор, при чём весёлый разговор обещает слушательнице весёлое замужество, ссору – буйного мужа, тихий разговор – мирную жизнь.

8) Выходят на улицу и спрашивают имя встречного, и какое он назовёт имя, так будет зваться суженный гадальщицы.

9) Ночью идут к поленнице и берут без разбора первое попавшееся под руку полено и если взятое полено окажется гладкое, то будущий муж будет смирный, ласковый, – сучковатое же полено обещает сердитого мужа.

10) Бросают чрез себя за ворота башмак или лапоть и смотрят, как он упадёт и в какую сторону ляжет носком – в той стороне живёт и суженый.

11) Налив в стакан воды, опускают на дно стакана кольцо, а под стакан кладут клочёк белой бумаги и смотрят в средину кольца. При чём в нём можно увидать своего суженного даже картину будущности.

Под новый год можно обмануть даже чёрта и добыть от него неразменный рубль; это делается так: нужно достать совершенно чёрную кошку, на которой небыло бы ни одного белого пятнышка и, завернув её в одеяло, в полночь вынести на перекрёсток улиц. Чёрт в образе человека, подойдёт к тебе и спросит: что несёшь? ему надо ответить – младенца крестить. Чёрт, желая недопустить младенца до крещения, будет просить уступить ему младенца, предлагая кучу денег, но на деньги не следует соблазняться, так как полученное от него золото исчезнет из кармана, а надо просить от чёрта в замен ребёнка *неразменный рубль* и получив его, сунуть чёрту кошку со словами: «неси да не развёртывай», а самому не оглядываясь бежать домой. Смельчак, добывши от чорта рубль, скоро богатеет, так как этот рубль

имеет то свойство, что владелец его чтобы ни купил на него, рубль его, незаметно, опять очутится в его кармане.

Егорьев день (23 Апреля) крестьяне почитают, считая Егория покровителем скота и зверей. По их поверию, в этот день Егорий раздаёт пищу зверям «что у волка на зубах, то Егорий дал», или «Обречённая скотинка – уже не животинка» говорят по этому поводу народные поговорки.

В Егорий день крестьяне сгоняют скот с табун, служат молебен и кропят водою. В этот же день многие призывают знахарей, заговаривать скот от зверья, падежа и скорби (эпизоотии); знахарь обходит кругом скотины три раза, гладит её по спине и в полголоса произносит: «Встретил наш скот мелкий живот, святой великомученный Егорий, на белом коне, несущий в руках щит огненный и он бьёт побивает всех колдунов и колдуниц, воров и ворриц, волков и волчиц».

С Егория же начинает пахать яровое поле.

Иванов день, или Ивано-купало (24 июня), пользуется в народе известностью крайне суеверною. По народному поверью, в этот день сорванные цветы и травы имеют целебное свойство, почему лекаря и лекарки в этот день запасают их на год. Они собирают ромашку, мяту, полынь, крапиву, богородскую траву, чернобыль и др.

Ночь на Иванов день почитается страшной ночью, исполненной различных чудных явлений. По народному поверью, в эту ночь можно добыть чудные травы: папоротника, разрывтравы и плакун корень.

Папоротник расцветает однажды в год, именно в полночь, накануне Ивана-купала. Цвет его блеснув ярким цветом, мгновенно исчезает, почему крайне трудно добыть этот цветок. Желающий же добыть его, должен, в лесу, где растёт папоротник, обвести вокруг себя черту черёмуховой палочкой и выждав, когда папоротник бросит яркий свет, поспешить сорвать этот таинственный цветок. Нечистые духи стерегут минуту его расцвета, поэтому они стараются навести страх на смельчака: ему будет чудиться, то плач ребёнка, то стоны, то смех, крики многих голосов, вой, стрельба и как бы ни был смел искатель цветка, а всё таки на него нападёт страх. Чем ближе время к полуночи, тем страх его усиливается; ему представляется, что папоротник шевелится, прыгает, вертится, но он ни в каком случае не должен выходить за черту и оглядываться назад. Но вот двенадцать часов, цветок вдруг блеснул огоньком – его в тоже мгновенье надо схватить рукою и сорвать. В тоже время нечистая сила подымает страшный вой и визг; представляются различные стра-

шилища, чтобы выгнать смельчака за черту и отнять у него добытый цвет папоротника, но за черту перейти они не могут. Боже сохрани оглянуться назад или выдти за черту – черти тотчас разорвут его на мелкие кусочки и душу в ад утащат; поэтому должен дожидаться разсвета человек, которому в урочный час удастся добыть. Цвет папоротника не боится ни бури, ни грома, ни молнии. Он делается неприступным для злого чародейства, повелевает нечистыми духами и может находить клады.

Разрыв-трава помогает раскрывать всё неприступное. Достаточно прикоснуться этой травой к крепкому замку – и он сам собою распадётся. Неменее трудно достать и эту траву в туже ночь на Ивана купалку; её добывают в гнезде дятла, который добывает её и бережёт в своём дупле.

Плакун корень добывается колдунами и знахарями. Его боится сама нечистая и бегает, как от ладана.

В ночь на Ивана купала можно добыть клады и без этих трав. Узнав, где по преданию зарыт клад, нужно с заступом идти в то место свечера и придя на место, также очертить вокруг себя круг и яму. Нечистые также будут пугать его и мешать работать; но смелость города берёт и по этому смельчак вырыв клад делается богатым.

Но что такое клад и как их народ понимает? Народ их понимает так: в давно минувшие века все кто имел деньги, на случай грабежей, хранили их в земле, где нибудь под деревом; в земле же берегли деньги и разбойники, за тем первые случайно умирали, не успев указать хранилища наследникам, а других арестовали и казнили или ссылали в каторгу и они также не могли воспользоваться своими сокровищами. Эти то, хранящиеся в земле сокровища, и называются кладами. Некоторые недобрые люди и скряги в старину прятали в землю деньги с заклинанием на года; на сто, двести лет, и т. д. и такие клады даются искателям по окончании срока. Некоторые же клали в землю деньги и при наиболее трудных условиях, а именно, чтобы желающий воспользоваться кладом, известное число лет не постился, либо в церковь не ходил, либо не говел и проч. Такие клады даются тем, кто на месте клада явившемуся нечистому обяжется выполнять все эти требования; нечистый является для такого договора в образе человека – старика, парня, мальчика. Так например, в Уфе в Архиерейской слободе существует легенда, что в Черкалихином овраге имеется пещера, среди которой есть озеро. В ночь Ивана купалы, на том озере можно видеть на лодке, нагруженной драгоценностями, татарку, которая предлагает эти сокровища каждому, но на слишком тяжёлых условиях, почему

и до сего времени этими сокровищами никто ещё не воспользовался.

В г. Уфе в Архиерейской слободе празднуют Иванов день те, кто боится пожаров.

Ильин день (20 июля) чтится крестьянами неменее других праздников. В этот день пчеловоды подрезывают первые соты. Народная фантазия представляет Илью пророка грозным, седым стариком, с большой окладистой бородой, а во время грозы разъезжающим на облаках в колеснице на огненных лошадях и метающим расколённые каменные стрелы. Колёса его колесницы стучат, ударяясь о твердь небесную и производят раскаты грома; огненными же стрелами он разит, по повелению Божьему, порочных людей, и дьяволов. Последние чтобы избегнуть наказания, прячутся в жилье человека чрез растворённое окно избы или в открытую трубу, почему во время грозы народ закрывает дверь, окна и трубу. С каждым ударом грома крестьяне крестятся. Чтобы не разгневать грозного пророка, они в его день ровно ничего не работают.

В летнее время, в долгое бездождие, когда особенно нужен дождь для хлебов, его вызывают довольно оригинальным способом, чрез окачивания проходящих водою. В одно утро, по уговору, девушки запасаются водою и каждая, с ведром воды в руках, прячутся за воротами, в ожидании проходящего, и завидя идущего прохожего, дав ему поровняться с воротами, одна из них выскакивает с ведром воды и неожиданно для прохожего, подбежав к нему сзади, окачивает его с головы до ног водою. Испуганный такою неожиданностию и растерявшись, проходящий подымает свою палку и бежит за виновницею своего испуга, та конечно от него улепётывает. Увлекшись погоней, гонитель и не замечает как с других ворот подбегает к нему сзади другая девка с ведром воды и с криком «Ух!» вторично окачивает водой несчастную жертву народного суеверия. Он с поднятою в руке палкою кидается на эту девушку, но увидав, что из других ворот, выглядывают ещё несколько «озарниц», готовых ещё раз искупать его, сознаёт себя побеждённым и, оглядываясь по сторонам, с поднятою палкой, старается уйти скорее, чтобы небыть опять облитым водою. Иной же, ловкий парень, узнав об обливании водою проходящих, идёт по улице, показывая вид, что ничего об этом не знает, но лишь только подкрадывается к нему девка с ведром воды – как он неожиданно для неё оборачивается назад и, вырвав из её рук поднятое уже кверху и готовое было опрокинуться на его голову ведро с водою, опрокидывает его ей же на голову.

На эти шалости впрочем никто из крестьян не сердятся, будучи уверены, что это делается для общего народного блага, так как после этого окачивания водою, непременно должен пойти дождь.

Если летом стоит долгое время дождливая погода, то причина этому относится к непогребению лежащих, где нибудь в воде или урёме, утопленников; если же найденный труп похоронен и погода стоит всё же суровая, то ненастье относят к тому, что на христианском кладбище схоронен тот утопленник или другой какой нибудь самоубийца, почему и вбивают в его могилу осиновый кол.

В некоторых деревнях практикуется секретный способ вырывать из могилы труп удавленников или опойц и, отвезя его в болото, заталкивать в трясину. Несколько лет тому назад в одной деревне был проделан такой обычай над одним опойцем, преданным земле на христианском кладбище по распоряжению полиции. Его ночью вырыли и затолкали в тину. Дело это, однако, каким то путём сделалось гласным и хотя крестьяне труп тот успели спрятать в могилу, по вскрытии которой он оказался весь в тине, но факт преступления дознанием подтвердили и виновные привлечены к уголовной ответственности.

Вслучае эпидемии, у крестьян существует довольно странный обычай окапывать селения канавкой, чтобы оградить селение от общего бедствия, т. е. чтобы эпидемия не могла перейти в обмежёванную деревню; это делается так: в поздний час, когда все спят, непорочные вдовы и девицы, условившись заранее между собою, собираются где нибудь в конце деревни. Все они одеты в одни белые рубахи, волосы распущены по плечам. Когда все собирутся, то, берут соху и, выйдя за околицу, одна из участвующих впрягается в соху, остальные схватив соху за оглобли с боку, помогают тащить её. Впереди идёт одна с иконой в руках, а с боку идёт другая с кнутом, хлопая по воздуху, отгоняя нечистого. Все они вооружены: кто ухватом, кто кочергой и все они в полголоса читают на распев молитвы. Это совершается в глубокой тайне и узнаётся на другой день, когда увидят борозду вокруг деревни.

В бывшую в 1885 г., на западе Европы холеру, когда даже правительство и наши земства принимали разные санитарные меры на случай заноса в Россию эпидемии; крестьяне тоже не оставались в бездействии: они принимали свои, более радикальные по их мнению, меры против эпидемии. Они описанным способом окапывали свои селения. В тот же год я встречал такие межи и в чувашских селениях. Они также проводили их с целью

охраны себя от эпидемии; но каков у них существует обряд при окапывании и схож ли он с русским, при всём моём желании узнать, чуваши не удовлетворили моё любопытство; но я думаю, что и у них существуют в этом случае обычай, и быть может совершенно отменный от русского.

Не менее странный обычай существует у крестьян во время засухи и бездождия, это – моление на ключе. Ночью девушки, вдовы и старухи, одевшись в чистое бельё и взяв иконы отправляются за село к ключу, иногда версты за 3–4 от селения; тут они ставят над ключём иконы, читают молитвы и молятся, держа в руках зажжённые восковые свечи. Если же есть между ними грамотная женщина или черничка, то она читает свящ. писание. Перед светом молящиеся тихонько возвращаются по домам, держа своё путешествие в секрете.

Вот ещё оригинальный обычный способ выводить хороших кур. Весною, когда куры несутся и приходит пора сажать клушек на яйца, для вывода цыплят, хозяйка – баба идёт по домам своей улицы. Войдя в избу и поздоровавшись, она просит хозяйку дать ей петушка да курочку, та даёт ей два куричьих яйца, которые она и кладёт за пазуху и, поблагодарив хозяйку, идёт дальше. Набрав штук двадцать яиц, она с полной пазухой яиц, идёт домой. Придя домой выкладывает яйца в шапку и в сумерках, помолясь Богу, кладёт их в гнездо, устроенное в старом решете или кошельке и сажает на них курицу.

Крестьяне верят в чертей или нечистых духов. В их воображении чёрт рисуется схожим с человеком, только покрыт шерстью, на голове небольшие рожки, назади хвост. Черти пребывают преимущественно в банях, и по мельницам. Многие мельники дружатся с чертями, которые иногда даже помогают им строить плотину, в тех именно местах, где слишком глубоко и без помощи чертей ему не запрудить бы реку и в десять лет.

Чёрту можно продать душу на года и человек заключивший контракт с нечистым и подписавший его своею кровью в условный контрагентами срок, может делать всё, что только захочет – стоит ему только начертить углём на стене коня, чтобы сесть на него и укатить куда душеньке будет угодно, или нарезать моркови кружками и они превратятся в деньги. Но за то, как только истечёт срок контракта, черти не дадут ему и минуты свободы – тот час же утащат его душу в ад.

Вся задача чертей состоит в том, чтобы пугать людей и делать им зло; но не всегда как то удаётся им последнее, так как черти от природы трусливы и боятся креста. Так например: возвращается мужичёк поздно ночью, домой с какой нибудь по-

пойки, идёт покачивается. Вдруг встречает его незнакомый человек и завёт его «айда, дяд Иван выпьем»: тот хоть и пьян, а от выпивки не прочь, – «айда, выпить, так выпить». Незнакомец ведёт его… Входят в кабак. Дядя Иван, как ни пьян, а видит своими очами, что именно вошёл в кабак: вон вишь и целовальник за прилавком, вот и бочка-сороковка, а вон и на полках, и сладенькое. Незнакомец, взяв бутылку водки, наливает стакан и подаёт пьяному мужику; но как русская утроба ничего не принимает в себя не благословясь, то и дядя Иван, перед тем как выпить, взял да и перекрестился, и только что успел он сотворить крестное знамение, – как вдруг слышит плеск воды и с ужасом видит, что он сидит не в кабаке на лавке, а на кочке близ воды – у озера или на срубе колодезя, свесив ноги в колодезь. Куда, братец мой, и хмель девался. Вишь чёрт куда его угораздил и не перекрестись тот во время, загубил бы свою грешную душеньку за стакан вина. Благо перекрестился во время; чёрт струсил креста-то – и юркнул в воду.

В каждом доме держится домовой или хозяин, домовидушка. Постоянное его местопребывание – чердак; но он безпрепятственно входит в избу, ходит по двору, по конюшне, заглядывает и в амбар, хлев и пр. Домового видеть трудно. Он чёрный, лохматый (в шерсти). Домовой обязательно должен быть в каждом доме, без него и дом не держится, почему при переходе в вновь выстроенную избу крестьяне приглашают и его с собою; они говорят[1] «домовидушка или с нами в новую избу жить; садись, мы тебя довезём», и везут по земле лапоть, воображая, что в нём видит хозяин их дома.

Домовой охраняет дом от поджогов, от воров и особенно заботится о лошадях; любимых лошадей от холит, чистит, заплетает им гриву в косы и бережёт их от всяких болезней и от воров; но если масть лошади ему не понравится, то он отнимает у них корм, ездит на них по двору всю ночь, раздражает их всячески и пугает. Злой домовой по ночам стучит на подволоке, то открывает, то закрывает трубу, разбразывает вещи; если же он при этом стонет на подволоке, то это не к добру: кого нибудь выживает из дому и по этому наверно кто нибудь умрёт в доме, или дом сгорит. Случается, что во время сна домовой навалится на кого нибудь и начнёт давить, так что дух захватывает. В это время следует спросить его: к худу или к добру? и если он скажет к худу, то непременно в доме случится несчастье; если в это же время пощупать руку домового и если она будет лохматая, то

[1] В газете здесь нарушен порядок строк.

означает зажиточность дома, рука же без шерсти означает бедность. Домовой часто щиплет сонных так, что наутро находят синяки.

В водах держится водяные или «дедушка водяной»; это какое то неопределённое, но безобразное существо, представляемое большею частью в виде седого старика с длинной зеленоватой седой бородой. Любимое жильё его омут, пучины и особенно под мельницей. Он топит тех, кто не перекрестясь купается или кто в воде ругается и поминает его имя.

В водах же держатся русалки. Народная фантазия русалку представляет молодою прекрасною собой девушкой с распущенными длинными зелёными волосами. Русалки, по понятию народа – это души умерших без крещения младенцев и утопленниц. В лунную ночь они выходят на берег, садятся на деревья и, как на волнах качаются на их ветвях; они не любят, чтобы кто нибудь возмущал их девичьи игры. Проходящих же мимо их людей, они пугают хлопаньем в ладоши, свистом и хохотом, а иногда откликаются на ауканье заплутавшихся в лесу, или просто дурачащихся парней и девки, заманивают их в чащу и там до смерти защикочивают, поэтому не следует в лесу без особой надобности аукать. Есть поверье, что до Троицына дня русалки живут в водах, с Троицы до Петрова дня, держатся они на деревьях, а потом уходят в могилы.

Русалку верно с народными понятиями представил Тургенев в своей повести «Бежин луг».

В лесах живут лешии. Как рисует народная поэзия, леших определить трудно, но только лешие меняют виды, они то обращаются в зайца и заводят неопытного охотника в трущебник леса, то обращается в птицу, например филина, сову, и пр. Лешие всегда злы, они постоянно пугают людей, заблудившихся в лесу, хотя впрочем, иногда они и дружатся с пчеляками, и тогда помогают последнему водить роев. Крестьян особенно пугает филин и сова. Хотя эти птицы сами по себе нисколько не опасны для человека, но они боятся их крика, веря, это леший чаще всего принимает виды этих ночных птиц. Действительно дикий, заунылый отзывающийся чем то человеческим криком филина может испугать и не суеверного человека не слыхавшего от роду крика филина. Можете судить как перепугается едущий лесом запоздалый спутник, когда в глухую полночь, около него вдруг раздаётся дикий и страшный крик филина. Лесное эхо усиливает и повторяет этот крик, слышно будто-бы около него кто то захохочет а другой ему с другой стороны чрез несколько секунд отвечает таким же хохотом, затем слышит хохот уже по лесу не-

скольких голосов, очевидно, что подобным образом, в полночь, могут перекликиваться только лешие да и кому же больше?

Не веря в леших и не будучи вообще суеверен, я лет восемнадцати, лично имел случай быть напуганным криком филина. Как то тёплою июльскою ночью, довольно поздно, из соседней деревни возвращался я домой совершенно один, на лошади, запряжённой в беговые дрожки. Вёрст на шесть дорога лежала мне густым строевым лесом. Как сейчас помню, ночь была тёмная, тёплая и тихая, не колыхнул листок. Лес точно спал, ни звука небыло слышно в нём. Я люблю ездить вообще и особенно ночью, поэтому и ту ночь мне хотелось как можно больше побыть среди дремлющей природы, как можно дольше подышать свежим здоровым воздухом, я пустил лошадь шагом. Тишина располагает к мечтательности, а пылкое юное воображение более способно создавать идеальные картины фантазии. Мысли мои рисовали в то время какие то фантастические картины и строили быть может даже фоздушные замки. Вдруг в нескольких шагах от меня кто то разразился громким смехом, смехом диким не человеческим «ха, ха, ха!» Я вздрогнул и безсознательно ударил поводьями коня, который вероятно так же в это время, занимался созерцанием картин рисуемых пылким своим молодым воображением, и потому он казалос[ь] неменее моего испугался, потому что в тот же момент с храпом отскочил в сторону, а затем [н]авозстрив уши и закусив удила, пустился по дороге вскачь и в тоже время с противуположной [с]тороны так же дико повторилось несколько голосов «ха ха ха!» Затем этот демонский хохот повторился вновь, и огласил уже всю местность; я пришёл в ужас, мне показалось, что за мною находится целая шайка разбойников и дьявольски потешаются хохотом над моею трусостью, над моим испугом. Я не милосердно гнал коня и отъехав только версты две вперёд, несколько вздохнул свободнее и приостановил коня, но до самого села ехал рысью. После уже я узнал, что то была проделка филина, которому вздумалось так зло подшутить надо мною. До этого я никогда не слыхал крика филина.

После того мне нераз случалось на охоте заплутавшись в глухую полночь совершенно одному ночевать в лесу у разведённого костра и слышать около себя подобный тому крик филина, но меня этот крик уже не пугал и я всегда от души смеялся над первым моим испугом.

Кроме[1] веры в леших, водяных и домовых, в простом кре-

[1] В начале № 41 за 1890 г. вставлена сноска: Нам заметили, что печатае-

стьянском быту твёрдо верят в существование знахарей, колдунов, ведунов и ведьм; все они по народному понятию имеют сверх естественную силу чародейства и колдовства, которую получают от чертей и состоят в предолжение всей своей жизни в полной зависимости от нечистой силы. Человек, решившийся быть колдуном, должен заключить договор с нечистым духом и подписать контракт своею кровью, или же добыть чёрную книгу, с которою переходит к нему колдовство. Умирая, колдун передаёт эту книгу кому нибудь из своих родственников или друзей и получивший также становится колдуном. Колдуны, при жизни своей, могут причинять людям много зла: они портят людей, вселяют в мирных семействах распри, ссору и вражду, поэтому насколько их народ ненавидит, настолько и боится; они стараются умилостивить колдуна, почему, приглашая его к себе на свадьбу, сажают его на первое место, чтобы он не сделал какого либо зла, как молодой чете, так и пирующим; попробуй его не позвать – как раз беду наживёшь; ему ничего не стоит: жениха, невесту и всех поезжан обратить в зверей или навести на них такое одурение, что они будут вертеться на одном месте, мяукать по кошачьи, лаять по собачьи и ржать по лошадиному; ему стоит только кинуть на дорогу порчу и от этого или лошади сдурачутся и разнесут поезжан, или же поезд непременно собьётся с пути и заблудится. Колдуны портят людей и причиняют им зло более по просьбе других людей, например кто нибудь, желая своему недругу причинить зло, идёт к колдуну с подарками и просит его содействия. Колдуну стоит взять горсть пыли или зимою комок снегу и, бросив в сторону его недруга, произнести: «кулла, кулла ослепи (такого то) черные, голубые, карие, серые очи, раздуй его утробу толще угольной ямы, засуши его тело тоньше луговой травы, умори его скорее змеи медяницы» – и тот недруг уже недруг пропащий: начинает тосковать, хилеть, чахнуть и терять умственные способности. Можно испортить человека, нашептав воду: «пристаньте сему человеку скорби, икоты, трясите и мучите его до скончания века» и дать её испить сво-

---

мые очерки, относятся не к одной Уфимской губернии и что они, дескать, общероссийские. Но на это мы возражаем, что эта именно общность этнографических данных и составляет цель наших очерков, так как всякие этнографические признаки и данные служат нитью для этнографического, географического и исторического изследования размещения племён и расс; в Уфимской же губернии живут представители разных славянских племён: великорусы, белорусы, малороссы, вятчане, пермяки и пр., этнографические особенности которых мало-по малу сглаживаются и потому очертание существующих ещё пока следов племенных разновидностей имеют, по нашему взгляду, неоспоримое значение. *Ред. Н. Г.*

ему недругу. К колдуну обращается за помощью и парень, полюбивший красную девицу, и непользующийся её взаимностью, и красная девица, желающая присушить к себе доброго молодца. Вот заговор на любовь красной девицы.

«На море на окиани, на острове буяни лежит доска, на той доске лежит тоска, с доски в воду, из воды в полымя, из полымя выбежал сатанина, кричит: Павушка романея, беги поскорее, дуй рабе (такой то) в губы и в зубы, в её кости и пакости, в её тело белое, в её сердце ретивое, в её печень чёрную, чтобы раба (такая то) тосковала всякий час, всякую минуту, по полудням, по полуночам, ела бы не ела, пила бы не запила, спала бы не заспала, а всё бы тосковала, чтоб он ей был лучше чужова молодца, лучше родного отца, лучше родной матери, лучше роду племени. Замыкаю свой заговор семьюдесятью цепями, бросаю ключ в океан море, под бел горюч ключ Алатырь. Кто мудренее меня взыщется, кто перетаскает из моря весь песок, тот отгонит тоску». После этого заговора нападает на девицу злая тоска, печаль по добром молодце, она будет спать и его видеть, и уж наверняка будет принадлежать ему.

Колдун и по смерти своей не останется в покое; он каждую ночь выходит из могилы, в саване и приходит в тот дом, где жил и в дома своих родственников и знакомых, ходит по деревни и пугает проходящих. Это происходит до пения петухов; как пропоёт петух, так мертвец исчезает. Чтобы избавиться от таких ночных путешествий колдуна-мертвеца, народное суеверие доходит до крайних сумасбродных и даже преступных мер.

Все эти бредни и вздорные осадки прежнего тёмного крестьянского мира видимо изчезают как туман пред разсветом и разсвет этот – школы и народные чтения. *Н. Гурвич*[1].

Колдуны бывают в редких деревнях, чаще же встречаются в сёлах знахари и знахарки; они неимеют такой силы, как колдуны и с нечистыми не водятся но знакомы со многими наговорами, с помощью которых могут лечить порчу и другие болезни. Знахари и знахарки пользуются простотой и доверием крестьян и обманывают их. Знахари, как я упоминал выше, в Егорий день, по приглашению крестьян, заговаривают скот от падежа. Пчелякам они заговаривают пчёл при садке роя: «сажаю роя не я, сажают светлые звёзды, рогоносный месяц, и красное солнышко, сажают и укорачивают (т. е. укрощают)»; это повторяют

---

[1] Примечание редактора газеты Н.А. Гурвича в конце статьи М.В. Колесникова. Это же заключение будет и в следующем номере.

два раза. Знахари заговаривают в скотине в ранах червь; заламывают их так: вырывают из больной скотины клок шерсти, наговаривают её и сделав топором в столбе ворот трещину, вбивают туда эту шерсть. Знахарь имеет заговоры от мора, пожара, останавливает заговорами кровь при порезах, лечит и от других болезней: злой тоски, печали, боязни, порчи и от запоя. Вот ещё один заговор от болезни: «соль солёна, роса горька, уголь чёрен, нашепчите, наговорите мою воду в миске (для такого то дела); ты соль услади, ты зола огорчи, ты уголь очерни; моя соль крепка, моя зола горька, мой уголь чёрен, кто выпьет мою воду, отпадут все недуги; кто съест мою соль, от того откачнутся все болезни; кто полижет мою золу, от того отбегнут лихие болезни; кто сотрёт зубами уголь, от того отлетят узороки со всеми призороками».

По мнению крестьян знахари и знахарки, особенно искусные, выдаются между инородцами и преимущественно из вотяков и чуваш. Какие у них способы ворожбы, мне не приходилось видеть, так как мне мало приходилось сталкиваться с этими народами и никогда не доводилось жить в их селениях.

В русских сёлах существует ещё поверье о ведьмах. Народная фантазия создала между прочим следующее о них поверье, именно, что ведьма ночью обращается в свинью, собаку, кошку и бродит по деревне, ходит по дворам, доит коров (и подоеная ведьмою корова портится), бросается на проходящих людей и тогда отогнать от себя ведьму можно не иначе, как только махая полой на отмаш, или же разорвать на себе рубаху – и ведьма волей не волей должна обратиться из животного в человека и таким способом можно узнать личнос[т]ь ведьмы.

К утру ведьма принимает опять вид человека. Все ведьмы злы и могут причинить много вреда. Они например, у беременной женщины могут подменить ребёнка головяшкой, веником, поленом и тогда несчастная долго чахнет и умирает. Чтобы гарантировать себя от такого несчастия, беременная женщина, должна спать не вдоль, а поперёк досок, или её муж во время сна должен класть свои ноги на ноги беременной жены своей.

Народные сказы и легенды.

Легенды имеют ту особенность, что останавливается исключительно на предметах, принадлежащих к области христианских верований и религиозной морали. Не беден легендами русский простой народ; легенды эти передаются из уст в уста от отцов к детям и внукам; они поддерживаются разными странниками, странствующими по свят. местам и останавливающимися переночевать в селении, и черничками, т. е. старыми де-

вами, бросившими всякие думы о замужестве и заменивши свои цветные сарафаны на чёрные. Они не участвуют ни в хороводах, ни в вечёрках, ведут строгую жизнь. Они большею частью грамотные, читают книги религиозного содержания и поэтому пользуются всеобщим уважением. Живут они в отдельных избах, которые отличаются от прочих своею чистотою, опрятностью и уютностью.

Опишу некоторые из легенд.

«За несколько сот вёрст, дальше Иерусалима, есть дом царя Давида; в нём столько окон, сколько в году имеется дней, и солнце каждый день светит только в одно окно по очереди. В доме этом есть двое ворот – одни золотые (другие говорят красные) и другие чёрные. Первые из них есть врата рая, которыми при страшном суде господнем войдут в рай праведники, а вторые врата ада – в них войдут грешники в ад в страшный день Господнев. За чёрными воротами и сейчас слышны, звон цепей, гул, шум и стоны».

«Воробей проклят Богом, так как он приносил жидам гвозди, для распятия Христа, когда же Спаситель был уже распят, голубь сидел над ним и ворковал "умер, умер"; воробей же щебетал "жив, жив"; евреи поверили воробью и пронзили копьём ребро христу». Благодаря этой легенде, крестьяне не любят и преследуют воробьёв, а их дети безпощадно разоряют гнёзда бедных, ничем не повинных, птиц».

«Медведь произошёл от пчеляка, который хотел испугать Спасителя с апостолами, ходивших по земле, и, выворотив шубу, из за дерева на четвереньках выскочил в ней на них, за это Спаситель обратил его в медведя».

«Библию нельзя прочитать от крышки до крышки, (от начала до конца), а если кто и вздумает её прочитать, то перед концом чтения сойдёт с ума».

«Земля держится на трёх китах».

«Зеркало создал чорт бабам».

Народные поверия и приметы.

У крестьян, как говорится, на каждом шагу своя примета. Во многих приметах проглядывает природная мудрость, знание и наблюдательность русского народа.

В лунный ущерб не должно засевать земли, иначе будет плохой урожай.

При начале посева крестьяне, войдя в поле, молятся на три стороны, исключая северной, так как там никогда не бывает солнца и оттуда дуют неблагоприятные для земледелия ветры.

Если весною будет много воды на полях, то зима будет ран-

няя и обильная снегом.

Дождь в маслянницу – к урожаю льна.

Если в Егорьев день утро было ясное, то ранний посев будет хорош; если же утро пасмурное, а вечер ясный, то посев будет хорош поздний, по этим соображениям крестьянин сеет хлеб. Егорий с росой – Никола с травой, говорит крестьянин; Егорий с теплом – Никола с кормом; если в Егорий день будет дождь – скоту будет лёгкий год, а гречи не род. В этот день роса к овсу, снег и крупа к урожаю на гречу; мороз – к урожаю проса и овса.

Если на крещенье (6 января) день будет пасмурный, то и хлеб будет тёмный. На крещенье снег идёт – к урожаю. Звёздная ночь обещает урожай ягод и гороха.

Если в Евдокию (1 марта) будет ясный день, то нужно ожидать урожай на огурцы и грузди, если же будет дождь, то будет мокрое лето; откуда ветер подует в Евдокию, оттуда и всё лето.

40 мучеников – 40 утренников, т. е. со дня 40 мучеников непременно должно быть впереди 40 морозов, счёт которых нужен крестьянам для соображения посева гречи.

Алексей Божий человек – с гор потоки.

Какое утро на благовещенье, такое и на пасху. В благовещение птица гнезда не вьёт и людям грешно работать. Если на благовещение будет дождь, то – родится рожь.

15 апреля св. Пуда достают пчёл из омшеника.

Если в мае месяце будут частые дожди, то будет хорошая рожь.

2 мая – Борис и Глеб сеют хлеб.

Если в Николу (6 мая) лягушка квакнет, то урожай хорош на овёс.

11 мая, Мокия – если день этот мокрый или туманный, то всё лето будет мокро. Восход солнца багровый – всё лето грозное.

Если на троициной недели будет дождь, то много грибов будет.

Сильная роса на Иванов день (24 июня) – к урожаю огурцов.

В Петров день (29 июля) если будет видна зарница – хлеб зорит; дождь в этот день – к урожаю.

Если осенью много желудей – к тёплой зиме и к плодородному лету.

Много мышей в лесу осенью – к неурожаю.

Бабье лето (с 1 по 8 сентября) тенетное – осень ясная, зима холодная. Бабье лето ненастное – осень будет ясная, и на оборот, если бабье лето ведрено, то и вся осень будет ненастная и холод-

ная.

Если в ноябре тепло, будет весна холодна.

Мокрая осень – к урожаю.

Поздний листопад – к тяжёлому году.

Если лист ложится на земь вверх изнанкой – к урожаю.

Если в Покров Пресв. Богородицы с востока дует ветер, то зима холодная будет.

Если лёд становится на реке грудами, будет и хлеба груды.

(Продолжение будет)[1].

(Уфимские губернские ведомости. 1888. 14, 21 мая, 18, 25 июня, 2 июля, 3 сентября, 1, 15 октября; 1889. 7, 14, 21 января, 11, 18 февраля, 11 марта, 8 апреля, 27 мая, 3, 24 июня, 22 июля, 5, 12, 26 августа, 9 сентября; 1890. 10, 17, 24 февраля, 10 марта, 13, 20, 27 октября, 24 ноября)

[1] Но дальнейшего продолжения статьи не последовало.

IV. Александр Васильевич Черников-Анучин

Имя А.В. Черникова-Анучина (около 1836 – 1899) вошло в летопись уфимского краеведения как одного из первых местных жителей, увлекавшихся археологией. Выходец из древнейшего уфимского дворянского рода, он вместе с Р.Г. Игнатьевым спасал остатки историко-культурного наследия, сотрудничал с Московским археологическим обществом[1]. Профессиональная оценка археологического наследства А.В. Черникова-Анучина дана в статьях Г.Н. Гарустовича[2]. Основные вехи биографии изложены в следующем некрологе в 1899 г.:

«20 сего декабря, в г. Уфе, скончался от разрыва сердца один из видных, бывших общественных деятелей местного края, Александр Васильевич Черников-Анучин. Покойный А.В. в последнее время страдал сильными ревматическими болями и находился на излечении в Уфимской губернской земской больнице; получив некоторое облегчение, он, несколько дней тому назад, выписался из больницы, но смерть, как видно, стерегла его с другой стороны.

А.В. имел около 63 лет от роду; происходил из потомственных дворян Уфимской губернии. Получив воспитание в частном учебном заведении, покойный, в 1853 году, поступил в военную службу, но так как последняя весьма мало соответствовала его мягкому незлобивому характеру, то он вскоре вышел в отставку в чине прапорщика. После того, А.В. служил некоторое время (около 5 лет) лесничим в Оренбургской губернии, но большую часть своей жизни провёл на частной службе, управляя большими имениями покойного Ф.И. Базилевского, у которого он пользовался до конца своей службы громадным доверием.

В 1886 году А.В. был избран очередным Уфимским губернским собранием кандидатом к уездному предводителю дворянства, с какового времени неоднократно и исполнял обязанности как уездного предводителя, так и губернского, за временными их отсутствиями. Состоя в то-же время членом: Уфимского губернского музея, уральского общества любителей естествозна-

---

[1] Подробнее см. вступительные статьи: *Игнатьев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов. Т. V: 1873–1875 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2011; Т. VI: 1875–1879, 1862, 1864 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2012; Т. IX: 1883–1886 годы; работы разных лет. Уфа [Электронный ресурс], 2013; др.

[2] См., напр.: *Гарустович Г.Н.* Культовый «канделябр» с территории Башкортостана: светильник или жезл? // Вестник АН РБ. Т. 19. № 1. Уфа, 2014. С. 56–62.

ния, членом сотрудником Оренбургского отдела Императорского русского географического общества, членом-корреспондентом Императорского Московского археологического общества, членом Императорского вольно-экономического общества, – покойный посвящал часы своего досуга и литературным трудам, участвуя в качестве сотрудника столичных изданий и местных Губернских Ведомостей.

Как человек, А.В. был в высшей степени добрый, обходительный, ласковый. Принадлежа к старинному дворянскому роду, он, однако, в обращении своём с знакомыми-ли, с сослуживцами-ли, с подчинёнными-ли, не делал никаких сословных подразделений, а искал прежде всего в человеке его умственную и душевную сторону. Мир праху твоему, добрый человек! *И. Тюнин*»[1].

А.В. Черников-Анучин сотрудничал с несколькими научными обществами и его литературное наследие ещё ждёт своего исследователя, отметим лишь, что он редко выступал в уфимской прессе. Так, в 1887 г. вышла его большая публикация «По поводу статьи "Несколько фактов из сферы" раскольников Уфимской Епархии Н.П. Тюнина»[2], в 1891 г. он вспомнил заложенную Р.Г. Игнатьевым традицию поминания героев защитников Уфы в статье «117-я годовщина избавления города Уфы от осады её мятежными шайками самозванца Пугачёва»[3]. В следующем году вышла заметка Черникова-Анучина «Археологическая находка», где он рассказал как летом 1891 г. около дер. Надеждино Покровской волости Уфимского уезда при распашке нашли много монет, часть которых поступила в губернский музей (среди них деньги 1533–1538 гг.)[4].

Именно в начале 1890-х гг. А.В. Черников-Анучин основательно увлекается литературным творчеством. Осенью 1892 г. в уфимских «ведомостях» выходит его историко-этнографический этюд «Несколько слов о происхождении юбилеев, значении их и влиянии на культуру человеческих обществ вообще и, по поводу истекшего 300 летия от основания в башкирии первого русского города Уфы, в частности»[5]. Этюд заполнен общими и длинными рассуждениями на историософские сюжеты, которые автор продолжил и в следующем году, дойдя, наконец, до конкретики

---

[1] Уфимские губернские ведомости. 1899. 24 декабря.
[2] Там же. 1887. 29 августа.
[3] Там же. 1891. 16 марта.
[4] Там же. 1892. 22 февраля.
[5] Там же. 21, 28 ноября, 12, 19 декабря.

башкиро-венгерской теории[1]. Затем свой опус А.В. Черников-Анучин продолжил уже под заголовком «О древних обитателях Уфимского края», где попытался реконструировать по сохранившимся историко-археологические материалам облик древнего, дорусского города «Тура-тав или Уфа». Среди абстрактной реконструкции Черников-Анучин упоминает о некоторых конкретных фактах. К примеру, отмечал, что «на высоких местах, были сторожевые башни из дерева и дикого (известкового) камня, следы которых хорошо были видны ещё в конце XVIII ст.»[2].

А с марта 1893 г. в «Уфимских губернских ведомостях» начали печатать большой сериал о протоиерее Ф.И. Базилевском, полностью публикуемый далее. Наверняка, заказал эту статью внук и тёзка – крупнейший российский предприниматель Фёдор Иванович Базилевский, чьими имениями управлял А.В. Черников-Анучин. Под защитой такого могучего спонсора он даже позволял себе жёсткую критику нравов православной церкви, вынудив редактора Н.А. Гурвича смягчать восприятие текста «дипломатическими» ссылками. Ценность этой работы А.В. Черникова-Анучина в источниках, к которым был допущен, которые смог собрать и которые почти полностью погибли в пожарах «красного колеса». В последующие годы А.В. Черников-Анучин больше ничего не публиковал, как ясно из некролога, он тяжело болел и скончался в 1899 г., пережив своего спонсора и покровителя всего на четыре года.

Фамилия Базилевских «гремела» в Уфимском крае в течение почти всего XIX столетия[3]. Сын стерлитамакского протоиерея Иван Фёдорович Базилевский (1791 г. р.) вошёл в ряды крупнейших предпринимателей Российской империи, занимаясь винными откупами и золотодобычей[4]. В Уфе И.Ф. Базилевский (проживал он в основном в Санкт-Петербурге) выступал главным меценатом[5], жертвуя средства на самые различные проекты. К примеру, он выделил «на постройку в г. Уфе здания театра

---

[1] Там же. 1893. 9 января.

[2] Там же. 23 января (статья эта выходила также в номерах за 16, 30 января, 6 февраля).

[3] См. также: *Гудкова З.И.* Предприниматели Южного Урала. Уфа, 2003. С. 150–160 («Уфимские золотопромышленники Базилевские»); *Григорьева Ольга.* Казанский собор // Бельские просторы. 2004. № 11.

[4] См.: http://ptiburdukov.ru/index.php?page=history&calendar&n=404; http://baza.vgdru.com/1/2565/10.htm.

[5] С 1859 г. И.Ф. Базилевский – член-благотворитель Уфимского попечительного о бедных комитета (Очерк основания и 50 летней деятельности уфимского попечительного о бедных комитета. Императорского Человеколюбивого Общества. СПб., 1871. С. 45).

шесть тысяч рублей»[1] (получил его имя). В честь почётного гражданина города Уфы, «щедродателя на благоустроение города, Ивана Фёдоровича Базилевского» началу совр. улицы Ленина (Центральной) от реки до Верхне-Торговой площади в 1875 г. городская дума присвоила имя Базилевского[2]. Когда в 1877 г. возникла угроза изменения русла реки Белой, именно Базилевский обещал за свой счёт прорыть канал, передав губернатору вдобавок 3000 руб. на устройство водопровода[3]. Умер Иван Фёдорович Базилевский 24 апреля 1878 г.[4]

Среди многообразного бизнеса И.Ф. Базилевского отметим его участие в начале пароходного сообщения в крае. Осенью 1866 г. в Уфу прибыл пароход И.Ф. Базилевского, отправленный из Санкт-Петербурга «с исключительною целью – доставить сюда иконостас для устраиваемой Г. Базилевским церкви в г. Стерлитамаке». 30-сильному с осадкой в 3 фута пароходу владелец присвоил необычное название «Маннатура» (с татарского – «вон он где») в честь любимой присказки его отца, протоиерея Ф.И. Базилевского. А 2 октября 1866 г. уфимское общество совершило на «Маннатуре» приятную прогулку по Белой[5].

Пароход, видимо, остался зимовать здесь. В следующую навигацию появилась реклама легкопассажирского парохода «Манатура» Базилевского с каютами 3 классов и буфетом, который со 2 мая 1867 г. раз в неделю совершал рейсы из Уфы до Набережных Челнов и обратно[6]. Это была одна из первых попыток организовать регулярные пассажирские перевозки по Белой.

Как и другие разбогатевшие предприниматели той поры И.Ф. Базилевский часть капиталов пускал на приобретение земли, уже в дореформенную эпоху он стал владельцем ряда имений с крепостными крестьянами в нескольких уездах Оренбургской губернии. Так, в 1854 г. он приобрёл бывшее поместье Моисеевых. По сведениям за 1874 г. Иван Фёдорович Базилевский (и супруга) являлись собственниками нескольких крупных владений только в Уфимском уезде. В 1881 г. уже Фёдор Иванович Базилевский с матерью (Варварой Петровной) имели в

---

[1] Уфимские губернские ведомости. 1875. 16 августа.

[2] *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные. Относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел IV. С. 18.

[3] Историко-краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / составитель М.И. Роднов. Уфа, 2014. С. 88–89.

[4] Оренбургский листок. 1878. 21 мая.

[5] Уфимские губернские ведомости. 1866. 8 октября.

[6] Там же. 1867. 29 апреля, 19, 26 августа.

Уфимском уезде свыше 31 тыс. дес. земли[1], включая имение в пригородной Миловке. Там управляющим и служил у Базилевских А.В. Черников-Анучин.

В 1873 г. Р.Г. Игнатьев получил «извещение от управляющего Уфимскими имениями г. Базилевского, А.В. Черникова-Анучина». Весною 1872 г. Черников-Анучин в имении Базилевского, в трёх верстах от Миловки нашёл клад бронзовых серпов и иных артефактов[2].

Внук – Фёдор Иванович Базилевский (1834 г. р.) продолжал выступать меценатом для Уфимского края, в 1886 г., например, к 300-летнему юбилею Уфы пожертвовал 3000 руб.[3], на его средства были изданы работа П.И. Рычкова и ландкарта Красильникова[4]. Умер Фёдор Иванович Базилевский в Санкт-Петербурге 4 января 1895 г.[5], похоронен, как и отец, на Никольском кладбище Александро-Невской лавры[6].

На протяжении десятилетий титулярный советник А.В. Черников-Анучин, уфимский уездный предводитель дворянства, председатель уездного по питейных делам присутствия и т. д., входил в круг историков-краеведов Уфы, был членом губернского статистического комитета[7], одним из блюстителей губернского музея[8], а когда в 1891 г. приводили в порядок библиотеку статкомитета, А.В. Черникову-Анучину, одному из четырёх (П.Г. Резанцев, Н.А. Гурвич, А.А. Пекер и он), поручили географию, путешествия, картографию, военные и морские науки[9], что свидетельствует о признании заслуг Александра Васильевича в местном историко-краеведческом сообществе. Его литературное наследие не очень велико и не стало ещё предметом отдельного изучения, но он внёс свой вклад, сколько смог.

---

[1] *Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С. 41, 47, 67–77, 91, 194. Сам же А.В. Черников-Анучин в Богородской волости Уфимского уезда на 1895 г. имел 105 дес. (Там же. С. 112).

[2] *Игнатьев Р.Г.* Указ. соч. Т. IV: 1873 год. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 269.

[3] Уфимские губернские ведомости. 1886. 19 июля.

[4] См.: *Матвиевская Галина.* Труды П.И. Рычкова в оренбургских изданиях XIX в. // Гостиный двор (Оренбург) // http://orenlit.ru/tvorchestvo/v-zerkale-istorii/trudyi-pi-ryichkova-v-orenburgskih-izdaniyah-xix-v.html.

[5] Уфимские губернские ведомости. 1895. 10 января.

[6] [*Саитов В.*] *Николай Михайлович, Великий Князь.* Петербургский некрополь. Том первый (А – Г). СПб., 1912. С. 124.

[7] Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года / сост. Н.А. Гурвич. Уфа, 1889. Отдел I. С. 3, 11, 87.

[8] Календарь Уфимской губернии на 1893 год. Уфа, 1893. Отдел IV. С. 34.

[9] Уфимские губернские ведомости. 1891. 22 июня.

Деятели и замечательные люди прошлого в Оренбургском крае, до разделения территории его на три самостоятельные губернии: Уфимскую, Оренбургскую и Самарскую[1].

I.
Протоиерей Фёдор Иванович Базилевский[2].
(1757–1848 гг.)

(Статья А.В. Черникова-Анучина).

На выезде из г. Стерлитамака (Уфимск. губ.), красуется каменный кладбищенский храм св. муч. Феодора Стратилата[3], не подалёку от которого погребён протоиерей Фёдор Иванович Базилевский. Останки этого, замечательного и передового человека прошедшего столетия, покоются в особом, временном, каменном склепе и на надгробии его сделана следующая краткая биография: «здесь покоится прах Протоиерея г. Стерлитамака Феодора Ивановича Базилевского, скончавшегося 26 июля 1848 года. В продолжение жизни проходил должности: 1775 г. дьяконом в

---

[1] Мы предположили поместить здесь ряд статей о деятелях и замечательных людях Оренбургского края, как материалы для истории его. *Автор.* Примечание А.В. Черникова-Анучина, видимо, собиравшегося подготовить работы и о других людях, но замысел не был реализован. Далее все примечания, кроме оговоренных, принадлежат автору. Первые две сноски повторялись и в последующих номерах газеты.

[2] Материалами настоящей статье послужили: архивные дела Уфимской духовной консистории, Стерлитамакско[г]о Казанско-Богородицкого собора, Уфимского дворянского депутатского собрания о дворянском роде гг. Базилевских, Уфимского губернского правления о волнении крестьян гг. Левашовых, Наумовых, Зубовых и других в 1837 г., бывшего Стерлитамакского городнического правления, разсказы: православных и раскольников г. Стерлитамака и протоиерея Д.И. Субботина, сведения, сообщённые Р.Г. Игнатьевым, записки и бумаги протоиерея Ф.И. Базилевского и священника И.П. Бреева и сведения, собранные автором из других источников.

[3] Церковь эта построена д. с. с. И.Ф. Базилевским, сыном покойного, в честь своего отца, с фамильным склепом, где уже покоятся ныне прахи: жены покойного протоиерея Натальи Стефановны Базилевской, внука их, священника г. Стерлитамака И.П. Бреева и дочери последнего, девицы Марфы Ивановны. Сюда же предположено перенести из временного склепа на кладбище останки и самого протоиерея Ф.И. Базилевского. Постройка храма обошлась в 19/т. рублей; самый же храм замечателен по своему иконостасу, св. иконы в котором писаны на медных досках, а местный храмовой образ св. муч. Феодора Стратилата изображает собою верный портрет покойного протоиерея Ф.И. Базилевского в лета его зрелости. Помянутые св. иконы писаны, как видно из церковных документов, в Спб. и стоят более 2000 руб. Утварь и ризница в церкви также замечательны.

Преображенском заводе, 1793 г. дьяконом в г. Стерлитамаке, 1799 г. священником и благочинным, 1818 г. протоиереем, имея набедренник, скуфью, камилавку, бронзовый за 1812 год и золотой – наперстные кресты и орден св. в. князя Владимира 4-й степени. Жизни его было 91 год. Мир тебе блаженный отче! Твои ревностные труды и любовь пасомых чад твоих в род и род пребудут незабвенными и личное наше с тобою свидание обрадует тебя и нас наградою от Бога. Аминь. – От священника Бреева»[1].

Жизнь, служба церкви и государству и общественная деятельность протоиерея Базилевского, имеют тесную связь с некоторыми историческими событиями края, в котором жил этот русский деятель и замечательный человек XVIII столетия.

Намереваясь приступить к собранию материалов, для составления биографии о. Феодора, я спросил однажды жителя г. Стерлитамака[2], кто это был протоиерей Базилевский? – житель отвечал: «Базилевский, прежде всего, был человек, в полном смысле этого слова, любивший всех и каждого без различия веры, науки и убеждения, примерный священник и отличных качеств по душе, уму и сердцу. Он сделал много в жизни своей добра и своим и чужим и такого наставителя, как покойный Фёдор Иванович, небыло в Стерлитамаке, да и будет ли ещё когда такой человек у нас? За это и Господь наделил его потомство умом,

---

[1] Надпись эта сделана родным внуком покойного протоиерея Базилевского, священником г. Стерлитамака, Иваном Петровичем Бреевым, сыном родной дочери о. Феодора – Марфы Фёдоровны, бывшей в замужестве за священником П.А. Бреевым, за отцём автора надгробной надписи – *прим. авт.*

По сведениям протоиерея Матвея Кречетова в 1909 г. на могиле Ф.И. Базилевского была следующая надпись: «Здесь покоится прах Протоиерея г. Стерлитамака Феодора Ивановича Базилевскаго скончавшагося 26 июля 1848 года, в продолжении жизни проходил должности дьячка в Преображенском заводе 1793 года, диаконом в Стерлитамаке 1799 года, Священником и Благочинным 1811 года, Протоиереем 1818 г., имеет набедренник, скуфью, камилавку, бронзовый за 1812 г. и золотой наперстный кресты и орден Владимира 4 ст. Жития его было 91 год. Мир тебе блаженный Отче! Твои ревностные труды и любовь пасомых чад твоих в род и род пребудет незабвенными и личное наше с тобою свидание обрадует тебя и нас вечною наградою от Бога. Аминь. От Священника Бреева». На этом же кладбище были похоронены стерлитамакский священник Пётр Антонович Бреев, умер от холеры 9 июня 1848 г. в возрасте 69 лет, в сане иерея служил 39 лет; а также стерлитамакский священник Иоанн Петрович Бреев, скончавшийся 16 октября 1863 г. на 53-м году жизни (РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 40. Л. 141 и об.) – *прим. составителя.*

[2] Житель этот, как и я узнал впоследствии, был местный купец-раскольнич Поморской секты N. *Авт.*

богатством и знатностью, которое и до настоящего времени продолжает начатые им дела благотворения, известные всему Оренбургскому краю».

Протоиерей Фёдор Иванович Базилевский родился в 1757 году, в бывшей Зилаирской (ныне упразднена) крепости, Оренбургского казачьего войска; родители его были: священник этой крепости Иван Андреевич Шишков, а мать Мелания Иродионовна, биография которых нам неизвестна и оффициальных о них сведений нет, кроме лишь того, что они, как говорит сам о. Фёдор, при всём желании дать сыну своему надлежащее по тому времени образование, благодаря отсутствию духовных училищ в Оренбургском крае, кроме Казанской семинарии, называвшейся тогда академиею, никак не могли, тем более, что это заведение было доступно только для людей достаточных, к которым родители о. Фёдора не принадлежали, да и разстояние г. Казани от Зилаирской крепости было более чем на 1000 вёрст, почему Иван Андреевич и Мелания Иродионовна порешили учить сына своего дома, чтобы, насколько возможно будет, приготовить его для духовной службы. И, вот, Фёдор Иванович, обладая от природы светлым умом и отличными способностями, успешно обучился грамоте, Закону Божию, церковному уставу, пению по церковному обиходу и хорошо владел на счётах и, затем, пробывши в доме родителей до 28 летнего возраста, исправляя в тоже время обязанности пономаря в Покровской церкви, при отце своём, 12 февраля 1786 года, в г. Казани[1], Архиепископом Казанским и Свияжским Амвросием Подобедовым, поставлен в дьячки, к церкви Преображения Господня, в Преображенский завод Оренбургской губернии, где более 7-ми лет проходил это служение похвально, избравши себе, в это время, подругу жизни из казачьего сословия девицу Наталию Стефановну Дьяконову. 19 февраля 1793 года Ф.И. Шишков, тем же Преосвященным, рукоположен в дьякона, к церкви Покрова Пресвятой Богородицы, в гор. Стерлитамак, приказавшим новопоставленному дьякону писаться, впредь, везде, уже не Шишковым, а Базилевским. Вследствие ли ходатайства своих родителей или его самого последовало такое распоряжение Преосвященного, сведений не имеется.

Город Стерлитамак, как известно из истории Оренбургского края, основанный по проекту Симбирского купца Тетюшина, одобренному в 1766 г. Императрицею Екатериною II, с возведением сочинителя проекта в потомственное дворянство, с чином

[1] Зилаирская крепость прина[д]лежала тогда к Казанской епархии.

коллежского советника, был назван «соляною пристанью»[1], куда привозили из Илецкой защиты соль для сплава её по рр. Белой, Каме и Волге в Нижний-Новгород, а оттуда в Москву и Петербург. В 1781 году Стерлитамак назван уездным городом Уфимского наместничества, а 1782 года получил герб. Когда же, в 1796 году, наместничество было переименовано в Оренбургскую губернию, стал уездным городом этой губернии; при разделении же в 1865 году территории Оренбургской губернии на две самостоятельных: Уфимскую и Оренбургскую, причислен к Уфимской.

Население г. Стерлитамака состояло тогда из русских переселенцев, крещёной мордвы, татар, вышедших, после Пугачёвского бунта, из Казани, в числе более 100 семейств и нескольких человек Москвичей-раскольников, пришедших в Оренбургскую губернию с целию пропаганды, так как в здешних местах, в XVIII ст., представлялось свободное и широкое поле для их деятельности. Так первыми пропагандистами в Стерлитамаке были последователи «безпоповщинской и поморской» сект. Здесь они образовали свою новую секту, под общим и известным названием «старообрядцев», на началах «поморского согласия»: признавать таинства: крещения, покаяния, брака и молитвы за Государя и Царствующего Дома; покланяться изображению осмиконечного креста – металлического или деревянного – безразлично, но без всяких на нём изображений и носить таковой на теле; не признавать церковной иерархии, которой после патриарха Никона, с 1666 года, на земле нет, а осталось только чувственное царство антихриста; особых часовень не устраивать, а богослужение отправлять [в] домах; службу производить без пения, а одного чтения св. писания. Такому уставу держатся Стерлитамакские безпоповцы, а поморцы, напротив, производят службы в домах, но с пением и каждением, утверждая, что в церкви делать это теперь нельзя, потому что на земле её ныне нет – она взята на небо, при этом, без различия пола и возраста, кто хорошо знает св. писание, устав, может читать и петь полунощницу, утреню, часы и вечерню и проч. службы, тот вправе зваться наставником. Эти же наставники или начетчеки совершают у них таинства: крещения, исповеди и брака, прочитывая всё по требнику, пропуская лишь возгласы и эктении, положенные для священика и дьякона. Последняя секта сделала большой успех в Стерлитамаке и его уезде, встретивши особенное сочувствие в

[1] По слиянию же рр. Ашкадара с Стерлёю её называли «Ашкадар[с]кою и Стерлитамакскою пристанью.

крещёной мордве и даже проникла в Оренбург.

Говоря же о Стерлитамакских раскольниках, как о гражданах, нужно заметить, что они весьма трудолюбивый народ, которым обязано благосостояние города. Они почти одни владеют кожевенными, салотопными и мыловаренными заводами в городе и ими же расширена хлебная торговля настолько, что оставляет за ними первенство.

Сюда-то Бог привёл служить молодого дьякона Ф. Базилевского.

Добрая нравственность, усердие к своей обязанности, благоговейное отправление церковных служб, обходительность со всеми, без ущерба себе и своему званию, скоро обратили на о. Фёдора общее внимание и любовь прихожан; даже и раскольники, всегдашние противники православного духовенства, и те отозвались с похвалою о новом дьяконе, ища случая познакомиться и сблизиться с ним, чего до этого времени никогда не было и, затем, даже стали появляться в церкви, когда он служил. – Всегдашнее же весёлое настроение духа, приветливость, прямое и ласковое обращение, с находчивостью в беседах, привлекали каждого воспользоваться его присутствием, советом и прямым взглядом на вещи, о которых доводилось говорить с ним.

Раскольники понимали, что молодой дьякон человек недюжинный и поэтому любили побеседовать с ним о «старой вере» вопреки своей догмы: не спорить с Никонианами (православными) о вере, например, «об осмиконечном кресте, двуперстном сложении, сугубом аллилуе, хождении посолонь, о книжном исправлении патриархом Никоном и т. д.

В таких беседах о. Фёдор держал себя серьёзно, кротко, не раздражался и не допускал себе даже малейшего слова или взгляда, могущих показаться обидными и все беседы свои с ними всегда оканчивал какою нибудь шуткою или же любимою им поговоркою «мана-тура»[1] и противники по вере всегда разставались друзьями, уговариваясь, иногда, чтобы опять, и не далее, как на другой день, ещё потолковать о том же. При прощании с раскольниками о. Базилевский постоянно добавлял, что «нам-де не о чем враждовать, все мы, слава Богу, люди русские, одному

---

[1] Слово башкирское, по тесному смыслу перевода означает по русски: «навоть! или вот-те-на! или, ещё, надо-ли-вот!» В память этой поговорки, сын его, И.Ф. Базилевский, соорудил даже не большой пароходик «Мана-тура», плававший по рр. Белой, Каме и Волге, а по переходе его в другие руки, ныне совершает рейсы между Казанью и Свияжском, перевозя богомольцев.

Господу молимся, одному царю служим и властям покорны, а кто и как из нас думает и верует – Бог разсудит». Оставь духовное звание, – не раз говаривали о. Фёдору раскольники, – обогатим, купец будешь; сделаем тебя нашим священником. «Что вы мне говорите? или никогда не читали Кормчьей Книги? отвечал Базилевский, как может быть купец священником или священник купцом? да и зачем вам священник, если вы не признаёте власти епископской, которой поставляются священники? Кто же будет тогда у вас епископом, когда я буду вашим священником? Вы ли Василий Иванович или вы Иван Сергеевич? «Мана тура» господа! и обративши этот разговор в шутку добавил: «я боюсь вас, – вы любите нашего брата перекрещивать, ещё и утопите, а у меня ведь жена и дети, а то, пожалуй, вздумаете вы купать в дубильном чане и тогда у буду не перекрещённый, а одубленный или, того хуже, одуренный человек».

Чрез 6 лет при Стерлитамакской Покровской церкви открылось второе священническое место и жители всех сословий единодушно пожелали иметь на этом месте дьякона Базилевского и просили о том Преосвященного Казанского и Свияжского и, как передают, будто бы, в числе прочих хлопотал один из влиятельных раскольников. Вследствие такой просьбы, 22 сентября 1799 года, в г. Казани, Преосвященным Амвросием, о. Фёдор был рукоположен в священники[1].

По возвращении в Стерлитамак новорукоположенный, в первый же воскресный день, после литургии, обратился к прихожанам с такою речью: «соизволением Божиим и избранием вашим я, недостойный служитель его, никогда не искавший и не готовый к принятию на себя сана священника, поставлен сему храму, хотя и младшим, но граду сему пастырем. Здесь, в храме Бога живого, вездесущего, сердца и утробы испытующего, сокровенное всё предведующего, я сердечно желаю всякому из вас, здесь предстоящему, и всем вообще людям, кончая самим собою, создать из самих себя храм живущего духа святого. Каким же образом созидается такой храм? Он созидается чистою верою, чистою совестию и добрыми делами» … И, затем, между прочим, добавил: «стараясь создать и украсить наш внутренний храм, нам, однако, следует ещё подумать и об устроении храма рукотворённого. – Я говорю нашей ветхой, а по причине увеличения населения города, тесной церкви, немогущей вмещать в себе всех желающих молиться в ней. Нужно ли говорить о том,

[1] В этом году, как донёс губернскому правлению Стерлитамакский городничий, было в городе 2628 человек, в числе которых православных 1890, а остальные (738) раскольники.

что известно каждому православному христианину, что «Всевышний возлюби благолепие дома своего» и что «доброхотного дателя любит Бог» и что благолепно украшенный храм Божий на земли наглядно изображает собою небесные красоты рая: «Яко же вышния твери благолепие нижнюю показал еси красоту вселенныя славы твоея Господи, утверди сию во век веки и приими приносимыя непрестанныя моления наши»[1]. Этою речью о. Фёдор напомнил прихожанам, что давно пора позаботиться о возведении нового храма, в городе, вместо ветхой деревянной церкви Покрова Богородицы, ибо раньше сего, он, бывши дьяконом, не имел возможности и не мог открыто высказывать своих мыслей об этом предмете пред приходом. С этого времени начинается период серьозного служения о. Фёдора церкви, государству и отечеству.

Занявши священническое место в Стерлитамаке о. Базилевский понимал, на какой пост он был поставлен служить и глубоко постигал, что правительство лишь только начинало ещё преследовать свои дела в этом крае, с самоотвержением и от всей души посвятил всего себя служению церковной и общественной деятельности. Нужно принять в соображение тогдашнее положение духовенства в этом отдалённом крае, и то время, когда о. Фёдор жил, куда образованные люди не шли в духовный чин, где местное духовенство состояло из лиц едва грамотных, державшихся от прихожан вдалеке особняком и не могло, по этому, иметь к себе ни расположения, ни уважения, а тем более доверия от православных, а раскольники считали таковых ярыми гонителями своими. Если и посылались в Оренбургскую епархию священники из внутренних губерний, как видно из архивных дел Уфи[м]ской духовной консистории, то более за проступки.

Но, вот, является о. Базилевский, самородок по уму, честнейший, душевный и чуждый пороков человек, и становится примерным исключением, обратив на себя внимание не только православных и раскольников, но даже язычников.

Об осуществлении мысли устроить в Стерлитамаке каменный храм, в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы, о. Фёдор хотя и преследовал в течении всей своей жизни и службы и которой весь приход сочувствовал, но Бог судил осущес[т]виться ей уже после его смерти, ибо малочисленное и бедное православное население города и отсутствие в его время ка-

---

[1] Песнь на освящение храма и 13 сентября в день обновления храма Воскресения Господня в Иерусалиме.

питальных людей воспрепятствовали этому плану, так, что вскоре, положено было испросить разрешение на сбор и приглашение доброхотных жертвователей на сооружение храма.

Во время своей деятельности о. Базилевский часто говаривал и высказывал сожаление, что он, «кроме грамоты, катихизиса, церковного устава и пения по нотному обиходу, ничего не знает и поэтому всю жизнь обязан учиться всему, что нужно для меня; за детей же своих теперь я не боюсь и не безпокоюсь, ибо наступают времена лучшие, в которые им будет где и чему учиться, а в моё время ничего этого не было».

В 1800 году, по указу Императора Павла I, открыта Оренбургская и Уфимская епархия, к которой были причислены города: Уфа, Оренбург, Бирск, Мензелинск, Бугуруслан, Бузулук, Стерлитамак, Троицк, Челяба, Верхнеуральск, территория Уральского казачьего войска и все селения на Азиатской линии (границе), бывшие до сего в епархиях: Казанской, Вятской и Тобольской, – Уральское же войско – Астраханской епархии.

В том же году, при первом епископе Оренбургском и Уфимском Амвросии Келембете, открыты в Уфе духовная семинария и училище, а устроителем и основателем семинарии и первым её ректором был профессора Киевской духовной академии иеромонах Тихон, куда о. Базилевский первым долгом счёл немедленно отдать на воспитание двух своих сыновей Ивана и Александра Фёдоровичей.

«Радуясь открытию в Уфе семинарии о. Фёдор говорил: вот теперь наступило у нас "время благоприятное и день спасения".

Усиленная служба и деятельность не изменила образа жизни о. Базилевского. Он по прежнему любил беседовать с раскольниками, которые стали уже называть его тогда добрым из добрых[1].

В виду влияния раскольников на малую православную паству, о. Фёдор не ограничивался одними частными беседами с ними, но и обличал их с церковной кафедры. Так, 14 сентября 1800 г., в слове, произносимом в день Воздвижения Креста Господня, он коснулся и раскола, сказавши между прочим, что «раскольники, бегающие общения с православною церковью, без всякого повода, вопреки истины, ложное своё учение, свою новую ересь, зовут старою верою, себя же величают «длевлими» христианами. Мы де «образ держим до Никона и имеем своё начало от св. равноапостольного князя Владимира». Где же, спра-

[1] Раскольники не называют лиц православного духовенства отцами, а только по имени и отчеству, для о. Фёдора у них было особое название: добрый из добрых.

шивается, в их книгах написано, чтобы древние христиане порицали крест с изображением распятого на нём Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа? Нет, слушатели, они не староверы, а нововеры; учение их есть новая и богопротивная ересь, и[м]и же самими выдуманная, неслыханная и до настоящего времени никому не известная. Мы не отвергаем и раскольничьего креста без изображения Спасителя и в таком виде становим его на церковных главах, ибо такой крест на церковной главе имеет значение только символическое и поставляется не для поклонения, а для отличия храма от других зданий»... Много говорил в этот день о. Фёдор о заблуждениях раскольников.

«Нехорошо, Фёдор Иванович, сказал ему в тот же день, встретившийся раскольник М., ты един можешь так возбудить против нас власти и гонение на нас накликать». – «Я никогда не думал и не думаю возбуждать против вас власти, а тем более накликать на вас какое-то воображаемое вами, гонение», отвечал о. Фёдор, «но желал бы накликать на вас двух, самых лютых гонителей – вашу совесть и ваш собственный здравый смысл». «Ты, Фёдор Иванович, добрая голова, всего лучше молчи, будем жить мирно», сказал купец-раскольник. – «Нет, никогда не замолчу, ибо мне долг совести и присяги приказывают говорить и ещё потому, что вы совращаете православных. Будь я благочинным, я бы вынужден был с вами поссориться, а теперь мне остаётся только убеждать вас в истине», отвечал о. Базилевский.

Труды, усердная и ревностная служба о. Фёдора не могли, конечно, не обратить особого внимания преосвященного Августина Сахарова, епископа Оренбургского и Уфимского, (преемника Амвросия Келембета), который наградил труженика набедренником, а вскоре, по распоряжению его, указом духовной консистории, 1 сентября 1809 года, был назначен благочинным Стерлитамакского округа.

Стерлитамакский уезд, разбросанный в то время на пространстве 18 132 кв. вёрст (1 888 858 десят.), заключал в себе разноплеменный элемент жителей, состоявших из крещёной мордвы, чуваш, государственных, помещичьих и горнозаводских крестьян, дворян, купцов, мещан, отставных солдат и казаков, исповедующих православие, но в числе их было много и раскольников, затем татар, башкир и мещеряков, содержащих ислам (магометанскую религию), где, по VII ревизии, всех жителей мужского пола считалось 398 924 человека. Все русские селения были окружены инородцами, церквей в Стерлитамакском

уезде тогда было мало[1], да и те, почти все, были обязаны своим существованием исключительно заводовладельцам и помещикам, которые нетолько были построителями их, но даже, на свой счёт содержали церковные причты. На весь же Стерлитамакский уезд был тогда один благочинный.

Вступив в управление благочинием, о. Фёдор с горестию увидел нестроение многое: духовенство состояло, как свидетельствуют архивные документы, хранящиеся в местных церквах и консистории, из людей нигде не обучавшихся; постоянные ссоры причтов церковных; доносы и жалобы их друг на друга; притеснения старшими подчинённых; прихожане жаловались на духовенство и наоборот и т. п.

Нерачительность духовных лиц к своим обязанностям, неистовое, как выражаются раскольники, отправление богослужений церковных было не редкостью; сами прихожане, тоже не очень усердны были к церкви и исполнению религиозных обязанностей; не малою причиною тому было, надо полагать, и разстояние многих селений от церквей за 40 и 50 в., многие прихожане годами не бывали в церкви. Так, например, чуваши, окрещённые когда-то при Иоанне Грозном и считавшиеся православными [н]оминально, а в действительности косневшими в грубом язычестве, являлись в церкви только в крайнем случае, единственно лишь для погребения умерших, свадеб, крестин, отправляя, прежде, всё это у себя дома, по своим обрядам. Священники не понимали языка чуваш, а последние русского языка, в особенности церковно-славянского.

При назначении о. Фёдора благочинным, преосвященный Августин сказал: «я на тебя надеюсь, смотри, у меня, благочинный, управь всеми; как следует». – «Приложу всё, что по силе, Владыко! – Ведь другими управлять легче, чем самим собой. – Я первый никак не могу самим собою управить» – отвечал о. Фёдор.

Первым делом о. Базилевского было упорядочение церковной службы, водворение мира между причтами и их пасомыми,

---

[1] В Стерлитамакском уезде было всего 7 церквей, построенных в XVIII ст., а именно: 1) Казанской Божией Матери в Верхоторском заводе в 1788 году, 2) Воскресения Христова в Воскресенском заводе 1788 г., 3) Рождества Христова в с. Васильевке построена – 1799 г., 4) архистратига Михаила в Архангельском заводе – 1789 г., 5) Вознесения Господня и Казанской Божией Матери в с. Табынском, постройка которой произошла в период 1731–1791 г., где была сначала деревянная церковь, а потом каменная; 6) Богоявления (крещения) Господня в Богоявленском заводе (Усолка) – 1795 г. и 7) Покрова Богородицы в с. Куганаке – в 1775 г.

для которых он всегда являлся миротворцем: кого усовестит добрым словом, кого пожурит порядком, а грубых и неукротимых накажет строже; причетников, незнающих своих обязанностей и небрежных, о. Фёдор вызывал в город и там, при себе, под своим руководством, заставлял читать и петь на клиросе и сам обучал их церковному уставу; за маловажные же проступки с подведомых ему лиц взыскивал, как отец с детей. Не любил он о всякой малости доносить по начальству. – «Виноват кто – взыщи с него, но зачем марать аттестацию» говорил о. Фёдор. Канцелярской переписки о. Базилевский не любил, но после смерти его осталось много бумаг, черновых прошений в разные присутственные места, писем и разной переписки частного характера, писанных его рукою, по которым нельзя не убедиться, что он хорошо владел русским языком и логикою.

Посещая церкви своего благочиния, о. Фёдор поучал народ исполнять христианские и гражданские обязанности по отношению к церкви, духовенству и властям, а обличая разные суеверия народные, убеждал, например, о необходимости привития оспы, так как многие, соблазнялись внушениями раскольников, считающих привитие таковой клеймом антихриста и учивших привитую оспу смывать, не разумея, что от этого увеличивается смертность и обращается в эпидемию, поражающую нетолько детей, но и взрослых. Обращая особенное внимание на чуваш, о. Фёдор сожалел, что не знает их языка и признавал не[о]бходимость устройства в их селениях церквей, определяя к таковым священников, знающих чувашский язык, о чём и делал даже представления епархиальному начальству и высказывал о пользе преподавания в семинарии инородческих языков, а в особенности чувашского и татарского, и настоятельной нужде перевода на эти языки, хотя бы некоторых из самых употребительных молитв, и составления учебника чуваш[с]кого языка, каким говорят они в Оренбургской губернии. Таким образом о. Базилевский, за многие десятки лет до нашего времени, предполагал то, чего ещё не осуществилось и теперь. Правда, что в 60 годах настоящего столетия, хотя и возникли приходы в чувашских селениях Оренбургского края, под названием миссионерских, но без таких пастырей, каких желал о. Фёдор, чуваши, в отношении православия, долго не изменялись: построенные церкви были пусты по прежнему, поклонение «злому Кереметю, доброму Тору» и прочим их языческим богам всё ещё продолжалось.

29 августа 1811 года о. Фёдор был назначен членом Стерлитамакского оспенного комитета, но, к сожалению, комитет

этот, по недостатку в оспопрививателях, задачи своей выполнить не мог, но о. Базилевский и здесь не оставался безгласным: – он делал соответственные заявления комитету о необходимости взойти, куда следует, с представлением о командировании в Казань крестьянских и башкирских мальчиков, для обучения оспопрививания.

С наступлением тяжёлого для России 1812 года Оренбургская губерния, хотя и отдалённая от театра войны, не могла не откликнуться на общее святое дело обороны, чтобы участвовать в пожертвовании на сформирование государственного подвижного ополчения. И в это время о. Фёдор является одним из главных деятелей. Он неустанным пастырским словом убеждал помещиков, заводовладельцев и прихожан к пожертвованиям на общее дело России.

Тогдашний преосвященный Августин, епископ Оренбургский и Уфимский, был в высшей степени законник и любитель канцелярской формалистики, требовавший и от подведомственных ему благочинных формальных докладов и рапортов[1], спросил, однажды, о. Фёдора Базилевского, «почему он, благочинный, не пишет ему своих докладов на бумаге, а делает словесно?» – «То, что представлено моей власти, я всегда кончаю словесно и не люблю писать лишнего, а приступаю к бумаге только там, где это необходимо и не отступлю от этого покуда жив», смело отвечал о. Фёдор и преосвященный, после того, уже не делал ему подобных вопросов.

Когда случалось о. Базилевскому приезжать в Уфу, по службе, к нему всегда являлись консисторские столоначальники и писцы, чтобы поздравить его с приездом. Приняв их очень ласково, подарит, бывало, каждому столоначальнику по синенькой, пятирублёвой ассигнации, а писцу по одному или по два целковых (так называемые тогда серебрянные рубли) и скажет: «ну, господа, извините, больше дать не в силах – не могу, да и не зачто вам давать-то, – я дел не завожу, работы вашему брату не задаю, а теперь дарю из чести и ради очень приятного знакомства… я, ведь, не чиновник, сами знаете, что доход мой только от прихода – значит «мана-тура» господа!… Все знали, некорыстолюбие о. Базилевского: жил он в своём маленьком, городском, деревянном, о трёх окнах, домике, с очень бедною обста-

[1] Преосвященный Августин был человек умный, постоянно писавший проекты об устройстве в юридическом отношении епархиальных управлений и, не смотря на красноречивые его проповеди в Уфе – его не любили за жалобы, с которыми он не раз обращался в Спб., на гражданских начальников.

новкою, а украшением его спальни была груда книг[1]; гостям своим и родным, за неимением постелей, предлагалось свежее сено, да, пожалуй, вместо одеяла летняя или зимняя, на вате, ряса; на лишние деньги, когда таковые случались, приобретал книги или разделял неимущим своего прихода, строго запрещая кому либо разсказывать об этом.

Преосвященный Августин оставил епархию вследствие возбуждённых против него интриг со стороны местных гражданских властей[2], а на его место, в 1818 году, прибыл в Уфу преосвященный Феофил, бывший до того членом Московской синодальной конторы и архимандритом Донского Ставропигиального монастыря. Феофил скоро узнал и полюбил о. Фёдора и неоднократно брал его с собою, как человека необходимого при обозрении епархии.

По представлении епископа Августина о. Базилевский был удостоен и 7 июля 1818 года возведён в сан протоиерея и в этом же году получил бронзовый наперстный крест, на Владимирской ленте, в память отечественной войны 1812.

Назначенный преемником преосвященного Феофила, перемещённого в Екатеринослав, епископ Амвросий, бывший ректор Орловской семинарии, предложил, однажды, о. Фёдору перейти в Уфу, обещая сделать его членом консистории. – «Нет, Владыко», – ответил Стерлитамакский благочинный, – «город Уфа не по мне и я не по городу, оставь меня жить и умереть в Стерлитамаке, а главное дело, дай построить там каменный храм, о котором помышляю с первого же дня моего священства, да всё небыло средств, а теперь, надеюсь, скоро будут и средства».

В 1824 году Оренбургская губерния была осчастливлена помещением Государя Императора Александра Павловича, который, проезжая из Оренбурга, чрез Стерлитамак в Уфу, посетил Стерлитамакскую церковь, где был встречен протоиереем Базилевским с св. крестом и св. водою и приветствован краткою речью, к сожалению, недошедшей до нас, но сохранилось фамильное предание, что, будто-бы, о. Фёдор поднёс Государю одну из церковных книг, прося Его сделать в ней, на память, надпись; но где эта книга и сбережена ли она, неизвестно.

24 января 1826 года о. Базилевский по представлении преосвященного Амвросия, награждён скуфьею, при возложении

---

[1] Библиотека его состояла преимущественно из книг св. писания, творения св. отец, догматических книг, известных в его время греческих и латинских писателей.

[2] Преосвященный Августин, уволенный в 1818 году на покой, жил в Варницком монастыре, Ярославской губ.

которой, на о. Фёдора, владыка сказал: «желал бы я тебе, о. протоиерей, более награды, потому что ты заслужил больше».

В половине 1826 года, среди помещичьих крестьян, Стерлитамакского уезда, неизвестно от кого и откуда распространился слух, что, будто бы, есть царский указ, дозволяющий помещичьим крестьянам переселяться на Сыр-Дарьинскую линию, где они будут «вольными людьми». Слух этот в особенности взволновал крестьян гг. Левашева, Стрелкова, Зубова и Наумова, настолько, что они хотели бросить дома и всё хозяйство и уходить на Сыр-Дарью, где, как они говорили, земли привольные и жизнь привольная. Такие слухи, распущенные в народе, были приняты от чистого сердца и получили вид правдоподобия, ибо, в это же время, тогдашний генерал-губернатор, действительно возбуждал вопрос о заселении Сыр-Дарьинской линии, повторяя проекты губернатора Неплюева, старавшегося, посредством постройки крепостей и усиления русского элемента, углубляться в Среднюю Азию. Всё это, взятое вместе, почему то было перетолковано иначе в народе, с прикрасою, а известное предание, о том, как, сто лет тому назад, заселялся Оренбургский край и как снисходительно смотрело начальство на переселенцев, почти несправляясь, кто и откуда прибывал на новые земли, народ и не мог не слыхать откуда большинство явилось населения крестьян Челябинского уезда, в так называемых в старину «Сибирских слободах» и что эти люди были большею частию беглецы, закреплённые ревизскою переписью при губернаторе Неплюеве – и вот, теперь, возобновилось для них старое – нужно-де заселить Сыр-Дарьинскую линию. Пошло крестьянский люд собираться на сходки, толковать в кабаках, распрашивать прохожих и проезжих, в особенности солдат… Народ этот порешил, что непременно есть царский указ, но его, вероятно, скрывают чиновники в пользу помещиков.

Проживавший в с. Левашевке отставной солдат Василий Перелыгин кричал и божился, «что есть указ, повелевающий выдавать желающим переселиться проходные паспорты и что таковые он видел будучи недавно в Казани, так как, теперь, многие даже из великой России желают на Сыр-Дарью».

– «Надо просить прохожих паспортов», кричали мужики и на сходствах.

– «Недадут, да ещё, пожалуй, розгачей или плетюганов хватим», возражали другие, «ведь чиновники в судах нашим господам наровят, коли указа не объявляют»…

«Уйдём так, без паспортов, бросим всё, – бери наши дома помещик, бери наши животы (скот); бежим, там воля и приво-

лье, а здесь неволя барская», – кричали другие.

– «Не следует, по царскому указу, повиноваться господам, бежим на Сыр-Дарью», говорили третьи».

– Среди толков и споров, доходивших до ссор и безурядиц, грозивших перейти в явное возмущение против помещиков и местных властей, будто бы скрывающих царский указ, кто то помянул имя батюшки о. Фёдора, к которому не раз уже крестьяне обращались по своим нуждам за советами и, почему-то, теперь, решили послать к о. Базилевскому ходаков просить его совета и наставления. – «Он нам всё там, в городе, разузнает, есть ли такой царский указ и раскажет всё по правде-истине, он правдивый – Божий человек»…

В знакомом для всех, знавших о. Базилевского, его скромном, трёх-оконном домике на Стерлитамакской базарной площади, явились посланные миром люди или, как их называют, крестьяне-ходаки.

– «Сядем, братцы, в ногах правды нет», начал свою беседу в посланными о. Фёдор.

– Переминаясь, сели ходаки и стали поведывать батюшке своё горе и недоумение.

– Выслушав посланцев, о. Базилевский сказал: есть ли такой царский указ, я не слыхал и незнаю, может быть это пущена шальная «мана-тура», а может быть и есть, но я наперёд всё узнаю и обовсём вам скажу, а теперь повремените, по крайней мере, недели две, я для вас, всего лучше, сам в Уфу поеду и если, у них, там, есть такой указ, то он, теперь у губернского начальства, которое должно дать знать нашему, Стерлитамакскому начальству. А вы, это время, если хотите меня слушать и подлинно ищите моего совета, живите смирно, помещика слушайтесь, как будьто ни в чём не бывало, разных, этаких проходимцев убегайте или совсем прогоните от себя, а если шуметь будете – вас тогда сочтут за бунтовщиков, придёт войско и тогда вам будет худо!»… две недели времени не много, а потом приходите ко мне и я скажу, что вам делать. Верите ли вы мне?»

«Кому же верить, как не твоей милости, батюшка отец Фёдор, ты завсегда был за нас радетель и старательник… Ведь ты не раз и господ то наших усовещевал и вступался за нас, когда они больно-то нас жали…

«Так – с Богом! а как сказал, приходите – буду ждать».

О. Фёдор действительно ездил по своим делам в Уфу и в назначенное время ходаки опять к нему явились.

– «Был я, братцы, в Уфе», сказал Базилевский, усаживая гостей, «как перед Господом Богом скажу, всё выходит мана-

тура; никакого указа нет, а распустили слухи недобрые люди. Хотите меня слушать, так послушайте: – оставайтесь на месте, будьте покорны по слову Божьему властям, а если вы меня не послушаете, то сами увидите, что будет. – Непослушание ваше сочтут за бунт и накажут; если вы бежите, вас воротят и, конечно, не честью, а как колодников поведут под стражею, закованными… И много после того поучал о. Фёдор ходаков, отпустивши их, с благословением, по домам, заказавши передать всё слышанное товарищам.

Не совсем поверили крестьяне своим ходакам; многие, после того, приезжали к о. протоиерею, чтобы услышать лично от него, то что было сказано посланцам.

– Видя, что увещание посланных от обществ не имело должного успеха, о. Фёдор счёл нужным отправиться лично во все те селения, где волновался крепостной народ и своими убеждениями на местах успел уговорить крестьян к повиновению.

Правда, были примеры, что несколько человек не послушало пастырского наставления и бежало, но их воротили и, как ослушников, наказали.

Последнее обстоятельство настолько убедило крестьян, что многие из них приезжали благодарить о. Фёдора, «как радетеля за них, – духовных детей его».

Так, без особых последствий, окончилось крестьянское волнение, в Стерлитамакском уезде, которое могло принять совсем другой оборот.

Вскоре о действиях о. протоиерея было доведено до Высочайшего сведения и о. Фёдор получил орден св. Владимира 4-й степени при следующем рескрипте: «Божиею милостию Мы, Николай I, Император и Самодержец Всероссийский и проч. и проч. протоиерею г. Стерлитамака Фёдору Иванову Базилевскому. В воздаяние отличного усердия, оказанного вами при отвращении окрестных крестьян от возмущения, благоразумными своими увещаниями, по засвидетельствовании святейшего синод, Всемилостивейше сопричислили Мы вас, указом 26 февраля, к ордену св. Владимира 4-й степени. Грамоту сию во свидетельство подписать, орденскою печатью укрепить и знаки ордена препроводить к вам повелели Мы капитулу Российских Императорских орденов. Дана в С.-Петербурге в 28 день февраля 1827 г. Канцлер князь Алексей Куракин. Казначей Крыжановский».

Пожалование орденом, дающее потомственное дворянство, застало о. Базилевского не только отцём многочисленного семейства, но имевшим уже взрослых детей, из которых старший

Иван Фёдорович, имевший уже чин коллежского ассесора, дававший тогда потомственное дворянство.

Из дела Оренбургского (ныне Уфимского) дворянского депутатского собрания, о дворянстве гг. Базилевских (за 1827 г. № 35), видно, что по прошению протоиерея Ф.И. Базилевс[к]ого от 26 апреля 1827 года и по определению депутатского собрания от 28 апреля, внесены в 1 часть дворянской родословной книги, Оренбургской губернии, сам. о. Фёдор 69 лет от роду с женою его Наталиею Стефановною и детьми: коллежским ассесором Иваном Фёдоровичем, священником Бугурусланского у. (ныне Самарской губ.), слободы Кандорской, Александром Фёдоровичем[1], коллежским секретарём Виктором Фёдоровичем, дочерьми: Марфой Фёдоровной, Марией Фёдоровной, Елизаветой Фёдоровной и Александрой Фёдоровной, имевшей в то время 15 лет. Грамота на дворянское достоинство выдана о. Базилевскому 16 сентября 1827 г. за № 617. В последствии, по указу Правительствующего Сената, Департаментом Герольдии, 8 июня 1842 года за № 11380, род гг. Базилевских перенесён из 1 в 3 часть дворянской родословной книги.

Получение ордена и дворянства радовало о. Базилевского только в отношении семейства, а про себя он говорил: на что мне, старику, крест, – его скоро и так поставят на моей могиле; все эти отличия, почести – ребячья игрушка, могущая тешить разве, только, в молодости, – мана-тура и больше ничего…

Надевая, впервые, орден, выданный о. Базилевскому, лично, в Уфе, Преосвященным Амвросием, о. Фёдор перекрестился и сказал: «ей Богу я не искал этой награды, а исполнил только то, что повелел мне долг, исполнить который обязан был всякий на моём месте и никто больше Бога быть не может»…

Сделавшись протоиереем, украшенный знаками отличия, о. Фёдор остался тем же общедоступным человеком, охотно посещал и сам принимал к себе знакомых, по прежнему беседовал с раскольниками, давал просящим от него должные наставления и советы, а свободное время любил посвящать чтению и слушать, где доводилось, стройное пение и музыку и сам играл на скрипке. – «Мы, белое духовенство, женатое и семейное», – говаривал о. Базилевский, – «не монахи, не давали обетов отречения от мира, такие-же граждане, только с правом совершения богослужения, и не должны, по этому, отделяться от мира, но, конечно, в пределах должного приличия; дети наши не есть достояние монастырской кельи, но должны быть воспитаны для общества и

[1] Впоследствии протоиерей лейб-гвардии Павловского полка.

на служение обществу. Как мы узнаем жизнь и нужды пасомых, если будем избегать случая собираться с пасомыми?»...

В 1827 году, на место Преосвященного Амвросия, перемещённого на Житомирскую кафедру, прибыл Епископ Аркадий, бывший до того архимандритом Пинского монастыря, Могилёвской губернии. Этот Преосвященный был человек начитанный, любил заниматься церковными древностями, а главное изучал раскол. Узнав, что в Оренбургской епархии множество раскольников разных сект, а в особенности в горных заводах, Преосвященный намерен был посылать к ним миссионеров, в числе которых предназначал и о. Фёдора. – «Ты благочинный, говорят, человек опытный и хорошо знаешь своих Стерлитамакских раскольников и что они даже тебя любят, как ты думаешь, чем можно уничтожить или, по крайней мере, ослабить раскол или противудействовать ему? спросил Преосвященный о. Базилевского. «Если позволишь, Владыко, говорить правду – истинную», – ответил о. Фёдор, – «раскол, где уж он распространился, уничтожит только Божия, а не человеческая, сила; если же православное духовенство того места, где укоренился раскол, сумеет поставить себя настолько, чтобы заслужить доверие и уважение, там оно может своим влиянием противудействовать распространению раскола, но много ли таких, надо сказать по совести, из нас, духовных, которые заслуживали бы уважения?... Мы, сами, собственными поступками, содействуем распространению раскола!... В расколе, часто, да и более всего, виноваты мы сами, – пастыри церкви. Где не видно и не слышно было раскола, вдруг он появился и взял силу, там, если хорошенько вникнуть в дело, – непременно виноват поп, им, непременно, недовольны, – он или лихоимец, не исполнитель своих обязанностей, или же человек гордый, безнравственный, успевший оттолкнуть от себя всякого; вот тут-то и простор для раскольничьей проповеди, чем они и умеют пользоваться, ибо такие пропагандисты большею частию люди не глупые, дальновидные и хитрые»... Затем, без утайки, разсказал Преосвященному поступки известных ему духовных лиц с раскольниками. «Так, например», добавил о. Фёдор, «до меня ещё, у нас, в Стерлитамаке, был диакон Пётр Борисов, часто пьянствующий, всячески бранился с раскольниками, за то, что они с крестом не принимают и денег не дают, и один раз, тоже пьяный, ночью, взявши лагун с дёгтем, перемазал им у раскольников вороты и кончилось тем, что дьякона, на месте преступления, поймали и порядком помявши ему бока, отвели в полицию. Такие люди кладут позор не только на духовенство, но и на самую церковь».

– «Я хочу сделать тебя миссионером в Стерлитамакском уезде», сказал Преосвященный, «не можешь ли указать на священников, могущих быть миссионерами в других уездах? «Таких людей, которые бы хорошо знали учения местных раскольников и могли бы взяться за великий труд миссии, я не знаю».

Желая, кроме того, посылать миссионеров к язычникам, в особенности к чувашам, хотя, когда-то окрещённым, но коснеющим, по прежнему, в грубом язычестве, способных для этого дела, среди тогдашнего духовенства Оренбургской епархии, не нашёл, да и материальные средства не позволяли, ибо на вопрос о материальном быте православного духовенства, едва лишь только в наше время обращено внимание и о. Фёдор не раз докладывал Преосвященным, а в особенности Аркадию, говоря: «люди к пастырской деятельности найдутся и пасомыми уважаемы будут, только нужно обезпечить духовенство достаточным жалованьем, которое обезпечивало бы их семейный быт, но с тем, чтобы духовенство отправляло требы безвозмездно, исключая, конечно, частных служб в домах прихожан, так как это уже не составляет требы, а благочестивое желание людей, большею частию достаточных. Ведь наша славная греко-российская церковь называется господствующей в россии, а члены её бедствуют и суть нищие, питающиеся мирским подаянием; позвонил – и сыт на целый день, не позвонил – голодай поп с семейством… Бедность заставляет иногда православное духовенство по нужде поступать против совести и вынуждает на притязания… Православное духовенство бедствует, а инославное, напротив, благоденствует; пасторы и ксёндзы обезпечены, между тем их религия не господствующая, а только терпимые законами Империи. – Мы, верно, ещё потерпим, а дети наши увидят лучшее время»…

Летом 1831 года посетила Оренбургскую губернию эпидемическая болезнь холера дотоле неслыханная на Руси. Общая поника была хуже пугачёвщины; болезнь вырывала своих жертв сотнями, тысячами и более из людей цветущих летами и здоровьем. Холера казалось тогда другою чумою, её не постигали и тогдашние врачи, а народ считал её гневом Божиим и верил, что наступил последний час…

Везде учреждены были карантины, больницы, издан ряд предохранительных мер; города и селения как бы опустели, жители заторились в домах, на улицах курился навоз, полны лишь только были храмы Божии; народ молился, приобщался св. Таин и готовился к смерти.

В это время пробудилась деятельность о. Базилевского с

большею энергиею.

Среди таких трудов о. Фёдора посетил геморой, которым он страдал уже несколько лет, теперь уложил его в постель настолько, что пришлось пригласить из Уфы врача, который, взявши на три дня отпуск, приехал в Стерлитамак и нашедши состояние болезни серьёзным, пришёл в затруднение, ибо в короткое время ничего не мог сделать для больного; но врача тот же час ободрил сам больной: – «теперь болеть мне некогда и я, недалее, как после завтра буду здоров и даже тебя поеду сам провожать». Удивился врач такой твёрдости духа больного, привыкши встречать пациентов робких, а здесь, наоборот, больной ободрял врача!

На третий день слабый, едва державшийся на ногах, о. Фёдор отслужил в церкви молебен об отвращении смертоносной язвы и вечером провожал врача за город, а чрез два дня совершил вокруг города крестный ход.

С этих пор, покуда свирепствовала холера, о. Базилевский весь отдался своей обязанности: он или совершал богослужения, или же напутствовал умирающих, входя без страха в больницу и дома и неоставляя нуждающихся в утешении, давал, по возможности, бедным и материальную помощь, заботился о сиротах и вдовах, без различия вер и убеждений.

Холерное время, продолжавшееся в г. Стерлитамаке 3 месяца, в течении которого, из заболевших 418 человек, умерло 362 человека обоего пола, ещё более закрепило связь протоиерея с городом, нежели долголетняя служба. Кроме города, о. Фёдор, в это же время посетил даже некоторые селения своего благочиния, везде подавая собою пример и руководя к тому подчинённых. Дорог был такой пастырь в такое тяжкое время, ибо болезнь считали заразительною и больных убегали не только посторонние, но и свои родные. Не таков был протоиерей Базилевский. Он говорил: «если Богом суждено умереть – умрёшь и без холеры, а не суждено, – то и холера не страшна, но страшно пренебрегать своими обязанностями и страшно будет возмездие в день суда Божия!... Нужен был в такое тяжёлое испытание добрый пастырь – и вот, о. Фёдор, действительно явил себя добрым пастырем.

Перед самым, как называет народ «холерным временем», уехал из Уфы преосвященный Аркадий, перемещённый в том же 1831 году, архиепископом в Пермь, а на место его прибыл бывший ректор Тверской семинарии Михаил Добров. Этот преосвященный был заботливым отцём своих подчинённых и правление его епархии началось в самый разгар холеры.

Письменно похваляя о. Базилевского за самоотвержение на пользу ближнего и ставя подвиги его в пример подражания и соревнование всему духовенству Оренбургской епархии[1], преосвященный Михаил тоже представлял его к награждению орденом св. Анны, но представление это, почему-то, не было уважено, а вместо этого, почти чрез два года после прекращения холеры, по ходатайству того же преосвященного Михаила, о. Фёдор, 15 января 1833 года, награждён камилавкою.

Туго тогда шли награды по епархиальному ведомству, в особенности, как выражались тогда духовные, для людей не получивших «форменного» образования, что испытал на себе и о. Фёдор, несмотря на заслуги и общее к нему уважение; находились даже люди, ставившие ему в вину, что в формуляре его сказано: «нигде не обучался» и полученные уже им награды считали слишком высокими для какого нибудь уездного благочинного, из неучёных.

«Велика бывает, под час, зависть нашей о Христе братии», говаривал о. Базилевский.

«Были ли вы, о. благочинный, в духовной академии?» ироническим тоном спросил один из Уфимских администраторов. – «Небыл, но скоро буду и надеюсь всё пройти с успехом» – скромно ответил о. Фёдор.

Через год после этого разговора, на обеде, данном Стерлитамакским купечеством, по случаю приезда епархиального преосвященного, на котором случилось опять быть тому же администратору и многим из тех лиц, бывших свидетелями прошлого разговора этого администратора с о. Фёдором, в Уфе; но на этот раз Базилевский уже сам обратился к нему так: «прошедшего года, ваше превосходительство, изволили спрашивать меня, был ли я в духовной академии? – теперь могу ответить утвердительно: я нарочно ездил в Казань и в духовной академии был, по всем аудиториям её прошёл, на всех партах пересидел… Но я не первый и не я последний, мало ли таких, которые пробыли годы и в университетах, и в академиях, а потом даже и в генералы попали, но также, как и я вынесли из них одну только память о расположении в них аудитории и парт…

О духовном образовании о. Фёдор говаривал так: «школы и семинарии для нашего сословия необходимы; нельзя было оставить православное духовенство в этом виде, как оно было в моё время, но с другой стороны, все эти семинарии, покуда, дали

[1] Дело Уфимской духовной консистории 1831 года «Наряд распоряжений № 109».

только людей, пограмотнее нашего брата, но, увы! далеко оставляют желать лучшего… Не без причин же слагаются народом нескромные разсказы и прибаутки о духовных лицах, а привиллегированное сословие относится к нам свысока. Нет, семинарская наука для действительной жизни духовенства видимо ещё недостаточна, а наша «бурса», с её грубым обращением, безсмысленным долблением схоластически преподаваемых наук, только ожесточает нравы, задерживает грубость нравов и притупляет тысячи способных и умных от природы голов, пропадающих ради принятой методы, ни зачто. Нам, конечно, укажут на Платона, Филарета и других, вышедших из наших учебных заведений. Но, ведь, во всей России учится до сотни тысяч человек, а выделяются из них только десять, да и эти, десятеро, эти Платоны, Филареты и другие подобные им суть выродки-гении, а гениальность всегда будет впереди… Взгляните поближе на этих гениев и увидите, что они сами себя образовали уже в последствии, по выходе из заведений. – Поверьте, придёт время, когда обратят внимание на этот вопрос; последуют реформы и тогда, быть может, и наше сословие будет не то, да и самое русское православное общество взглянет на нас иначе, а теперь мы всё ещё такие же, каковыми были за сотни лет тому назад, только пограмотнее, можем написать проповедь, даже и такую, что, пожалуй, нас и не поймут; надо по правде сказать, что наших проповедей не понимают, не только простой народ, но и образованный класс общества… Не даром же раскольники нам в глаза говорят, что мы, если и обращаемся к пасомым, то говорим словно не от себя и не своё, не от души и сердца, без должного настроения, гоняясь за хриями, троппами и периодами, а не за силою убеждения, как это делали св. отцы и столпы церкви[1].

Делая внезапные ревизии церквей и причтов, о. Фёдор говаривал: «я хочу быть благочинным не по одному только имени, а мне желательно видеть в приходском духовенстве серьозное исполнение возложенных на него обязанностей». –

– Однажды до сведения его дошло о безпорядках причта с. Табынского (45 вёр. от г. Стерлитамака). Недолго думая, на Воскресный день (это было летом), о. Базилевский отправился туда пешком и, отдохнув на пути в одной чувашской деревне, перед

---

[1] Хотя и сказано «несть пророка в отечестве своём», однакож предвидение светлого ума достопамятного протоиерея Базилевского сбылось и сбывается. Уже в настоящее время, не только в городах, но и в сёлах редко встретишь неучёного священника, а почти все с средним и даже высшим духовным образованием; да и самое образование и воспитание не те, что были во время оно; от того-то и проповеди стали другого пошиба. Редактор *Н. Г.*

разсветом, постучался в окно к одному, знакомому ему, Табынскому крестьянину. – На вопрос кто-там? отвечал: «благочинный Базилевский». – Ворота отворились и хозяин спрашивал, где же, батюшка, ваша тележка[1]? – «Эх, Иван Павлович, человек ты грамотный, разве не читал св. Евангелия, а там сказано: *шедши* научите вся языки, а не *поезжайте*, и что ответил Прусский король Фридрих Великий католическому епископу, просящему денег на экипаж; пойми же – епископу, а я только простой поп… Ты, Иван Павлович, дай только мне угол отдохнуть до заутрени; дашь подушку – спосибо, не дашь – рясу под голову – и вся недолга…

Как снег на голову явился благочинный в церковь и как раз, с первого же шага, встретил неотрезвившегося ещё со вчерашнего похмелья причетника. Ревизия обнаружила многие злоупотребления, безчинства, жалобы прихожан. Оба причетника были вызваны в г. Стерлитамак для исправления, о действиях же священника и дьякона, не смотря на то, что о. Фёдор не любил бумаг, представил на усмотрение епархиального начальства.

Строгий ревнитель благоговейного и точного исполнения церковного богослужения, о. Фёдор служил примером подведомственному ему приходскому духовенству, а о себе говаривал: «Фёдор, Фёдор, вот ты из церковного дьячка стал протоиереем и благочинным, а истинного благочиния всё-таки утвердить не сумел; так и умрёшь, а чина и устава церковного, во всей их полноте, к полнейшей радости раскольников и торжеству отступников от св. православной церкви, не увидишь… Между тем, постоянно, упрекают нас, хотя-бы, те же раскольники, в неистовом исполнении церковного устава» – и, затем, говорил самому себе «какой же ты, Фёдор, дашь Богу ответ за творимое дело Божие с небрежением? Зачем же и для чего ты был приставлен?»…

«У нас, в селениях, говаривал о. Фёдор, «богослужение совершается только по праздникам, да великим постом, казалось бы, что – два раза в неделю возможно было бы усерднее заняться отправлением церковного богослужения – не тут-то было. Церковный причт елико возможно спешит расправиться со службою, как будто-бы, именно в этот день, ему дорого время и ждёт его ещё что-то более важное. Но, на поверку выходит, что чем скорее запрут церковные двери, тем скорее отопрётся кабак, чем скорее умолкнет трисвятая песнь св. Троицы, тем скорее начнётся песня разгульная, кабачная; начнутся всякие не-

[1] Базилевский всегда ездил на лёгкой тележке, парою.

потребства, разгул, пьянство, драки, начнутся деяния, часто кончающиеся преступлениями… Самое точное и благоговейное исполнение божественной службы потребовали бы лишний час, много полтора часа; скажут, что мужик, работая шесть дней, устал, отдохнуть ему надо и за долгую-де службу роптать будет… Но так говорят только ленивцы из нашего брата духовного, а в сущности дело выходит не так: после церковной службы никто не думает об отдыхе, а о разгуле… Тогда, как за чинную службу, за доброе и толковое поучение, за хорошее объяснение значения праздников, обязанностей христианина, никто из православных роптать не думает, а напротив, скорее оценит и будет уважать такого пастыря. Не поробщет также и городской житель, который, тоже, не любит спать по праздникам, а тем более крестьянин, ни с кем не считающийся визитами. – Служба церковная великое дело Божие, а потому и должна отправляться строго, по уставу. Если мы верим, что чрез благоговейное произношение известных слов совершается известное таинство св. Евхаристии, то можем ли произносить эти слова небрежно и переиначить, а тем более совсем их выбросить?!.. Нам говорят, что требы заставляют ускорять богослужение. Что же делают наши сельские священники целую неделю, по крайней мере в нашей губернии? Хозяйство у них ведётся наёмным трудом, требы бывают не всякий день, церковных школ нет. Хотя бы деревенских ребят грамоте учили – и этого нет; читать лень. Хотя бы, повторяю, занялись приведением в порядок церковных архивов, либо занялись составлением церковных записей (летописей), но и этого нет… Что же есть-то?.. Мы не доживём, но когда нибудь придёт время, говорил о. Фёдор, устроятся при церквах школы, когда духовенство будет первыми народными учителями грамотности, ибо, как по здравому смыслу, так и по св. писанию, это есть прямая его обязанность. Будет время, а может быть ещё и прежде устроения церковных школ, обратят должное внимание на церковное богослужение и исполнение его по уставу и, когда за чтением и пением церковным станут наблюдать более, чем ныне. Будь теперь благочинные, избранные, из среды своей, самим же духовенством, а священники – самими прихожанами, разумеется из лиц, получивших образование в духовных учебных заведениях, тогда и порядки пойдут не те. – Вот, например, следует обратить особенное внимание на церковное пение, которое, в наше время, искажают регенты, вопреки того, какое в древности велось в православной церкви. Нам, возразят, что это внешность, а суть в догматах; но, так как обрядность имеет тесную связь с догматами, то должно ли, ради такого мнения, ни на

чём не основанного, пение изменяться?»...

Слыхавшие от очевидцев передавали нам, что о. Фёдор, совершивши утреню на св. Пасху, похристосовавшись со всеми бывшими в церкви и поздравив их с днём Светлого Воскресения Христова, тот-час же отправлялся на городское кладбище, похристосоваться с умершими, а по возвращении, опять приступил к совершению св. литургии. По поводу таких посещений кладбища, однажды, распространился слух, что, будто-бы, о. Фёдор, по обыкновению своему, после Пасхальной утрени, пошёл на кладбище, где погребены православные[1] и положив на землю, где теперь стоит церковь св. муч. Феодора Стратилата, яйцо, трижды возглашал: «Христос Воскресе, православные христиане!» а последние, будто-бы все, в один голос; отвечали «Воистину Христос Воскресе!», а затем, пришедши на место погребения раскольников и также положив яйцо на землю возглашал: «Христос Воскресе, христиане!» но вместо должного и обычного ответа раздался под землёю плач, стоны и отчаянные вопли: «мы отвержены, мы прокляты!» стонали и вопили погребённые раскольники и просили о. Фёдора молиться за них...

Когда эти слухи дошли до о. протоиерея, то, он, из скромности ли или же для опровержения слуха, неизвестно, сказал только, «что чудеса бывают только с людьми, свыше на то избранными, а я простой смертный, грешный, как и все люди и потому, со мною, подобного и случиться не могло».

Приготовляясь к совершению богослужения, о. Базилевский весь погружался в богомыслие, отрешаясь от всего житейского, сознавая, к какому великому делу он приступает; если же дух его чем либо возмущался, не только не решался приступить к совершению литургии, но даже и предшествующей ей вечери и утрени. Случилось раз, великим постом, что ему предстояла необходимость служить, ибо другой священник отлучился, для исполнения треб, в одну из приходских деревень; богомольцы, по благовесту, собрались к вечерни, явился и о. Фёдор и объявляет, что «готов исполнить всякие требы, но вечерни служить не будет, а вы, господа, добавил о. протоиерей, с свойственным ему прямодушием, не безпокойтесь, завтра всё будет и вечерня с утреней и часы, а теперь не могу, видит Бог немогу!» и богомольцы, безропотно, разошлись по домам.

«Почему это вы о. протоиерей, эта так сделали», спросил однажды преосвященный Иоаникий[2] – «Владыко», ответил о.

---

[1] На Стерлитамакском городском кладбище отведены особые места, как для погребения раскольников, так и для христиан других исповеданий.

[2] Епископ Оренбург. и Уфим. Иоаникий, перемещённый в г. Уфу, в 1836 г.

Фёдор, «в служебнике сказано: священник, хотящий совершить божественную литургию, должен быть примирён с самим собою и всеми, должен, сказано, – воздержаться с вечери, а вот я иду к вечерни, как, вдруг, получаю самые возмутительные вести: от одного, что у меня умирает дочь, другой доносит, что причетник, в алтаре, оскорбил священника действием и всё-это до того возмутило и взволновало мою душу и сердце, что я не счёл себя достойным служить даже вечерню, надеясь, что с помощью Божиею, в продолжении целого вечера, могу одуматься и прийти в себя. Вот почему я так поступил…

Часто случалось, что причетники, не слишком-то радеющие об изучении церковного устава, при сложной службе, особливо великим постом, вдруг останавливались петь или читать, не зная, как продолжать дальше, но и здесь помогало о. Фёдору обычное хладнокровие и любовь к подчинённым. Выйдет, бывало, из алтаря, расказывают очевидцы, и скажет: «пойте что нибудь, а я, тем временем, подыщу и укажу», – ну и укажет, а сделанная ошибка чтеца пройдёт незаметно.

О. Фёдора любили, как отца и боялись как начальника, ибо он всегда и везде был на своём месте: на службе, как любящий отец, и в обществе желанным гостем. Один из зажиточных Стерлитамакских купцов, из самых влиятельных и ревностных раскольников, пригласил о. Базилевского, во время святок, к себе, вечером, на чай. В разговорах о разных разностях житейских коснулись, между прочим, и религиозных предметов, и вдруг хозяин обратился к о. Фёдору с просьбою: «Фёдор Иванович, теперь святые дни, как бы это Христа прославить?» Удивился о. Фёдор такому предложению ярого сектанта и, полагая, что это шутка, ответил шутливым тоном, «что, он, по ихнему не умеет; не учился, и потому не угодит»… «Я тебе принесу свою книгу, сказал хозяин, а ты, вот, только стань лицом к иконам и прочти тропарь с кондаком празднику». – «О, в таком случае, давайте поскорее вашу старопечатную книгу, Христо-Бог у нас един для всех, да и в старопечатной книге то же самое написано, что и в наших исправленных» и стал читать тропарь и кондак празднику. Хозяин, вся семья и гости молились и клали поклоны. Таким образом простая беседа обратилась в общую молитву. «Видите, почтенный хозяин и все вы господа», сказал Базилевский, кончивши славленье, «ведь тропарь и кондак и прочие молитвы одни и теже, как и у нас! из за чего же вы гнушае-

---

из Вятки, на место преосвященного Михаила, удалившегося на покой в Уфимский мужский монастырь.

тесь общения с нами, за что последовало разделение ваше, за что бегаете от св. церкви?» – Понимаем и мы, сказал раскольник-хозяин, да уж так видно тому следует быть и нам не приходится менять то, чего держались и заповедали деды и предки наши – они были не глупее нас… ещё скажу тебе, батюшка, Фёдор Иванович, хорошо, еслибы все ваши попы были такие же, как вот ты, тогда бы, пожалуй, и наше согласие разшаталось… а то, ведь, ты не вечен, – умрёшь, ан другого то Базилевского у нас уже не будет, других-то мы всех знаем, каковы они».

Не смотря на крайне скудные средства к жизни, при многочленном семействе, о. Базилевский был не любостяжателен; с бедных ни за какие требы не брал, а если такой прихожанин совал ему в руку деньги, то он говорил: «знаю, что ты не богат и мне не нужно, но если уже хочешь, то дай малую частицу из этого вот причетнику, – он тоже человек бедный.

О. Фёдор сам помогал бедным, в особенности больным на лекарство и пищу, какая требовалась больному. Делая такую помощь, он строго запрещал, даже брал клятву, ни кому не разсказывать о сделанном вспомоществовании; если же случалось, что об этом узнавали в городе, то о. Базилевский, за такую неосторожность известного ему субьекта, самолично благодеяний уже не оказывал, но умел расположить к тому кого либо из прихожан, в особенности из купечества; в тайных же благотвореннях своих о. Фёдор был одинаков и к русскому, и к татарину, и к еврею, видевши в них только страждущее человечество, а не нацию и религию.

При крайней ограниченности своих средств, как сказали мы выше, о. Фёдор однакож дал воспитание своим детям – и Бог помог ему в этом деле и дал возможность увидеть от них почтение и покой. И действительно, сыновья его все вышли люди дельные, занимавшие видные места, как по духовной, так и по гражданской службе, заслужили ещё при жизни своего отца чинов и почести и приобрели состояние. Над старшим его сыном, Иваном Фёдоровичем, в особенности почило благословение отчее, сделавшее его усердным подражателем милосердия и благотворительности, какими отличался его отец. Дочери покойного, ещё при жизни о. Фёдора, также хорошо были пристроены, выйдя в замужество за лучших людей. Словом, в семье своей о. Базилевский был вполне счастлив. Второй сын о. Фёдора Александр Фёдорович, окончив курс в Оренбургской духовной семинарии одним из первых, был священником в слободе Кондорской, Бугурусланского уезда (ныне Самарск. губ.) и этот как бы унаследовал красноречие своего отца.

Вот один факт из жизни А.Ф. Базилевского. В 1832 году, в Бугульминском у. проживал помещик, коллежский советник Василий Петрович Таузаков[1], с женою Мариею Васильевною. Таузакова, с помощию одного своего родственника, придумала средство присвоить себе имение мужа и для достижения своей цели, воспользовавшись его болезнию, схоронила больного своего мужа живого, наскоро, без свидетелей. Родственники безвременно схороненного подали просьбу; началось следствие, но следователи, местная полиция, уездный предводитель дворянства были на стороне Таузиковой. Крепостные крестьяне не смели говорить и дело было закрыто, не смотря на то, что при освидетельствовании трупа покойного, оказались все признаки насильственной смерти: покойник лежал в могиле перевернувшись на бок, с венчиком, упавшим вниз. Затем, по Высочайшему повелению, следствие это было поручено свиты Его Величества генерал-майору М.П. Бутурлину[2], но и Бутурлин, за всеми его стараниями, открыть ничего не мог, ибо все лица, участвовавшие в преступлении, сговорились между собою и стояли на своём, а преступница упорно не сознавалась. Но кто-то указал Бутурлину на священника А.Ф. Базилевского, которого следователь и пригласил для увещания Таузаковой. Убедительное красноречие явившегося к последней во имя веры, чистой совести и правды, настолько подействовали на преступницу, что она во всём созналась и предала себя в руки правосудия…

В награду за такой подвиг, А.Ф. Базилевский был переведён в С.-Петербург протоиереем лейб-гвардии Павловского полка[3].

---

[1] Об этом роде и далее писала уфимская пресса (см. также: *А-въ.* Нераскрытое преступление // Уфимские губернские ведомости. 1905. 14, 18, 20, 23, 31 декабря; 13, 22, 24, 25, 26 января, 4, 7 февраля). Бугурусланский помещик Пётр Яковлевич Тоузаков, который трагически умер или был убит в 1824 г., пожертвовал в уфимскую духовную семинарию 10 000 руб. на семинарскую библиотеку. К 1907 г. его капитал с процентами (500 руб.) расходовался на приобретение книг. «В библиотеке, на колонне, висит большой портрет Петра Яковлевича, писанный маслянными красками на полотне; Пётр Яковлевич изображён молодым, в дворянском мундире, с орденом на шее, длинные волосы на голове гладко зачёсаны назад, усы и борода – бриты, взгляд – добрый, симпатичный» (*У-ский.* Памяти П.Я. Тоузакова // Уфимский край. 1907. 17 января). – *прим. составителя.*

[2] Бутурлин М.П., после того был Нижегородским губернатором.

[3] Базилевский Александр Фёдорович, протоиерей л.-гв. Павловского полка, р. 16 ноября 1796, † 5 сентября 1848. Похоронен (вместе с Марией Петровной Базилевской, † 26 декабря 1876, на 80 г.) на Георгиевском кладбище на Большой Охте в Санкт-Петербурге ([*Саитов В.*] *Николай Михайлович, Великий Князь.* Петербургский некрополь. Том первый (А – Г). СПб., 1912.

Любимая тема разговоров о. Фёдора была о епископе Августине, – об этом новом Арсении Мациевиче Оренбургского края, – яром поборнике за своё ведомство и борце против тех, кто был, по его мнению, против православного духовенства и местной церкви, за что и пострадал бы вроде Мациевича, если бы жил в его время, при его положении; об этом в высшей степени аскете и эксцентрике, каков был и на самом деле Августин, которого Базилевский был не малым сотрудником в свою лучшую и зрелую пору жизни.

Хотя биография преосвященного Августина, епископа Оренбургского и Уфимского, и была напечатана в духовном журнале «Странник» за 1866 год, но она далеко не знакомит нас с личностью этого замечательного человека, ибо автор его биографии не знал многого и многих любопытных подробностей жизни Августина. Передаём один анекдот про епископа Августина, разсказанный о. Базилевским, протоиерею Челнокову[1]: «прихожу я, однажды, к преосвященному Августину, разсказывал о. Фёдор, по делам службы и нахожу его в хорошем расположении духа и варящим кофе, на спирте[2]. По принятии обычного благословения, он, пригласив меня выпить чашку кофе, начал разсказывать мне о поступках одного священника. Смотрю я, что чем дальше продолжает преосвященный разговор, тем больше выходил из себя, да и в самом деле проступки священника были не только крайне предосудительны, но, даже, и возмутительны, а я, спроста – и бух ему на это такое словцо: «какой же он, этот священник, сахар-медович, – Владыко!» – Гляжу, архиерей, изменившись в лице, встал с дивана и грозно устремив на меня глаза, почти закричал: ты, – ты смеешь так смеяться надомной, – знаешь ли: ты сегодня благочинный, а завтра я тебя, моею властию, пошлю дьячком в такой приход, где будет два двора с половиной… видишь ли вот этот жезл, – указывая в угол гостинной, где стояла его архиерейская трость, этим жезлом я тебя везде достану, на то власть моя… ступай! показавши мне на дверь, – и я вышел из его покоев сам себя не помня. – В сенях встречаю о. ректора семинарии[3], который, видя моё смущение, спросил меня о причине. Я и разсказал ему всё в подробности,

---

С. 123–124). – *прим. составителя.*

[1] Протоиерей Челноков, почти современник о. Базилевского, долго служивший в Уфе и уже умерший в 1867 году.

[2] Преосвященный Амвросий был любитель хорошего кофе, который брал даже в гости, где варил его на своей лампочке и пил с своими сухарями.

[3] Это был архимандрит о. Тихон, бывший учитель преосвященного Августина, выписанный им в Уфу, из Москвы.

как дело было. – Ах! о. протоиерей, смеясь сказал ректор, вы сами, незная – не думая, затронули преосвященного за живую струну и знаете ли, как я думаю, почему? – ведь его фамилия Сахаров, а когда он ещё был в училище, товарищи прозвали его сахаром-медовичем; перешёл он в семинарию и в академию, а прозвище всё ещё оставалось и чем более он сердился и даже дрался, тем более, разумеется, его ещё подзадоривали. Узнали потом, про это прозвище и синодские чиновники и тоже стали острить над ним, когда он был уже архимандритом и ректором семинарии… теперь поняли? – Понял, говорю, но уже поздно, владыко сердится… Не успел я сказать, как бежит архиерейский келейник, и смеясь зовёт меня к преосвященному, а я иду со страхом и трепетом… Ну, благочинный, сказал преосвященный Августин, извини, виноват, забыл я сам изречение св. писания: Положи Господи хранение устом моим и дверь ограждения в устах моих», а я этого не исполнил, согрешил, виноват, прости; но ты, прежде, скажи мне, спроста ли ты сказал, или тебе что либо говорили о мне? – я сказал, что слова мои, сахар-медович, сказаны были спроста и заверил это божбою. Тогда Августин, протянув мне руку, сказал, «прости же меня, не поминай лихом, а теперь будем пить кофей и я раскажу тебе всё моё прошлое, ещё ребяческое» и действительно разсказал тоже самое, что говорил мне о. ректор. – Бедовый был этот Августин – огонь, просто огонь, а не только сахар-медович, добавил к разсказу своему о. Фёдор.

Ссылаясь на очевидцев, протоиерею Базилевскому приписывают следующий эпизод. Один из архиереев, ехал в г. Стерлитамак, в карете, шестериком, и на встречу ему выехал о. Фёдор верхом, на лошади. Странным показалось архиерею, что священник встречал его верхом, он приказал остановиться и спросил Базилевского: «давно ли апостолы стали ездить верхом?» – «С тех пор, как Иисус Христос сел в карету» отвечал о. Фёдор, погнавши свою лошадь за экипажем преосвященного. Архиерей этот был, как утверждают, Иоаникий, епископ Оренбургский и Уфимский.

Мы говорили, что протоиерей Базилевский давно помышлял о постройке нового каменного храма в г. Стерлитамаке, но средств на это небыло. Действительно, в это время, о. Фёдор не возлагал особой надежды на свой приход, состоящий, с приписными к нему деревнями, из 429 дворов и 3657 душ обоего пола, большинство которых были люди недостаточные, а бывший неурожай хлебов, в течении трёх лет сряду, довёл крестьян и других жителей Стерлитамака до бедственного положения и по

этим-то причинам небыло никакой возможности думать о скором вооружении задуманной им новой каменной церкви.

Видя это, проживающие в городе магометане и старообрядцы, не раз являлись к о. Фёдору с предложением принять от них денежное пожертвование на постройку храма и, как говорит сам протоиерей Базилевский, что он, в течении 30 лет, неоднократно, докладывал об этом епархиальному начальству, но оно ходатайство это постоянно отклоняло от себя и ни один из архиереев не хотел принять пожертвований от инородцев и отщепенцев от церкви… Много думал о. Фёдор, как выйти из этого безвыходного положения, но, всётаки, придумать ничего не мог. Вдруг, к общему огорчению всего прихода, неожиданно постигло г. Стерлитамак несчастие. В ночь на 19 февраля 1834 года, от неосторожного обращения с огнём, сгорела старая деревянная церковь Казанской Божией Матери.

После такого происшествия было над чем призадуматься о. Фёдору, ибо отправлять церковное богослужение в городе было негде, а для того, чтобы прихожане не были лишены его, приходилось совершать службы в подгородской слободе Левашевке, где, незадолго до этого, по его же инициативе, построена помещиком Левашевым каменная церковь[1]. Между тем, дело о постройки новой церкви, требовало неотложного попечения – и вот, по предложению Базилевского, собираются представители всего прихода и общим голосом решают ходатайствовать о возведении нового каменного храма во имя Казанской иконы Пресвятой Богородицы, с приделами святителя и чудотворца Николая и св. благоверного великого князя Александра Невского, на вкладные суммы от прихожан, испросивши, при этом, право на сбор доброхотных пожертвований на стороне, избравши в попечители купца В.Н. Коновалова, а для сбора пожертвований чиновника Константина Яковлевича Щиголева, о. Фёдора и Коновалова, а в случае недостаточности собственных средств прихода и сборных сумм, просить епархиальное начальство о разрешении займа сумм из других церквей Оренбургской епархии, или же у коммиссии духовных училищ. Такой приговор, составленный 16 августа 1834 года, был представлен епархиальному начальству, а о. Фёдор, как благочинный и настоятель, от себя ходатайствовал, чтобы сбор добровольных пожертвований, как заявил чиновник Щиголев, был разрешён и в других губерниях. На это представление последовало полное согласие епархиально-

[1] Одновременно с постройкою этой церкви, по мысли о. Фёдора, была основана церковь в д. Фёдоровке, куда отошло от г. Стерлитамака пять деревень.

го начальства.

Из дела, хранящегося в архиве Стерлитамакского Богородицкого собора, под заглавием: «о постройке в г. Стерлитамаке вновь каменной церкви во имя Казанской Божией Матери», видно, что переписка, а потом и самая постройка, начались с 1834 года и продолжались до 1861 года, во время управления Оренбургской епархией преосвященных: Михаила, Иоанникия, Иосифа, Антония 1-го, Антония 2-го и Порфирия; церковные суммы и сборы, и сборы, сделанные в Оренбургской и других губерниях, состояли из 6000 руб. и 15000 руб., отпущенных из сумм Святейшего Синода; план с фасадом были избраны из напечатанной в 1824 году книги «планы, фасады и профили для построения каменных церквей № XXX под лит. А, Б. В и Г., и эти план и фасад с профилем, по распоряжению Оренбургской строительной коммисии, были составлены на месте губернским архитектором и Высочайше утверждены 1 сентября 1836 года, и в том же году, 31 октября, последовал указ Святейшего Синода о построении по тому плану и фасаду Стерлитамакской церкви. В этом же указе, между прочим, Святейший Синод, предпосылая жителям г. Стерлитамака своё благословение, поручает местному архиерею иметь за производством этого предпринятия пастырское наблюдение и содействовать к тому строителям всеми зависящими средствами, донося о ходе этого дела, по истечении каждого года.

Таким образом давняя мечта о. Базилевского на самом деле осуществилась – и вот, в день праздника св. первоверховных апостолов Петра и Павла, 29 июня 1837 года, при торжественном служении о. Фёдора с многочисленным духовенством его благочиния, была совершена закладка новой каменной церкви и, затем, под непосредственным его наблюдением, в 1838 году был уже сложен и покрыт правый придел во имя святителя и чудотворца Николая, который, по благословению преосвященного Иоанникия, и освящён о. Базилевским, в самый день храмового праздника, 6 декабря 1838 года. В этот день о. Фёдор говорил речь, в которой он выразивши свою душевную радость видеть, хотя и один освящённый престол новой церкви, об остальных же, между прочим, сказал так: «братие и сотрудники мои по сооружению сего храма! вы также должны радоваться совершившемуся событию, но над многими из нас исполнится слово св. Иоанна Златоустого, обращённое к Епифанию, архиепископу Кипрскому: «не узрим престола своего»[1]. Этим он как будто хо-

[1] Житие св. Иоанна Златоустого. Четий-Минея. Ноябрь.

тел сказать, что окончательной постройки храма ему не дожить. Над ним действительно исполнилось это слово: не узрил старец Базилевский окончания созидаемой им церкви, и как настоятель, не узрил престола своего.

Хотя постройка церкви и продолжалась безостановочно, но длилась целые годы, ибо сверх ожидания, действительных издержек при постройке потребовалось более, чем предположено в начале; 15000 руб. ассигнациями, отпущенных Святейшим Синодом, было далеко не достаточно. Недоставало колокольни, колоколов, утвари, ризницы и иконостасов. Желание о. Фёдора и прихожан сделать всё в совершенном виде оставалось ещё в области одного только желания и не более. «Церковь», говорил о. Фёдор, «должна украсить наш город, как небо украшено звёздами».

16 мая 1842 года о. Фёдор, во внимание долголетней усердной службы и трудов при постройке церкви, был награждён от Св. Синода золотым наперстным крестом. Это была уже последняя награда о. Базилевскому, который говаривал: «этот крест предвещает мне крест могильный... Спасибо начальству, но мне уже прошла пора радоваться...»

Справедливо говорил так о себе о. Фёдор, ибо, в это время, он, отягощённый старостию и болезнями уже ходатайствовал пред епархиальным начальством о назначении себе в помощники, внука своего, от дочери М.Ф., священника Верхоторского уезда, Ивана Петровича Бреева, который и был назначен вторым (младшим) священником Стерлитамакской церкви.

В 1844 году, о. Фёдор, за старостию лет и слабостию здоровья, подал в отставку и указом Оренбургской духовной консистории, 9 декабря того же года, уволен за штат, с засвидетельствованием, как сказано в этом указе, от епархиального начальства, за долговременную усердную, общеполезную и безпорочную службу, благодарности, с правом, когда пожелает, заниматься богослужением и с обязанностию быть попечителем при окончательной достройке храма, воздвигнутого его заботливостию в г. Стерлитамаке.

Достройка храма продолжалась, но слабело здоровье её главнодеятеля. Неумолимая старость брала свой верх над некогда энергическим телом о. Базилевского и смерть, что называется, уже стучалась в ворота его храмины. В последнее время о. Фёдор часто болел и поэтому редко мог отправлять церковное богослужение, а при продолжительной службе уже более сидел в алтаре, вставая лишь только для возгласов.

В 1846 году он стал часто и по долгу болеть и, если, когда

служил, то с заметным уже усилием, но, всётаки, по прежнему, был душёю всего Стерлитамакского уезда, где неумолкало ещё его учительское слово, по прежнему он заботился о нуждах ближнего, по прежнему ходили и ездили к нему за благословением, советами и наставлениями и он, уже стоящий на пороге гроба, был тем же неизменным другом народа.

В 1848 году, в день св. Пасхи, о. Фёдор уже в последний раз совершая утреню, а после её, также, как и в былые годы, отправился на кладбище, чтобы похристосоваться с усопшими, и, затем, отслуживши литургию, по немощам своим, не мог уже бывать в церкви. Но вот является в Оренбургском крае и в г. Стерлитамаке холерная эпидемия, поражавшая людей сотнями и даже тысячами и наводившая уныние даже на самые стоичные натуры. Народ искал утешение лишь в молитвах и ежедневно посещал храм Божий. Чтобы поддержать упавший дух народа, о. Фёдор, слабый и тяжко больной, посоветовал просить разрешения у Святейшего Синода на принесение из с. Табынска чудотворной иконы Казанской Божией Матери в г. Стерлитамак. Разрешение вскоре же последовало, а принесение и встреча святыни произошла 25 июля 1848 года. Для встречи св. иконы о. Фёдор сам явился в церковь и отправившись с крестным ходом до места встречи, на выезд из города, пешком, далее идти уже не мог – его увезли с дороги домой... Все были встревожены этим случаем и желали узнать о причине внезапного отъезда о. протоиерея и оказалось, что он заболел холерою, окончательно подкосившею его силы и жизнь.

Но всему черёд. Утром, 26 июля 1848 года, церковный колокол известил жителей г. Стерлитамака, что любимый и уважаемый ими пастырь переселился в вечность. Весть о кончине о. Фёдора возбудила всеобщее сожаление о потере его нетолько среди православных, но даже среди раскольников и магометан и скоро распространилась по всем сёлам и деревням Стерлитамакского уезда. Двое суток прихожане всех со[с]ловий приходили один за другим поклониться праху любимого пастыря, а на третьи сутки, 28 июля, весь город стёкся отдать последний долг почившему. Здесь уже были люди разных национальностей и вер. Обряд погребения совершал приемник усопшего протоиерей К.О. Фёдоров, с несколькими священниками, прибывшими из сёл. Стечение народа было настолько велико, что вчерне отделанная новая церковь не могла вместить всех богомольцев, которые массою стояли вокруг храма, на площади; богослужение продолжалось несколько часов: целый час затем прощался народ с почившим, воздавая ему последнее целование.

Тысячи народа провожали тело покойного на место его последнего покоя. «Помолись за нас!.. Тебе лучше там будет, чем нам!» слышалось, разсказывали очевидцы, в толпе народной. По всему этому можно судить, что для о. Фёдора, переход в новую жизнь, был невозмутим и спокоен. Не напрасно же он, в последние годы своей жизни, часто повторял слова св. писания: «мне еже жити Христос и умрети есть приобретение».

Протоиерей Ф.И. Базилевский был действительно замечательный и выдающийся человек своего времени, а ещё более среди православного духовенства, далёкого Оренбургского края, недавно и только с приобретением Россиею земель в Средней Азии, переставшего считаться окраиной Империи.

При жизни Ф.И. Базилевского, родившегося вскоре после Пугачёвского бунта, много совершилось событий в здешнем крае. При нём же создалась Оренбургская епархия, в которой он был одним из замечательных деятелей и, как благочинный, ревностный сотрудник многих Оренбургских епархиальных архиереев, о действиях которых один о. Фёдор мог-бы дать самые интересные известия для истории Оренбургского края, но со смертию его многое потеряно безвозвратно.

Говоря о протоиерее Базилевском, мы далеко не могли передать о всех частных сторонах его жизни, ибо, в настоящее время, когда мы писали эту биографию, есть особы близкие ему по родству и несколько других личностей, знающих в подробности его жизнь, службу и деятельность, которым, вместе с существующими между населением Стерлитамакского уезда преданиями об о. Фёдоре, возможно написать целую книгу, а нам пришлось ограничиться лишь только главнейшими чертами жизни покойного.

Чрез 18 лет после кончины протоиерея Ф.И. Базилевского, 19 июля 1866 года, скончалась в г. Стерлитамаке супруга его, Наталия Стефановна, и была погребена уже в фамильном склепе под кладбищенскою церковью св. муч. Феодора Стратилата, и на одной из сторон сокрывающего останки её супруга саркофага сделана следующая надпись: «Здесь положено тело протоиерейши Натальи Стефановны Базилевской, скончавшейся 19 июля 1866 года, на 102 году жизни». Об этой русской патриотке и религиозной женщине тоже нельзя пройти молчанием, ибо в жизни и деятельности мужа своего, протоиерея Базилевского, Наталия Стефановна не оставалась безучастной и безмолвной свидетельницей, о чём сам покойный её муж свидетельствовал и говорил, что он, очень часто, пользовался её советами, а лица, хорошо знающие её, вспоминают о ней, как о женщине умной с

добрейшей душёю и отличным характером.

Коснувшись личности супруги протоиерея Ф.И. Базилевского, не лишним считаем помянуть здесь и о колыбели о. Фёдора, – Зелаирской крепости, в настоящее время уже не существующей, на месте её осталось лишь только одно бывшее кладбище, где погребены родители Фёдора Ивановича: священник Иван Андреевич Шишков и Мелания Иродионовна, и над могилою первого, ещё в 1874 году, мы, по указанию старожилов, видели деревянный голубец.

Ровно чрез 14 лет после кончины протоиерея Ф.И. Базилевского, именно в 1866 году, церковь во имя Казанской иконы Пресвятой Богородицы, в г. Стерлитамаке, была окончательно устроена и освящена, составляя ныне единственное и лучшее украшение города и будет впредь служить вечным памятником о жизни и деятельности основателя своего, протоиерея Фёдора Ивановича Базилевского, оставившего по себе нерукотворённый памятник в сердцах пасомых и знавших его, как человека, в котором были развиты чистая любовь к страждущему духовно и телесно собрату о христе и крепкая воля неусыпно служить на пользу дела и истины. Мир праху его и вечная память!

(Уфимские губернские ведомости. 1893. 27 марта, 3, 17, 24 апреля, 1, 8, 29 мая, 5, 12, 19 июня, 17, 31 июля, 4, 18 сентября, 2, 30 октября, 6 ноября)

Приложения:
№ 1. Некролог.

Среди утрат, понесённых Стерлитамаком от настоящей эпидемии, нельзя умолчать, чтобы несказать о смерти маститого старца, Фёдора Ивановича Базилевского, протоиерея тамошней церкви, Владимирского кавалера и родоначальника известной фамилии в здешнем крае.

Он, как подвижник добра и ревностный пастырь церкви до самых преклонных лет неоставлял своего храма, постоянно напутствуя своих прихожан в деле благочестия. Все знавшие его, кроме доброго слова ничем иным неотзовутся о нём.

Фёдор Иванович священствовал в Стерлитамаке слишком 50 лет, в том числе был благочинным лет 30. Он недожил только 2-х лет до своего столетия. При всей скоропостижнодействующей эпидемии, он принял смерть без трепета, как праведник, с миром, и сам облачился в одеяние своего сана.

Преданность и любовь к нему высказалась и по смерти его: ибо все чины города, все купцы и мещане провожали тело его до

самой могилы. Судья, Городничий, Земский Исправник и Казначей несли гробовую крышку, а купцы самый гроб.

Мир праху твоему, добрый пастырь! да упокоит тебя милосердие Божие в селениях праведных, как ты покоил своими душеспасительными советами в житейском море своих прихожан. Могила твоя долго не зарастёт былием; стопа неодних твоих родных будет пролагать тропу к последнему твоему убежищу; каждый и духовный твой сын, помнящий благие твои советы, приведёт неодин раз чад своих к усыпальнице твоей, и с слезою скажет: здесь покоится тело доброго нашего пастыря Ф. И. Б.

(Оренбургские губернские ведомости. 1848. 21 августа)

№ 2. Стерлитамак.

На закате дней жизни маститого старца, Протоиерея Фёдора Ивановича Базилевского, все помыслы и желания клонились к оной цели – видеть сооружённым в Стерлитамаке каменный храм Вездесущему, – достойный и времени и места. Сочувствуя его благочестивой заботливости, граждане города посильно содействовали ему своими приношениями; но эти приношения были много недостаточны.

За всем тем его попечениями и молитвами кончен был трёхпрестольный храм вчерне к 1848 году, и отправлялось уже богослужение в одном из его приделов. В этот, грозный карою Небесною, год последовала и кончина благочестивого старца. Испуская, быть может, последнее дыхание земной своей жизни, он молил милосердного Бога, дабы сооружённый его заботливостью храм был приведён, сколь возможно поспешнее, к совершенному концу, как место достойное для прославления Его святого имени. И молитва старца не осталась втуне. – Храм этот ныне отделан с достойным великолепием и освящён 26 числа истекшего Октября, к общей радости жителей Стерлитамака, верующих в Треипостасную и нераздельную Троицу.

К поспешному же сооружению этого храма много содействовало и пожертвование 25 000 руб. ассиг., по завещанию покойного К.И. Еселева. (*) Но во главе угла бытописатель должен поставить виновником окончательной отделки храма старшего из сыновей Протоиерея Базилевского, Ивана Фёдоровича Базилевского, достойного преемника отцу в благих его деяниях, и более, кажется, других памятующего его заветы, как некогда исполнял младший Тавит, получив оные от отца, лежавшего на

* Здесь нельзя пропустить без внимания жителей Стерлитамацких – купцов Владимирцова и Сухорукова, коих вклады, в особенности первого, довольно замечательны.

смертном одре. И действительно это так. Иван Фёдорович не ограничился одною заботливостию об отделке помянутого храма, в которой входя поражаешься и высокостию живописи икон (**), и богатством позолоты самого иконостаса; нет! он испросил соизволение, чрез духовное начальство, и на сооружение кладбищенской церкви над прахом виновника своей жизни, в которой бы если не всегда, то по временам отправлялось Богослужение за упокой как его души, так и прочих отшедших братий Стерлитамака.

Тысячи христиан, в день освящения, стояло в новом храме и вокруг, на церковной его площади, и на верно каждый из них приносил благодарные мольбы Вседержителю за дарованное им благотворить купно молитвы и моления в великолепном, по местности храме, и потом, расходясь, с радостью в душе, по стогнам града благословлял каждый и имена лиц, содействовавших к сооружению этой святыни.

И так не даром воды быстрого Ашкадара и светлой Стерли поили отца и сына; не даром среди их мирною стопою ходил отец для напутствия своей паствы; а сын, в дни юности резвился на берегах их, гонясь за пёстрыми бабочками.

Жители Стерлитамака! памятуйте о фамилии Базилевских; памятуйте и молитесь. Быть может двух-сот-пудовой колокол дополнит их заботливость о благолепии вашего единственного ныне храма; быть может этот вестник, призывающий христиан на молитву, разбудит своим гулом не одну дремавшую в грехах душу и обратит её к покаянию.

Дай Бог, чтобы сбылись наши предположения.

Ив. В-н-мъ»

(Оренбургские губернские ведомости. 1850. 25 ноября; *Роднов М.И.* Стерлитамак на газетных страницах XIX века // В центре Евразии / Отв. ред. Д.П. Самородов, зам. отв. ред. И.В. Денисов. Стерлитамак, 2012)

** Писанных в Академии Художеств. В особенности обращает на себя внимание запрестольный образ Положения Христа Спасителя во гроб, Академика Воробьёва.

V. Николай Александрович Гурвич

Уфимский попечительный о бедных комитет и Пётр Васильевич Полежаев († 19 марта 1894 г.)[1] (фрагменты)

Краткий исторический очерк возникновения и развития Уфимского Попечительного о бедных Комитета и отдельных учреждений[*].

История возникновения Уфимского попечительного о бедных комитета есть вместе с тем история возникновения вообще в Уфе и в бывшей Оренбургской губернии отдельно и корпоративно организованной общественной благотворительности, которой не было в крае до 1816 года. Как отправлялась общественная благотворительность в Уфе до того времени прямых документальных данных не имеется. Насколько можно видеть из других исторических данных прошлого столетия, благотворительность тогда имела источниками частью казённую субсидию, частью из городских средств, частью же из средств духовенства. С самых отдалённых времён и чуть ли не с основания Уфы, здесь существовал так называвшийся *Убогий* или *Божий* дом, на нынешней Лазаретной улице, а в старину за городом в поле, который содержался на городские средства и состоял под надзором духовенства Смоленского собора (нынешней Троицк[о]й церкви) и особенного смотрителя под именем «Божедомского прикащика». Есть однако-же указания, что из Государевой городовой Уфимской казны отпущено на убогий дом в 1691 году

---

[1] Во втором № имеется подзаголовок: «(*Члена комитета Н.А. Гурвича*)».

[*] Предлагаемые сведения заимствованы из исторического очерка Уфимского Попечительного о бедных комитета, составленного мною в 1885 году, по поручению комитета, вследствие предложения Совета Императорского человеколюбивого общества. При составлении того очерка я пользовался тогда, частию брошюрой составленной бывшим Председателем Комитета, покойным В.А. Новиковым, и изданной Комитетом в 1871 году, по случаю пятидесятилетнего юбилея его частию историческими архивными данными, сообщёнными достопамятным сотрудником нашим, покойным Руфом Гавриловичем Игнатьевым и напечатанными в разное время в местных Губернских Ведомостях, а затем моими личными сведениями по деятельности комитета, коего я состою членом с самого его возрождения – с 1859 года.

При настоящем моём очерке я намерен местами сообщать живые воспоминания из Уфимской старины, свидетелями которых, к сожалению, осталось теперь уже немного. Автор. Этот подзаголовок печатался и в следующем номере.

на содержание призреваемых 8 стариков и 10 старух 3 рубля московских, да в поминальный и погребальный день семика из той же казны по 1 рублю на плату, за погребение и помин умерших – Успенского монастыря игумену, протопопу и попам Смоленского собора и прочих церквей. Деньги из Уфимской приказной палаты получал Божедомский приказчик Васька Шумилин. Кроме того из того же акта видно, что Шумилину дано на приём и пропитание странников 2 рубля. Из этого видно, что в Уфе ещё в прошлом столетии была богадельня с странноприёмным домом.

Так как тела умерших из призреваемых в этом доме, а также неизвестных и безродных странников нищих и казнённых, (почему этот дом и назывался скудельцами, не погребались, а складывались в убогих домах в ямы, до поминальных дней семика, что было причиной моровых поветрий, то Екатерине II, по случаю московской чумы 1771 года, в том же году 24 декабря, издала указ о закрытии убогих домов и чтобы не хоронить никого, кроме особых случаев, при городских церквах. После получения этого указа тотчас же и в Уфе был закрыт убогий дом; на месте его в 1777 году построена деревянная часовня, состоявшая в ведении Смоленского собора; в часовне служили молебны по случаю засух или безвёдрия. Построителем часовни был известный во время осады Уфы протоиерей Иаков Неверов, который выстроил её из материала богадельни, выбрав лучшие.

По плану г. Уфы в начале настоящего столетия часовня была уже в городе и сгорела в большой Уфимский пожар 1824 года. В 1798 году духовное ведомство пыталось открыть богадельню при соборе для лиц своего ведомства на 15 человек, и открыло было, но в 1802 году уже богадельни этой не существовало. До 1816 года больниц и богаделен гражданского ведомства, как должно полагать, не было; была больница в Уфе только военная; и врачей в Уфе было мало, так что во многие дома приглашался врач из Симского завода, Крупович, пользовавшийся популярностию. Приказы общественного призрения открыты везде после 1785 года при учреждении наместничеств, переименованных в 1796 году в губернии. Архив Уфимского Приказа общественного призрения со старыми делами сгорел в 1816 году, вот почему и нет сведений ни о богоугодных заведениях, ни о какой другой благотворительности до того времени. Но должно полагать, что приказ существовал в Уфе до 1816 года.

Предание говорит, что и до 1816 года представители общества по временам устраивали общественные увеселения и театры в пользу бедных, но главным образом бедные вспомоществовались частною благотворительностью; у бедных не просивших

милостыни, были отдельные благодетели, а в особенности благодетельницы, которые содержали и помогали им. О некоторых таких благодетельницах сохранилась до сих пор память, так например дочь известного заводчика Ивана Борисовича Твердышева Мария Ивановна Бекетова выстроила на свой счёт слободу Бекетовскую (ныне Бекетовская улица) и поставила в ней первый свои дом, где теперь гостиница Попова (ныне Полетаева); это было после пожара 12 мая 1816 года, начавшегося на Казанской улице, в доме купеческих дочерей Иконниковых и истребившего в Уфе 248 домов, гостинный двор, вице-губернаторский дом, уездные присутственные места и ногайский (Бельский) мост. Госпожа Глазова содержала на свой счёт почти целый Приют, в котором воспитывались бедные сироты, из которых несколько человек состояли в последствии чиновниками на государственной службе. Должно полагать, что злоба дня бедного уфимского люда удовлетворялась тогда отдельною частною благотворительностию, что впрочем объясняется необыкновенною дешевизною содержания в Уфе в то время и значительными средствами богатого, в то вр[е]мя, оренбургского дворянства. Но в 1816 году Уфа, как сказано выше, сильно пострадала от пожара. Бедствие было так велико, что для пособия погорельцам признано было необходимым принять исключительные меры и, между прочим, по Высочайшему повелению, открыт был повсеместный в России сбор добровольных пожертвований. Русские люди, как и всегда, тепло откликнулись на призыв Батюшки-Царя к доброму делу; пожертвования стали поступать щедро и, по особой Монаршей воле, передавались через начальников губернии в совет Императорского Человеколюбивого общества, а отсюда распределялись между нуждавшимися, чрез местный комитет, который учреждён был в Уфе собственно на этот случай. Сбор продолжался два года и прекращён, по постановлению комитета Г.г. Министров, состоявшемуся вследствие представления главного попечителя человеколюбивого общества, распубликованному в указе Правительствующего Сената 11 июля 1818 года.

…

Уфимский попечительный о бедных комитет и губернатор
Е.И. Барановский.
(Члена комитета Н.А. Гурвича)

Продолжаю своё сказание о перевороте, последовавшем в организации и деятельности попечительного комитета, и как свидетель и участник этой эпохи, начинаю своё сказание «преданием старины», хоть не «глубокой», но уже теперь почти забытой.

Слово о «Голубиной» улице и искажённом её названии.

Да простит меня читатель, что я признаю уместным и даже достодолжным прервать не надолго прямую нить моего разсказа о попечительном комитете и привязать к ней побочную нить, которая однакож вяжется с общею; притом же я в начале моей статьи обещался касаться местами Уфимской старины. Я хочу поведать об одной старинной улице в Уфе, искажённое до безобразия название которой доказывает, что извратить до абсурда традицию способна не одна толпа, но и интеллигенция. Речь идёт о традиционно-искажённой по названию «Голубиной» улице. И вот я начну свою аргументацию с 1853 года, – года моего приезда в Уфу.

Тогда в Уфе слыла под названием Голубиной слободки, та часть теперешней Голубиной улицы, которая простирается от пересекающей её Спасской до пересечения её же Малой Ильинской (нами же названной в 1864 г.). Название Голубиной слободки произошло, конечно, отнюдь не от голубей, которых там не больше водилось, чем в остальных частях города, а произошло от фамилии первого поселенца слободки, выходца в XVIII столетии из Челябинска, (или Челябинской крепости, как тогда называли), посадского человека Голубина (ударение на у). Это предание по архивным изследованиям покойного Р.Г. Игнатьева, было напечатано в Уфим. Губ. Вед. и в изданиях Уфим. Стат. Ком. Но и в названии Голубиной слободки уже по произношению была неправильность – следовало произносить – не Голубиная, (ударение на и), а Голубинная (ударение на у) по фамилии первого поселенца. Затем от слободки часть улицы, от угла усадьбы Видинеева, (а в 50-х годах – полковника Краевского) до дома помещика Фёдорова (теперь Коншина), улица называлась Почтовою, так как с самых давних времён на этой улице была почтовая контора, в доме И.Ф. Базилевского, теперешней женской гимназии. Далее, от дома Фёдорова до выезда из города, часть улицы называлась Вавиловскою. Нужно прибавить, что это название сложилось не от стоявшего на этой улице старинного каменного дома дворянина Вавилова, а от того, что эта улица ведёт к Вавиловскому перевозу, получившему своё название от фамилии стрельца Вавилова, содержавшего этот перевоз в XVIII столетии. Кстати прибавим, что и название Дудкина перевоза на реке Уфе тоже произошло от фамилии стрельца Дудкина, содержавшего этот перевоз современно с Вавиловым (об этом тоже было напечатано, как выше сказано[1]).

---

[1] Всё мною указанное может подтвердить уроженец и домовладелец Голу-

Таким образом, смею думать, что теперешнее название «Голубиная» улица является «сугубым враньём»: во-первых традиционным, так как «Голубиной» улицы не бывало в Уфе по крайней мере до 70-х годов (а может быть и дольше) текущего столетия, а каким образом народилось это враньё – аллах один ведает. Во-вторых, враньё фонетическое, так как слово Голубиная должно произноситься с ударением на у.

Позволяю себе думать, что правильные осмысленные названия улиц и вообще частей города всегда основываются на каких нибудь исторических и традиционных данных, или впамять лиц, оказавших услуги городу и вообще данной местности, или отмеченных вообще полезною деятельностью, и установление подобных названий, смею думать, относится отчасти также к благоустроению города. В последние годы наше городское самоуправление, к чести его будь сказано, видимо воодушевлено стремлением к такому благоустроению и потому можно ожидать, что и сказанная отрасль благоустройства дождётся своей очереди, а потому я и позволил себе вставить своё слово, по крайнему моему разумению.

В сказанной несообразности названия «Голубиной» улицы можно упрекнуть и относительно названия и некоторых других улиц, но пока остановимся на этой.

Всё изложенное, смею думать, достаточно убеждает в сугубо навранном названии этой пресловутой Голубиной улицы. Но есть и посерьёзнее обличение, уже не толпы, а интеллигенции, в лишении этой улицы того почётного, можно сказать, исторического названия, на которое она имеет неотъемлемое право.

Всем читавшим «Семейную Хронику» С.Т. Аксакова, хорошо известно, что во многих местах этой хроники указывается место проживания в Уфе семейства Багровых, сиречь Аксаковых; но следующее место уже прямо бьёт в глаза рельефом такого указания. В I т. хроники, в статье «Жизнь в Уфе», на стр. 211, описание рождения Багрова внука, сиречь С.Т. Аксакова, гласит тако: «наступила ранняя и в то же время роскошная весна; взломала свои льды река Белая. Весь разлив виден был как на ладонке из окон домика Голубиной слободки; разцвёл плодовитый сад у Багровых и т. д.

Нужно ли ещё более поражающей аргументации, что С.Т. Аксаков родился в той части нынешней обездоленной названием улицы, которая как тогда, так и в 70-х ещё годах текущего сто-

---

биной, (пускай пока так зовётся) многоуважаемый М.М. Васильев, у которого я поверял свои воспоминания. *Автор*.

летия называлась Голубиной слободкой, как выяснено мною выше.

Один почтенный оппонент моей тенденции и беззаветный защитник новонаречённой Аксаковской улицы вздумал отпарировать мои нападки приводимою мною же фразою, что из окон дома Аксаковых, дескать, виден был разлив р. Белой, тогда как теперь из усадьбы г. Видинеева этого не видать. На это я должен возразить следующее. На этой усадьбе ещё в последних 50-х год стояло 2 дома: 1 – деревянный на Голубиной улице с высоким бельведером, с которого видна была не только р. Белая, но и большое пространство за нею; второй дом плитняковый 2-х этажный, стоял в саду и из него также виднелась р. Белая, особенно в разлив её. Затем уважаемый оппонент мой изволил упустить из виду, что во время проживания в Уфе семейства Багрова, от нынешней усадьбы Видинеева до Белой вовсе не было строений, или, по крайней мере, таких, которые могли бы заслонять вид на Белую.

Наконец, я сам, как живой свидетель, могу ещё точнее определить то именно место, где жили Аксаковы и родился Сергей Тимофеевич, для чего поведаю следующее. В последних 50-х годах, конечно текущего столетия, (к сожалению года точно припомнить не могу) кружок почитателей памяти Сергея Тимофеевича отслужил панихиду по нём на открытом воздухе в нынешнем саду Видинеева (тогда Краевских). Надеюсь, что поверять моим личным воспоминаниям, так как нет же основания не доверять им.

Из изложенного явствует, что за улицей, в которой, ясно как светлый день, родился Аксаков, оставили название в честь голубей (по существующему произношению), а улицу, которой и не существовало при С.Т. Аксакове, и с которой никогда у него ничего общего не было, увенчали его именем, так что непонятно: Аксакова ли почтили этой улицей, или улицу почтили именем Аксакова? А если так, то зачем не поступились ещё более громкими знаменитостями, например памятью академика Пекарского, Уфимского уроженца, или Пушкина, например, который даже гостил в нашем крае; правда, они оба не ездили нашей железной дороге, на вокзал которой ведёт новопожалованная Аксаковская улица (до сих пор она называлась Каретною), так ведь и Аксаков по ней не ездил?...

Dixi et animam levavi..!

Можно бы и ещё кое-что о Голубиной и Аксаковской улицах пояснить, да чтоб гусей не раздразнить…

Н. Гурвич.

Попечительный о бедных комитет, губернатор Е.И. Барановский и Голубиная улица. (Члена комитета Н.А. Гурвича)

«Ещё одно последнее сказанье
– И летопись окончена моя».

Два предыдущих №№ я посвятил беседе во имя возстановления истины о неправильном названии Голубиной улицы и об отнятом у неё наследственно принадлежащем ей названии *Аксаковскою*. Дерзаю даже гласно высказать свою тенденцию. Позволяю себе полагать, что если уже нельзя отнять у её счастливой соперницы, бывшей скромной Каретной улицы, величавого названия Аксаковской, то можно бы обездоленную Голубиную переименовать в Старо-Аксаковскую; это будет вполне историческое возстановление и заслуженное почитание.

Сказ мой о Голубиной улице правдив и, конечно, безпристрастен; при чём опять ссылаюсь на свидетельское показание, приведённое мною в № 8, в выноске при моей статье. Будет-ли мой голос услышан, или останется вопиющим без последствий – я скажу «quad potui feci… (я сделал что мог); может быть – не теперь, так когда нибудь внемлется…

А затем продолжаю своё сказанье о Голубиной, бывшей в 50-х годах Почтовой улице.

Левая сторона этой улицы за домом М.М. Васильева до угла её со Спасскою улицею, была в 50 годах незастроена, а обнесена забором, за которым виднелся пригорок; на этом пригорке стоял, или лучше сказать торчал, ветхенький домик. Именно торчал – ни кола, ни двора, так он смотрел одиноким, сиротливым и стареньким. Помнится, он был с обваливающеюся штукатуркою, выкрашен жолтою краскою. Кстати сказать, краска эта была тогда превалирующею в Уфе, так что самая большая часть оштукатуренных домов была выкрашена этой окраской. Домик был, кажется, о 4 окнах, с крылечком посередине. Повторяю, что домик как-то обращал на себя внимание своею видимою опустелостью, и на вопрос о нём, мне сказали, что это, дескать, «Попечительный комитет о бедных». Что именно это означало – канцелярию комитета, или какое нибудь доживающее учреждение? – не мог я узнать. На другой или на третий день я был у Егора Ивановича, как его домашний врач, и в разговоре коснулся этого домика. Егор [И]ванович, как бы спохватившись, спросил меня: «а что не знаете ли что нибудь о Попечительном комитете?» Ко-

нечно, я ничего не мог ему сказать на это, и он сделал себе заметку. Это было, как мне помнится, зимою 1855 года; Егор Иванович, в качестве вице-губернатора временно исправлял тогда должность губернатора. Через несколько дней заезжая к Е.И., я застал в приёмной двух почтенных старцев, в мундирах того времени, с фалдами и воротником выше ушей, при висячей с боку гражданской шпажонке; они стояли в видимо тревожном ожидании выхода Е. П-ва. Это были именно представители Попечительного комитета, вызванные для объяснения. Какие там были объяснения – мне не известно, но дела комитета от этого не подвинулись, а в 1856 году Е.И. уехал из Уфы.

В 1858 году Е.И. приехал в Уфу уже гражданским губернатором. Помнится мне, как сейчас, первое представление у него. Он остановился в доме, где жил и вице-губернатором, бывшего губернского землемера Нафанова (теперь г-жи Рындзюнской) на Кладбищенской[1], ныне Успенской улице.

Первый приём Е.И. был полнейшим критическим обзором и оценкою всех отраслей деятельности в губернии, которые ему были хорошо известны, как бывшему вице-губернатору, часто исправлявшему должность губернатора. Конечно, речь коснулась и деятельности Попечительного комитета. За словом Е.И. немедленно последовало и дело – и «пошла писать губерния», а в том числе и о Попечительном Комитете.

Этим заканчиваю, пока, мои личные воспоминания из области преданий, а затем перейду в область документальной истории.

(Продолжение будет)[2].

(Уфимские губернские ведомости. 1896.
12, 13 ноября, 11, 14, 15 января)

---

[1] Страсть была встарину у Уфимцев называть улицы самыми непривлекательными наименованиями: Кладбищенская, да Лазаретная, да Сибирские – Большая и Малая, хотя последние, ни та, ни другая, вовсе не вели непременно в Сибирь, а скорее в места злачные. *Автор.*

[2] Но продолжения этой работы больше не последовало. Всего эта статья выходила в номерах: Уфимские губернские ведомости. 1896. 20 сентября, 12, 13, 14, 19, 20 ноября, 19, 21, 22 декабря; 1897. 10, 11, 14, 15 января.

† Н.А. Гурвич.

Как сообщалось уже в нашей газете, 20 мая скончался маститый местный старожил, действительный статский советник Николай Александрович Гурвич. Покойный скончался в преклонных летах, находясь в отставке и проживая безвыездно в Уфе. По образованию своему покойный – медик; по профессии-же – учёный публицист и филантроп. Большую часть жизни Н.А. посвятил публицистической деятельности на почве различных научных изследований, – главным образом истории, этнографии и археологии местного Уфимского края. Много лет покойный состоял членом секретарём Уфимского губернского статистического комитета; Уфимский музей – это близкое детище Н. А – ча; он его основал; он-же привёл музей в систематический порядок; в течении многих лет пополнял, совершенствовал и заботился о нём, пока позволяли физические силы. А ведь музей наш, теперь заброшенный и запущенный, когда-то привлекал к себе всеобщее внимание. В 90 годах музей, помнится, посетили американские туристы, которых встречал и приветствовал на французском языке сам Н.А. Тогда-же эти иностранные гости выразили лестную дань похвалы музею, а уже американцы, вероятно, видали всяческие виды.

Кроме публицистики, Н.А. нечужда была и другая многоразличная деятельность; в своё время, по словам старожил, это был заметный благотворитель: некоторые из существующих и теперь благотворительных учреждений обязаны осуществлением главным образом Н. А – чу, например, – детские приюты, человеколюбивое общество и проч.

Много лет покойный принимал самое живейшее участие в Уфимском миссионерском обществе, состоя его постоянным членом; вообще не было в Уфе благотворительного учреждения или общества, с которым не было-бы связано имя Н.А. Гурвича. Он был весьма сердечным и отзывчивым человеком; обладал редким тактом и уравновешенностью; ему был присущ и дар слова, которое раздавалось в своё время на всех выдающихся общественных собраниях, при всех выдающихся местных случаях. Речь была красивая, образная, отличавшаяся широтою мысли и взгляда – как человека весьма образованного. Вообще много, много внёс Н.А. в культуру местного края облагораживающего и возвышающего. Это несомненно крупная личность, которые родятся редкими единицами.

В маленькой заметке, конечно, не описать всего, что сделал Н. А – ч для родного Уфимского края, – личность его должна служить объектом изследования учёных историков-биографов,

наша задача отдать в немногих словах заслуженную дань уважения памяти славного из Уфимцев, заслужившего особенное, на наш взгляд, внимание к себе со стороны не только города, но и всего нашего края, которому покойный посвятил десятки лет беззаветного возвышенного служения. Это долг Уфы, его сугубая обязанность.

В заключение нельзя не добавить, что много лет Н.А. Гурвич состоял редактором «Уфимских Губернских Ведомостей», из которых, впоследствии, отслоился «Уфимский Край», читателем которого Н.А. был до самой кончины.

Покойный любил храмы Божии и был усердным и верующим христианином.

Мир его праху!

(Уфимский край. 1914. 22 мая)

† Н.А. Гурвич.

Почти 60 лет тому назад в Уфу на службу по удельному ведомству приехал молодой врач Николай Александрович Гурвич. С тех пор всю свою долгую жизнь, полную напряжённого и многостороннего труда, Н.А. посвятил нашему краю.

Уроженец западного края, Гродненской губернии, Н.А. Гурвич по окончании курса в медико-хирургической академии ещё во времена Н.И. Пирогова, одним из любимых учеников которого от считал себя до самой смерти, сначала остался ординатором в одной из петербургских больниц, но потом, уступая просьбам родных своей покойной жены, перенёс свою деятельность в Уфимскую губернию, которую полюбил и изучил так, что сделал для неё гораздо больше многих прирождённых уфимцев. В Уфе Н.А. вскоре оставил врачебную деятельность и перешёл на службу по министерству внутренних дел чиновником особых поручений, ещё при оренбургском генерал-губернаторе. Здесь, между прочим, ему было поручено заведывание губернским статистическим комитетом. В работах по статистике Н.А. Гурвич и нашёл своё призвание и заслужил почётную известность не только среди местных деятелей, но и среди учёных исследователей. Статистическим, этнографическим и историческим исследованиям Н.А. Гурвич посвятил большую часть своих сил и сделал в этом направлении так много, что, изучая Уфимскую губернию, трудно пройти мимо работ Н.А. Гурвича.

Заслуги Н.А. в области местной статистики, этнографии, истории неразрывно связаны с другой его заслугой – в области печатного слова. Почти с самого начала своей службы в министерстве внутренних дел на него было возложено редактирование неоффициальной части «Губернских Ведомостей»; с этого

времени издание это и получило действительно облик органа печатного слова. Менялись общественные течения, менялись лица, а Н.А. Гурвич почти полстолетия был несменяемым редактором и главным сотрудником этого издания. Он же был целый ряд лет редактором и другого печатного органа – «Вестника Уфимского Земства», в котором группировались все сведения о деятельности губернского и уездных земств. Вообще на поприще литературы и печатного слова покойный в своё время был неутомим. Долгое время из под пера его выходили почти ежегодно «Памятные книжки Уфимской губернии», календари, брошюры по разным вопросам, уставы вновь проектируемых обществ. С очень скромными средствами и силами Н.А. Гурвич провёл и напечатал несколько переписей населения г. Уфы. Несмотря на ограниченные средства и силы, он умел дать по этим переписям не только общие итоги, но и группировку населения по главнейшим категориям. Очень ценными являются и труды его по метеорологии, особенно систематические наблюдения за замерзанием и вскрытием рек за очень длинный период лет.

Литературной и публицистической деятельностью не ограничивалась роль покойного в общественной жизни г. Уфы. Он был организатором и администратором очень многих благотворительных и просветительных учреждений: детский приют, человеколюбивое общество, миссионерское общество и многие другие долгие годы в рядах своих энергичнейших и добросовестнейших членов считали и Н.А. Гурвича. Он был одним из учредителей общества врачей, почётным членом которого и был избран в последние годы своей жизни.

Как землевладелец и домовладелец А.Н. в своё время был долгое время гласным местного земства и уфимской городской думы. При недостатке в провинции энергичных культурных работников, покойный проявлял большую и разностороннюю работоспособность. Одно время он был даже преподавателем немецкого языка в местной мужской гимназии. Очень долгое время исполнял обязанности почётного мирового судьи. Покойный особенно ценил своё участие в миссионерском обществе и поэтому всегда пользовался почётом у духовенства и многих преосвященных.

Неутомимая, многосторонняя и в высшей степени добросовестная деятельность покойного приобрела ему известность, почёт и уважение не только в сфере его служебной деятельности, но и в самых разнообразных слоях общества.

С. С.

(Уфимский вестник. 1914. 25 мая)

Научное издание

«Новые» имена: историко-литературные и краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв.

Составитель М.И. Роднов

Верстка и оригинал-макет: *Набиуллин А.Р.*

Сдано в набор 12.01.2015 г. Подписано в печать 22.01.2015 г.
ООО «Свое издательство»
199004, г. Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, 42;
+7 812 612-18-81; e-mail: editor@isvoe.ru
Гарнитура «Bookman Old Style». Печать ризографическая.
Формат 60x84 1/16. Усл.-печ.л. 10,09. Уч.-изд.л. 9,41.
Бумага писчая. Тираж 100 экз. Заказ № 15.
Цена договорная.

452453, Республика Башкортостан, г. Бирск,
Интернациональная 10.
Бирский филиал Башкирского государственного университета
Отдел множительной техники